

А
267

11

ПОЭТЫ
ВОЗРОЖДЕНИЯ

изд.

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач _____

28/12 97

21/12 97

22/12

23/12

24/12

809

П-67

32 92

Поэты Воз.

рождения

301 с.гр. и 6-50.

11/12

12

89
п-67

П О Э Т Ы ВОЗРОЖДЕНИЯ

в переводах
Ю. ВЕРХОВСКОГО

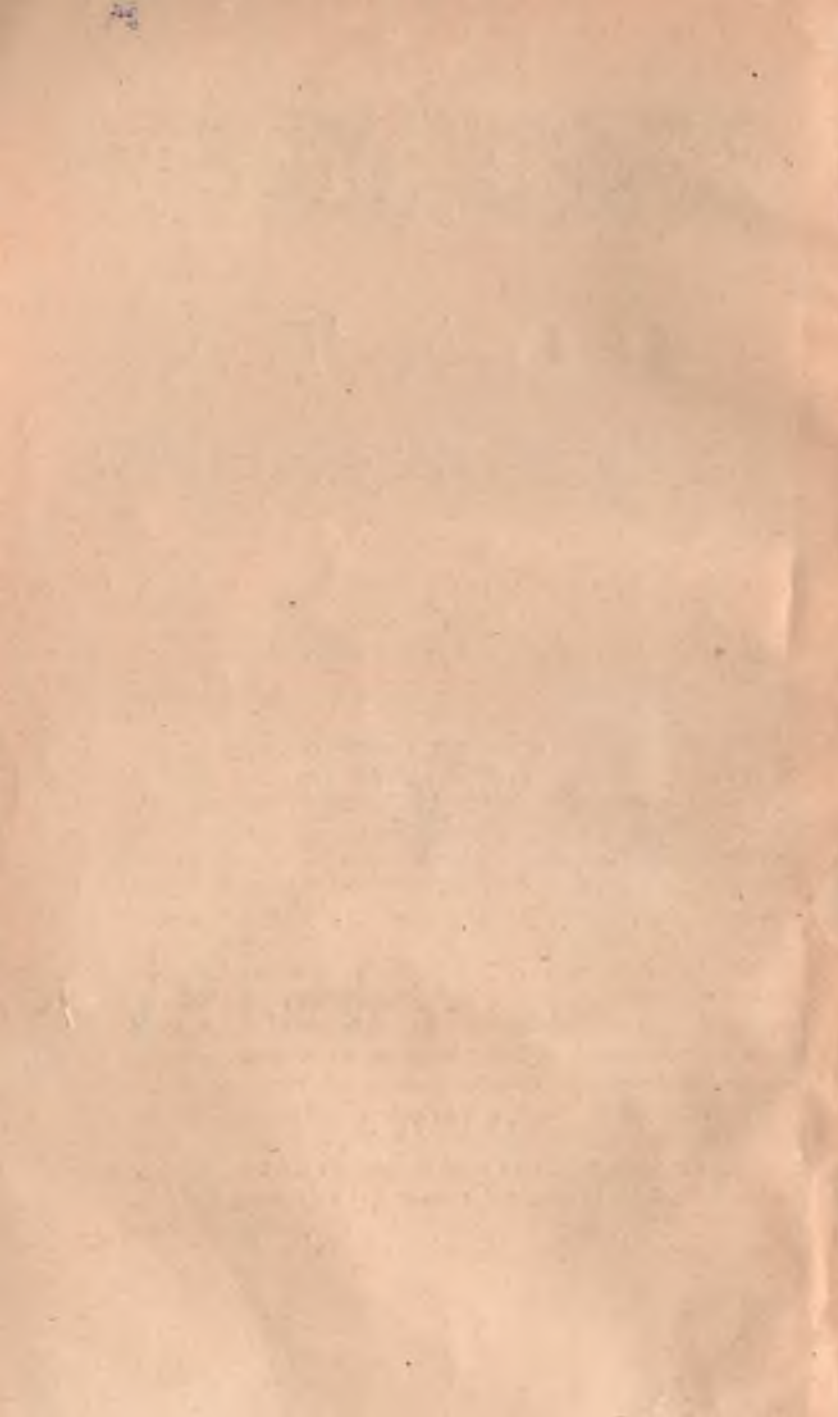

Дружеская библиотека
ка. Павлова
ИВБ № 3292

Handwritten marks: a red checkmark, a green checkmark, and a red plus sign.

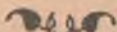
О Г И З
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1 • 9 • 4 • 8

РЕНЕССАНСНАЯ ПОЭЗИЯ
В ПЕРЕВОДАХ
Ю. Н. ВЕРХОВСКОГО

ейчас, когда международный лагерь реакции с особым ожесточением выступает против подлинной демократии и всего прогрессивного, Ренессанс сделался одним из участков идеологической борьбы.

Противники демократии, враги народа и народов, воскрешающие фашизм, призывающие по обе стороны Атлантики к борьбе против коммунизма, поощряющие в Америке линчевание негров и объявившие во всем мире войну всему прогрессивному, вторглись и в область науки. Их интересуют, конечно, больше всего науки технические, те, на основе которых совершенствуются орудия истребления. Но они не обходят своим вниманием и гуманитарные науки. Ренессанс, как эпоха человеческой культуры, провозгласившая идеи свободы личности и человеческого достоинства, поднявшая знамя гуманизма, сполчившаяся на силы мракобесия и фанатизма, не перестает служить живым укором всяческой реакции.

И приспешники современной буржуазной идеологии с усердием, достойным лучшей участи, стараются доказать, что роль Ренессанса в истории человеческой культуры, если не искажена, то преувеличена и что у средневековой феодальной культуры, против которой неизбежно боролся Ренессанс, отнимаются все заслуги.

Наивность, с какой проводится эта реакционная теория в применении к истории культуры и истории литературы всех стран, служивших ареною Ренессанса, налагает на советскую литературу долг — противопоставить явно неслучным, тенденциозным в худшем смысле этого слова попыткам определенной группы буржуазных литературоведов научную установку, раскрывающую на конкретном фактическом материале единственно правильный взгляд на Ренессанс как на «величайший прогрессивный переворот, пережитый до того человечеством», говоря словами Фридриха Энгельса.

Именно как обогащение этого конкретного фактического материала, подтверждающего прогрессивную роль Ренессанса, прежде всего ценен сборник переводов Ю. Н. Верховского. Право предстать перед советским читателем со сборником стихотворных переводов, дающих представление о поэзии большой культурной эпохи, нужно было заслужить. И едва ли кто станет оспаривать у Ю. Н. Верховского это право. Ю. Н. Верховский — поэт. Он вступает в восьмой десяток и почти полвека пишет в стихах и прозе. Он, кроме того, солидный ученый с серьезными заслугами в сфере изучения русской и западной литературы. Разумеется, он самым естественным образом должен был приступить к некоему подведению итогов. Настоящий сборник, дебютный в этом отношении, составил из переведенных Ю. Н. Верховским произведений итальянской, французской и испанской ренессансной поэзии.

Книга хорошо членится. Итальянская литература занимает в ней наибольшее место. Она представлена 37 сонетами, 4 канцонами и несколькими мелкими стихотворениями Петрарки, массивом «Фьезоланских нимф» (473 октавы) и несколькими мелкими стихо-

творениями Боккаччо. Другие итальянские поэты представлены мелкими стихотворениями, если не считать первых четырех октав «Неистового Роланда».

Очень хорошо, что появляется такая плотная гирлянда сонетов и канцон Петрарки. Правда, Петрарку переводить не легко, и Ю. Н. Верховскому не всегда удается полностью передать чудесную прозрачность языка, непринужденную игру образов и нарядное изящество стиля Петрарки. Но во всяком случае его переводы по сравнению со старыми — большой шаг вперед.

Центральной частью книги бесспорно является перевод «Фьезоланских нимф» Боккаччо. И следует прямо сказать, что перевод этого стихотворного шедевра Боккаччо удался великолепно.

Значение других итальянских переводов в том, что советский читатель получит возможность познакомиться с некоторыми образцами поэзии XIV, XV и XVI веков: с озорными стихами Буркьелло, переливами народных мотивов у Саккетти, образцами творчества прославленного стилиста Аннибале Каро и полными тягучих вздохов мадригалами вечно влюбленной поэтессы Гаспары Стампа. Переводы Ю. Н. Верховского хорошо передали особенности каждого.

* * *

В то время как переведенные Ю. Н. Верховским произведения итальянской поэзии принадлежат к Треченто, Кватроченто и Чинквеченто, французские стихи — сплошь XVI века: французский Ренессанс не имел типичных образцов ни раньше, ни позже.

Клеман Маро представлен примерно пятнадцатью стихотворениями, преимущественно эпиграммами и рондо. Тут же неразлучный с ним, манерный и галантный Мелен де Сен-Желе. Это — доплеядовская группа, как и следующая за ней чета лионцев, Морис Сэв и Луиза Лабэ, получивших по одному стихотворению, что, разумеется, недостаточно, чтобы составить о них суждение.

Из поэтов Пляеды полнее других представлены Ронсар и Ивоаким Дю Белле. Образ второго как художника получился ярче, чем образ главы Пляеды, так как Дю Белле более однороден в своем творчестве. Великое разнообразие Ронсара мало отразилось в том подборе, какой читатель найдет в книге Ю. Н. Верховского, меньше во всяком случае, чем в сборниках С. Шервинского и В. Левика. И об этом нужно пожалеть, потому что сейчас Ронсар в советском литературоведении привлекает к себе — и по заслугам — все больше внимания как крупный художник с очень живыми общественными интересами. Напротив, даже всего десяток стихотворений Дю Белле дает почувствовать некоторые существенные стороны таланта этого чудесного поэта. Остальные члены Пляеды — Баиф, Понтюс де Тиар, Жодель, Реми Белло — получили каждый по одному или по два стихотворения, что способно только возбудить некоторое любопытство у читателя, не больше. То же нужно сказать об отдельных поэтах конца XVI века, Воклене де ла Френе, Депорте и других.

Беднее других стран представлена у Ю. Н. Верховского Испания. В основном — это стихи из «Дон-Кихота». Кроме них — всего кусок из одной канцоны Гарсиласо де ла Вега и два стихотворения Луиса де Леон.

* * *

Сборник Ю. Н. Верховского, естественно, должен выполнить две задачи: познакомить советского читателя с поэзией романского Ренессанса и показать самого автора как переводчика очень трудных для перевода стихов.

Мне кажется, что вторая задача осуществлена полностью. Советский читатель оценит поэта Ю. Н. Верховского как вдумчивого, талантливого и знающего переводчика. Ибо, чтобы хорошо перевести стихи XIV, XV и XVI веков, мало было знать языки и мало было обладать стихотворным мастерством. Нужна была большая историко-литературная эрудиция, обстоя-

тельное знакомство с духом эпохи, к которой принадлежат переводимые вещи. Тут у Ю. Н. Верховского все оказалось на высоте.

Что касается первой задачи—дать картину ренессансной поэзии в Италии, Франции и Испании, то она, конечно, разрешена не полностью.

Но и в этом виде книга является нужной. Она не только знакомит читателя с некоторыми крупными стихотворными памятниками литературы Ренессанса. Она, как было замечено выше, дает материал для борьбы с реакционными истолкованиями культуры Ренессанса в целом.

Сонеты и канцоны Петрарки, в которых гремят боевые фанфары, направленные против аскетического мирозерцания средневековья, пастораль Боккаччо— «Фьезоланские нимфы», где прославляется любовь, как могущественное чувство, преодолевающее запреты Дианы, веселые эпиграммы Клемана Маро, оды Ронсара, сонеты Дю Белле, где воспевается любовь к природе, к женщине, к людям; стихи Гарсиласо де ла Вега и стихотворные инкрустации «Дон-Кихота» — все это, несмотря на разбросанность и случайную связанность между собою, сливается в великолепную человеческую симфонию, способную даже в таком виде доказать, что Ренессанс насыщен боевыми идеями, которые могут и сейчас стать оружием против реакции, ополчающейся на народы и стремящейся силу доллара сделать направляющей силой современности.

А. Дживелегов

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Необходимо сказать несколько слов об основном составе предлагаемой книги. Она выросла постепенно в течение десятилетий и в основной массе главных отделов — Италия, Франция — путем систематического отбора, связанного с академическими занятиями романским Возрождением и читанными параллельно курсами (с 1905 года). Первые переводы — несколько сонетов Петрарки — сделаны в 1903—1904 годах (вошли в мою первую книгу 1908 года); последние — Луиза Лабе, Жодель, Де Баиф, Понтюс де Тирар — в 1947 году.

Петрарку мы старались представить во всех родах его итальянской лирики. Нужно отметить, что ее жанры определяются для него тесной связью с тематикой. Мы особо выделяем его гражданскую поэзию — нами впервые переведенные сонеты-инвективы против папской курии в Авиньоне и к ним примыкающие. Аналогичен им обличительный сонет Боккаччо к Италии, и на другой почве, как бы непосредственным на них откликом звучат позднейшие сонеты Дю Белле о папе, о вельможной клике тогдашнего Рима. И в наши

дни, когда напство играет такую постыдную роль, а итальянский фашизм все еще осмеливается поднимать голову, эта поэзия, оживая, вновь может прозвучать актуально.

Вводя общественные и политические темы в область лирической поэзии «большого стиля», поэт-патриот создает ряд канцон во главе с известной «Italia mia». Одиннадцатую канцону он посвящает личному своему другу Стефано Колонна, возлагая на него надежды обновления Италии. И эта канцона — один из образцов гражданской лирики Петрарки. К ней мы присоединяем другие две, относящиеся к личной лирике. В глубоко человеческой лирике Петрарки — жизнеутверждающая сила впервые себя осознавшей, освобожденной от средневековых пут человеческой личности.

Резкости выражения всех этих подлинных переживаний не должны мешать такие частности, как естественное для поэта любование образным значением имени Колонна, как привычный аллегоризм: лавр — слава, или даже обусловленное стилем и вкусом эпохи и среды обыгрывание образов и звуков — лауго (лавр), Лауга (Лаура) и Гауга (дуновение).

Крупнейшая вещь нашего сборника — поэма Боккаччо, переступающая вместе с отрывком из Ариосто грань преобладающего его состава — лирики.

Современный советский читатель, вчитываясь в октавы «Фьезоланских нимф», не пройдет мимо характернейших черт Возрождения: самосознания личного, осуждения средневекового аскетического мировоззрения.

Из деталей хочется отметить одну. Характерно пародическое изображение Дианы и нимф, ее окружающих, в виде общины наподобие монастырской, со своим уставом и с Дианой игуменьей. А впоследствии Атлант пережил на нимфах своих бойцов, и Диана уже не спорила с порядками новой, иной поры.

Пафосом созидания звучат заключительные страницы поэмы, описывающие построение Фьезоле, а затем построение Флоренции и первые шаги истории всего края.

В заключение необходимо предпослать переводу «Фьезоланских нимф» несколько замечаний относительно формальных особенностей поэмы Боккаччо и способов их передачи по-русски. Эти замечания дадут читателю и общее представление о нашем подходе к разрешению технических проблем, стоящих перед переводчиком-поэтом.

Традиционная октава у Боккаччо непринужденна и легка, но вместе с тем внутренне полновесна и крепко сформирована. В соответствии с общим художественным стилем эпохи «Фьезоланские нимфы» — стройное и законченное целое. Такова и октава этой поэмы-идиллии, то строгая и чеканная, то свободная и текучая, то как бы небрежная, словно импровизация или песня. Эта прихотливая манера сказывается большим разнообразием в самой выделке стиха и слога, в самом выборе языка.

Внутренняя форма октавы разнообразна, но определенно означена. Расположение материала внутри восьмистишия планомерно. Это сказывается на внешней стройности. Характерна, с одной стороны, замкнутость, цельность, законченность октавы: из 473 октав только 14 не в полном смысле могут быть названы «самозаключенными», — уступка периодизации и лирическому или ораторскому кадансу. С другой стороны, эта самозаключенность всегда характерно дается относительной отчетливостью заключительного двустишия, опорной точкой октавы. Эта отчетливость сохраняется и в случаях членения на двустишия, при известном их параллелизме. Соответственно итальянской традиции рифмовка октавы сплошь женская. Традиция эта обусловлена решительным преобладанием в итальянском языке ударения на предпоследнем слоге. В условиях русского языка сплошная женская рифма на протяжении большого произведения классического склада повела бы к изысканности и не дала бы той свободной текучести, какою, при всей своей пластике, отличается октава от итальянского эпоса. Вот почему русская классическая традиция — иная, и мы не решились отступить от нее, передавая, однако, впечатление итальянской октавы тем, что конечный стих одной и начало

следующей сталкиваются у нас на женской рифме, которая тем самым и количественно преобладает. В свою очередь крайне изысканное по-итальянски введение мужской рифмы в заключительное двустипное октавы, четырежды допущенное Боккаччо (окт. 239, 300, 310, 393), сохраняет для русского слуха свой эффект исключительности и резкости, сталкиваясь с мужским окончанием предшествующего стиха. И не менее выступает сплошная мужская рифма в шестистипии — единственный случай (окт. 297).

Далее, расположение цезур вполне свободно, так же как и в отношении цельности стиха кадансирование фразы. Последнего мы старались придерживаться за исключением некоторых случаев периодизации: она иногда охватывает и не одну октаву, и вообще по-русски труднее мирится с той легкой текучестью, которая у Боккаччо (и в намерениях нашего перевода) на первом плане. Свободный язык Боккаччо на синтаксисе сказывается иногда, как отмечено, характерными неровностями — в перебоях конструкции (например, окт. 263, 456), или в известной живой разговорности; на выборе слов — то архаизмом, то простонародностью, то почти прозаизмом обыденной речи (почему, например, мы переводим *bene* — отлично, окт. 266), иногда в оттенке форм, почему мы позволяем себе, например, формы: «услыхала» вместо классического «услышала» (окт. 411) или «видали» без значения многократности (окт. 415). Далее — отдельные частности. Плеоназм порой оправдывается эмоциональной одушевленностью (окт. 396), как и случаи повторения слов (окт. 221, 410) или оборотов вроде: *piègo pregar* (переведено: «молю молить», окт. 4); *Luceva piu ch'una lucente stella* («Лучилась столь лучистой звездою», окт. 11). Изредка непередаваемая игра слов, как соединение *Aquelli* (ручей) и в следующем стихе *Intorno a quella* (окт. 19), или тоже едва ли передаваемая, сложная звуковая игра рифмы конечной и внутренней с различным ударяемым гласным и тождественными заударными звуками: *artiaverti, piacerti — lasciarti* (окт. 296).

Мы указали уже роль мужских рифм. Что касается

других сторон рифмовки, то очень часто мы видим приемы весьма упрощенные и рядом иногда чрезвычайно сложные. Обычна хотя бы, например, сплошная рифмовка трех одинаковых глагольных форм и между ними трех одинаковых падежных форм прилагательных или существительных. Иногда рифмуют слова, происходящие от одного корня, изредка даже одно и то же слово, разнящееся только приставкой, типа: «прийти» и «уйти» (что передавать по-русски мы избегали), а в двух случаях даже прямо вместо рифмы повторение слова, заканчивавшего один из соответственных стихов шестистишия (чего мы не передаем).

Все это у Боккаччо имеет характер пленительной легкой небрежности, заранее допущенной и художественно целесообразной. Наряду с нею — та изощренная чеканка, примеры которой в инструментовке мы указывали. В частности, из приемов сложного рифмования интересны внутренние рифмы (как, например, в ст. 4, окт. 220), особенно же — удвоенная рифма, как *in quanto pianto* — «с какой тоской» (окт. 287, ст. 6). Мы не будем особо говорить о внутренних ассонансах, так же как и о других деталях, более или менее элементарных — аллитерациях и т. п. Прибавим только, что, стараясь вообще передавать боккаччевскую технику, мы иногда один прием передаем другим соответственно условиям русской стихотворной речи. Соответственно замыслу этой идиллии прост и вместе прихотлив ее язык со всеми его переходами от эпического «высокого слога» до «простонародности» и «просторечия», от примитивного песенного склада до изощренной смелости реалистической новеллы.

* * *

Обращаясь к французской поэзии Возрождения, мы переходим в XVI столетие. Первый из ранних классиков Клеман Маро привлекает нас прежде всего своим жизнеутверждающим гуманистическим одушевлением. В его язвительных эпиграммах слышатся нам

отзвуки латинских чтений (Марциал), а в иных живописно-пластическая образность наводит на мысль об отраженном влиянии греческой антологии. В тех и других эпиграммах Маро все было ново и все было нужно ради этого нового содержания.

Был Маро нововводителем и в другой области: с ним вошел во французскую поэзию сонет, получивший в дальнейшем как особый литературный род широкое применение и развитие. А для Маро это было одним из результатов его переживаний и впечатлений в Италии, где он, между прочим, переводил Петrarку.

Характерной для его переходного времени непоследовательностью было то, что особые личные переживания Маро, быть может, самые острые, связанные с его борьбой против католичества и двукратным пребыванием в тюрьме, нашли себе выражение в архаических формах рондо. В них как будто слышатся отзвуки Вийона (которого, напомним кстати, Маро переиздал).

Под конец мы приводим одну из песен Маро, образец его лирики, начавшей этот род новой французской поэзии, тесно связанный у этого поэта с народной песней, им особенно любимой.

Миная лионцев, обратимся к поэтам Плеяды, чтобы хоть ненадолго остановиться на одном из самых блестящих имен — имени Ронсара. В его поэзии нас привлекла по преимуществу лирика. Но даже в ней одной, думается, ощутима многогранность этого поэта. Простота и величаявая прямота составляют сущность его творчества.

Два слова о слишком скромном испанском отделе книги. Здесь выбор, конечно, недостаточен и случаен. Переводы стихов из «Дон-Кихота» были начаты для предполагавшегося нового издания. К ним присоединены отрывки из двух поэтов, близких Сервантесу. Новым вариантом передачи строф о Дульцинее является стихотворение из 26-й главы части I («Трав, деревьев и растений»). Песня Антонио представляет собой попытку близко передать ритм оригинала в противовес хореической традиции, у нас установившейся.

Ю. В.

ПОЭТЫ
ИТАЛИИ

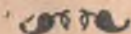

ФРАНЧЕСКО ПЕТРАРКА

(1304—1374)

СОНЕТЫ

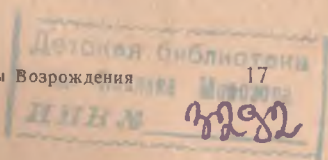
1

Задумчивый, медлительный, шагаю
Пустынными полями одиноко;
В песок внимательно вперяя око,
След человека встретить избегаю.

Другой защиты от людей не знаю:
Их любопытство праздное жестоко,
Я ж, холоден к житейскому до срока,
Всем выдаю, как изнутри пылаю.

И ныне знают горы и долины,
Леса и воды, как сгорает странно
Вся жизнь моя, что недоступна взорам.

И пусть пути все дики, все пустынно,
Не скрыться мне: Амур здесь постоянно,
И нет исхода нашим разговорам.

Всегда любил, теперь люблю душою
 И с каждым днем готов сильней любить
 То место, где мне сладко слезы лить,
 Когда любовь томит меня тоскою.

И час люблю, когда могу забыть
 Весь мир с его ничтожной суетою;
 Но больше — ту, что блещет красотой,
 И рядом с ней я жажду лучше быть.

Но кто бы ждал, что нежными врагами
 Окружено все сердце, как друзьями,
 Каких сейчас к груди бы я прижал?

Я побежден, любовь, твоею силой!
 И, если б я не знал надежды милой, —
 Где жить хочу, там мертвым бы упал!

Красавица, избранная тобою,
 Внезапно нас покинула — и смело,
 Как я надеюсь, в небо улетела:
 Жила столь милой, тихою такою.

Тебе ж пора, взяв крепкою рукою
 Ключи от сердца, коими владела,
 За ней — прямой стезею — до предела.
 Пусть не тягчим ты ношею землею;

От главной ты избавлен, хоть нежданно,
 Теперь легко от прочих отрешиться,
 Как страннику, обретшему свободу.

Ты видишь ныне: к смерти все стремится,
Что создано; душе итти желанно
Без груза к роковому переходу.

4

Безбожный Вавилон, откуда скрылось
Все: совесть, стыд, дел добрых благодать, —
Столицу горя, прегрешений мать
Покинул я, чтоб жизнь моя продлилась.

Один я, как Амуру полюбилось,
Хожу то песни, то цветы собирать,
И с ним беседовать, и помышлять
О лучших днях: тут помощь мне и милость.

Мне до толпы, мне до судьбы нет дела,
Ни до себя, ни до потребности низкой;
И внутренний, и внешний жар упал.

Зов — лишь к двоим: одна бы пожалела,
Ко мне пришла бы умиренной, близкой;
Другой бы, как защитник, твердо стал.

5

Когда б скала, замкнувшая долину,
Откуда та прозвание получила,
По прихоти природы обратила
На Рим лицо, а к Вавилону спину, —

Все вздохи бы надежду и причину
Свою настигли там, где жить ей мило,

Быстрой по склону. Врозь летят. Но сила
В любом верна — и милой я не мину.

А там к ним благосклонны, — так сужу я:
Ведь ни один назад не прилетает, —
Им с нею пребыванье — наслажденье.

Вся боль от глаз: чуть только рассветает,
Так, по красе мест отнятых горюя,
Мне слезы шлют, ногам — изнеможенье.

Амур, судьба, ум, что презрел сурово
Все пред собой и смотрит в жизнь былую,
Столь тяжки мне, что зависть зачастую
Шлю всем, достигшим берега другого.

Амур мне сердце жжет; судьба готова
Предать его, — что мысль мою тупую
До слез гневит; вот так, живя, воюю,
Мученьям обречен опять и снова.

Мечта возврата нежных дней поблекла,
Худое к худшему прийти грозитя;
А путь, мной проходимый, — в половине.

Надежд (увы мне!) не алмазы — стекла
Роняет, вижу, слабая десница,
И нить мечтаний рвется посредине.

И мира нет — и нет нигде врагов;
 Страхуюсь — надеюсь, стыну — и пылаю;
 В пыли влачусь — и в небесах витаю;
 Всем в мире чужд — и мир обнять готов.

У ней в плену неволи я не знаю;
 Мною не хотят владеть, а гнет суров;
 Амур не губит — и не рвет оков;
 А жизни нет конца и мукам — краю.

Я зряч — без глаз; нем — вопли испускаю;
 Я жажду гибели — спасти молю;
 Себе постыл — и всех других люблю;

Страдаю — жив; со смехом я — рыдаю;
 И смерть, и жизнь — с тоскою прокляты;
 И этому виной, о донна, ты!

Огонь с небес тебе на косы, злая,
 Падет: отвергнув жолуди с водой,
 В богатстве ты — народной нищетой,
 В величии — злодейством промышляя.

Гнездо предательств, ты растишь, питая,
 Все зло, что днесь разлито над землей,
 Сыта вином, и ложем, и едой,
 Бесстыдно тут всю похоть обнажая.

В твоих палатах стариков и дев
 Кружится пляс; мчит Вельзевул проворных,
 Огонь, мехи и зеркало воздев.

Но ширедь тебе не ведать нег позорных,
 Быть на ветру нагой, босой на тернах, —
 Живи же так: в грязь грянет божий гнев.

В мех скряга Вавилон так вбил громаду
 Зол, мерзких преступлений и порока,
 Что лопнул он; богов стал чтить высоко:
 Венеру с Вакхом, Зевса и Палладу.

Жду правых дел, — нет сил, нет с мукой сладу:
 Вот нового султана видит око, —
 Придет и оснует (дождусь ли срока?)
 Един престол и даст его Багдаду.

Кумиров здесь осколки в прах сметутся,
 Чертогов тех, что небесам грозили,
 Вельможи алчные огнем пожгутся.

А души те, что с доблестью дружили,
 Наследят мир; тогда узрим — вернутся
 Век золотой, деяний древних были.

Исток страданий, ярости притон,
 Храм ересей, начетчик кривосудам,
 Плач, вопль и стон вздымаешь гулом, гудом,
 Весь — ложь и зло; был Рим, стал Вавилон.

Тюрьма, обманов кузня, где закон:
 Плодьясь, зло пухнет, мрет добро под спудом;
 Ад для живых; великим будет чудом,
 Христом самим коль будешь пощажен.

Построен в чистой бедности убогой,
 Рог на своих строителей вздымаешь
 Бесстыдной девкой; в чем же твой расчет?

Или в разврате? Или в силе многой
 Богатств приبلудных? Константина ль чаешь?
 Тебя спасет бедняк — его народ.

— Душа, что деешь, мыслишь? Будет с нами
Покой и мир, иль вечной жить борьбою?

— Что ждет — темно; сужу сама с собою:
Взор дивный скорбен нашими бедами.

— Что в том, раз ей дано творить очами
Средь лета лед и пыл огня зимою?

— Не ей, — тому, кто правит ей самую.

— Пусть! Но все видеть и молчать годами!

— Порой язык молчит, а сердце стонет
Пронзительно; лицо светло и сухо,
Не виден плач стороннему вниманью.

— Ум все же не спокоен, ропщет глухо,
Но боли — острой, стойкой — не прогонит;
Несчастный недоверчив к упованью.

Быть верным бы пещере Аполлона,
Где он пророком стал, — как знать? — для света
Флоренция бы обрела поэта,
Как Мантуя, Арунка и Верона.

Но как не мечет из сухого лона
Моя скала струи, так мне планета
Иная: терн, репей велит мне эта
Кривым серпом жать с каменного склона.

Олива сохнет. Для русла иного
С Парнаса ток течет, а им когда-то
Она жила, ему цвела богато.

Злой рок таков иль за вину расплата —
Бесплодье, коль юпитерово слово
Мне в милость не пошлет дождя благого.

Сквозь дикий бор, и мрачный, и дремучий,
 Где схать страшно и с мечом в руках,
 Я еду смело: мне внушает страх
 Лишь солнца свет — лучи любви могучей.

Я еду с песней (мысли — бред кипучий)
 О ней одной. Нет власти в небесах
 Ее сокрыть; и с ней в моих глазах
 Девицы, дамы... нет — то бук плакучий.

Ее я слышу в шорохе ветвей,
 В рыданьи птиц, в волнах, когда ручей,
 Журча в траве, лужайкою стремится.

И редко тишь и одинокий путь
 Мне были милы так когда-нибудь;
 Но если б солнце мне могло открыться!

Холмы, где я расстался сам с собою,
 То, что нельзя покинуть, покидая,
 Идут со мной; гнусь, плечи нагнетая
 Амуром данной ношей дорогою.

Я самому себе дивлюсь порою:
 Иду вперед, все ига не свергая
 Прекрасного, вотще подчас шагая:
 К нему что дальше — ближе льну душою.

И как олень, стрелою пораженный,
 Отравленную сталь в боку почуя,
 Бежит, все больше болью разъяренный, —

Так со стрелою в сердце жизнь влачу я,
 Томимый ею, но и восхищенный,
 От боли слаб, без сил бежать хочу я.

Весь день в слезах; ночь посвящаю плачу;
 Всем бедным смертным отдыхать в покое,
 Мне ж суждено терзаться в муках вдвое:
 Так я, живя, на слезы время трачу.

Глаза во влаге жгучей с болью прячу,
 Тоскует сердце; в мире все живое
 Нужней меня: от стрел любви такое
 Терплю гоненье, муку, незадачу.

Увы! Ведь мной с рассвета до рассвета —
 Днем, ночью — полупройдена дорога
 Той смерти, что зовут жизнью моею.

Моя ль беда, вина ль чужая это, —
 Живая жалость, верная подмога,
 Глядит — горю; но я покинут ею.

Меж стройных жен, сияющих красотою,
 Она царит — одна во всей вселенной,
 И пред ее улыбкой несравненной
 Бледнеют все, как звезды пред зарею.

Амур как будто шепчет надо мною:
 Она живет — и жизнь зовут бесценной;
 Она исчезнет — счастье жизни брэнной
 И мощь мою навек возьмет с собою.

Как без луны и солнца свод небесный,
 Без ветра воздух, почва без растений,
 Как человек безумный, бессловесный,

Как океан без рыб и без волнений, —
 Так будет все недвижно в мраке ночи,
 Когда она навек закроет очи.

Вот колесницу в море золотую
 Кунает солнце. Сумрак надо мной.
 Со звездами, и небом, и луной
 Трепещущую и злую ночь я чую.

О всех моих печалях повествую
 Я той, что мне не внемлет, — ей одной,
 И с миром, и с судьбой моей слепой,
 С любовью, донной и собой горюю.

Далеко сон, и отдых не слетает;
 Но вздохом, стоном встречу я рассвет
 И из души текущие рыдания.

Встает заря, белеет мрак; но нет!
 То солнце — что и жжет, и восхищает —
 Одно лишь усладит мои страдания.

Всегда желал я жить в уединеньи
 (Леса, долины, реки это знают),
 Умов, что к небу путь загромождают,
 Глухих и темных душ презрев общенье.

Пришло б не там желаньям исполненье,
 Где сны Тосканы негу навевают,
 А где холмы сочувственно внимают
 В тени у Сорги плач мой или пенье.

Но вот судьба враждебна постоянно,
 В плену томит, где вижу, негодуя,
 Сокровище в грязи, а грязь бездонна.

И пишущую руку так неожиданно
 Балует — и права; ей заслужу я:
 Амур то видит, знаю я — и донна.

Увы, прекрасный лик! Сладчайший взгляд!
 Пленительность осанки горделивой!
 Слова, что ум, и дикий, и кичливый,
 Смирняя, мощным жалкого творят!

Увы и нежный смех! Пускай пронзят
 Его струи — была бы смерть счастливой!
 Дух царственный, не в поздний век и лживый
 Ты властвовал бы, высоко подъят.

Пылать мне вами и дышать мне вами:
 Весь был я ваш; и ныне, вас лишенный,
 Любую боль я б ощутил едва.

Вы наполнили надеждой и мечтами
 Разлуки час с красой одушевленной;
 Но ветер уносил ее слова.

Горящий узел, двадцать один год
 За часом час меня сжимавший яро,
 Рассекла смерть, — не знал я злей удара;
 Но человек с печали не умрет.

Опять Амур мне воли не дает:
 Другой силок в траве — и, сердцу кара,
 Вновь искра разожгла огонь пожара
 Так, что с трудом сыскал бы я исход.

Не помоги мне опытностью сила
 Бывалых бед, сгорел бы я, сраженный,
 Мгновенно вспыхнув, словно сук сухой.

Вторично смерть меня освободила,
 Расторгнут узел, огонь угас, сметенный,
 Пред ней и сила — в прах, и дар прямой.

Покою дайте мне, вы, думы злые:
 Амур, Судьба и Смерть — иль мало их? —
 Теснят повсюду, и в дверях моих,
 Пусть мне и не грозят бойцы иные.

А сердце. — ты, как и во дни былые,
 Лишь мне ослушно, ярых сил каких
 Ни укрываешь, быстрых и лихих
 Врагов моих полюбник, не впервые?

В тебе Амур таит своих послов,
 В тебе Судьба все торжества справляет,
 И Смерть удар свой рушит надо мною —

Разбить остаток жизни угрожает;
 В тебе и мыслям суетнейшим кров;
 Так ты одно всех бед моих виною.

Лишь образ чистый, ангельский мгновенно
 Исчез, великое мне душу горе
 Пронзило — в мрачном ужасе, в раздоре.
 Я слов ищу, да выйдет боль из плена.

Она в слезах и пенях неизменна:
 И донна знает, и Амур; опоре
 Лишь этой верит сердце в тяжком споре
 С томленьями сей жизни зол и тлена.

Единую ты, Смерть, взяла так рано;
 И ты, Земля, земной красы опека,
 Отныне и почиющей охрана, —

Что ты гнетешь слепого человека?
Светил любовно, нежно, осиянно
Свет глаз моих — и вот угас до века.

23

Как часто от людей себя скрываю —
Не от себя ль? — в своей пустыне милой
И слезы на траву, на грудь роняю,
Колебля воздух жалобой унылой!

Как часто я один мечту питаю,
Уйдя и в глушь, и в тень, и в мрак застылый,
Ее, любовь мою, ищу и чаю,
Зову от властной смерти всею силой!

То — нимфа ли, богиня ли иная —
Из ясной Сорги выходя, белеет
И у воды садится, отдыхая;

То, вижу, между сочных трав светлеет,
Цветы собирая, как жена живая,
И не скрывает, что меня жалеет.

24

Сеннуччо мой! Страдая одиноко,
Тобой покинут, набираюсь сил:
Из тела, где плененным, мертвым был,
Ты, гордый, поднялся в полет высоко.

Два полюса зараз объемлет око,
Дугообразный плавный ход светил;

29

Зришь малость, что наш кругозор вместил,—
Рад за тебя, скорблю не столь глубоко.

Скажи, прошу усердно, в третьей сфере
Гвигтоне, Чию, Данту мой поклон —
И Франческино; прочим — в равной мере.

А Доше передай, сколь удручен,
Живу и слезах; тоска, как в диком звере;
Но лишний лик, святыня дел — как сон.

25

Моих здесь воздух полон вздыханий;
Нежна холмов суровость вдалеке;
Здесь рождена державшая в руке
И сердце — зрелый плод, и цветик ранний;

Здесь в небо скрылась вмиг — и, чем нежданней,
Тем все томительней искал в тоске
Ее мой взор; песчинок нет в песке,
Не смоченных слезой моих рыданий.

Нет здесь в горах ни камня, ни сучка,
Ни ветки или зелени по склонам,
В долинах ни травинки, ни цветка;

Нет капельки воды у ручейка,
Зверей нет диких по лесам зеленым,
Не знающих, как скорбь моя горька.

Как странен свет! Я нынче восхищен
 Тем, что вчера претило; вижу, знаю,
 Что муками я счастья достигаю,
 А за борьбой короткой — вечный сон.

Обман надежд, желаний, — кто влюблен,
 Тот сотни раз испил его до краю.
 С той радостью как ущерб я постигаю,
 Чей ныне в небе дух, прах — погребен.

Амур слепой, ум злостный — все сбивало
 Меня с пути, я влекся дикой силой
 Туда, где смерть меня одна ждала.

Благословенна ты, что, берег милый
 Мне укавав, надеждой обуздала
 Пыл буйной страсти — и меня спасла.

Оглядываюсь на года былого:
 Их бег мой развеял помышленья,
 Смел пламень леденящего горенья,
 Смел след покоя, горького и злого.

Любовным снам я не поверю снова:
 Разбиты оба жизни утоленья:
 То — в небесах, а то — добыча тленья;
 Приятью мук утрачена основа.

Я потрясен и зрю себя столь нищим,
 Что в зависть мне низайшая судьбина:
 Сам пред собой я в жалости и страхе.

Звезда моя! Судьба моя! Кончина —
 И белый день над жалким пепелищем!
 Низринут вами, я лежу во прахе.

Дол, полный звуков пеней повторенных,
 Река, где токи есть моей слезницы;
 Лесные звери, стаи вольной птицы
 И рыбок, пленниц берегов зеленых;

Струи моих вздыханий воспаленных;
 Мест, милых мне, обидные границы;
 Холмов, теперь досадных, вереницы,
 Где ждет Амур, как прежде, дум влюбленных,—

Ваш вид все тот же, что давно мне ведом,
 Но я не тот: где радостью все было,
 Живут во мне безмерные страданья.

Тут счастье зрел воочью. Прежним следом —
 Туда, где бестелесной воспарила,
 Отдав земле всю роскошь одеянья.

Вот соловей так сладостно рыдает
 По птенчикам иль по подруге милой,
 Поля и небо негой наполняет
 Затеяливо-напевной и унылой.

И во всю ночь мне словно сострадает,
 Напоминая жребий мой постылый.
 Кто пеням одинокого внимает?
 О, смерть и божества сражает силой!

Доверчивого ждет разуверенье.
 Двум светочам, светлее солнц, остался
 Удел — кто б мыслил? — мрак земли и тленья.

Я знаю ныне, — злой судьбы веленье,
 Чтоб я, живя и плача, поучался:
 Здесь, на земле, не длится упоенье.

Душа, свой путь утрат ты предвещала,
 В дни радости задумчива, уныла,
 Ища среди всего, что в жизни мило,
 Покоя от скорбей, точивших жала.

Слова, черты, движенья покрывала
 И, с болью, жалости нежданной сила —
 Тебе в прозреньи это все гласило:
 Сей день — последний, счастье миновало.

О бедная душа! О обаянье!
 Как мы пылали здесь, где взглядом жил я
 Очей — последним, сам того не зная!

Им, двум друзьям вернейшим, поручил я
 Сокровищ благороднейших даянье, —
 Дум дивный клад и сердце оставляя.

Как встарь, зефир над нежными холмами;
 Да, вот они, где дивный свет явился
 Очам моим, что небу полюбился,
 Смяв пыл и радость горем и слезами.

Тщета надежд с безумными мечтами!
 Меж сырых трав источник помутился,
 И пусто гнездышко. Я с ним сроднился,
 Здесь жив, здесь лечь и бранными костями.

Да изойдут и сладкие рыданья,
 Не жгут и очи сердца прах остывший,
 И отдых обретут мои страданья.

Владыка мой был щедр нещадной силой:
Лицом к лицу с огнем — я знал пыланья!
Оплакиваю ныне пепел милый.

32

Тут не гнездо ли Феникса живого?
Здесь перья золото-рдяные слагала
И под крылом мне сердце согревала
Та, что поныне внемлет вздох и слово.

Здесь и страданья сладкого основа:
Где то лицо, что, все светясь, вставало,
Жизнь, радость, пыл и мощь в меня вливалось?
Была — одна, едина — в небе снова.

Покинут, одиноко изнываю
И все сюда влачусь, исполнен боли,
Твои святыни чту и воспеваю;

Холмы все вижу в полуночном доле
И твой последний взлет к иному краю
Здесь, где твой взор дарил рассвет юдоли.

33

Я поминутно, мнится мне, внемлю
Послу Мадонны; шлет его, взывая;
И вот — во мне, вокруг — вся жизнь — иная,
А годы столь смирили мысль мою,—

Что сам себя едва я узнаю,
Все издавна привычное меняя.

34

Срок был бы счастлив знать, но роковая
Грань, чую, близко: я уж на краю.

О, день блажен, когда тюрьму земную
Покину, свой покров раздранный сброшу,
Тяжелый, утлый, смертный; воспарю —

И в черной тьме покинув жизни ношу,
Такой чистейшей выси возревную,
Что я Творца и Донну там узрю.

В мой угол аура вьет — и впиваю
Священную, и в сновиденьи смею
Делиться с нею всей бедой моею,
Как пред живой, бывало, не дерзаю.

Со взгляда нежного я начинаю,
Мне памятного мукой долгой всею;
Потом — как, рад и жалок, полон ею,
За часом час и день за днем страдаю.

Она молчит; от жалости бледнея,
Мне в очи смотрит и вздохнет порою,
И лик слезою чистой украшает.

Моя душа, терзаясь и болея,
Себя корит и плачет над собою
И, пробудясь, сознание обретает.

Глас моего твердит мне отраженья,
 Что дух устал, что изменилось тело,
 Что сила, как и ловкость, ослабела:
 Исчез обман: старик ты, нет сомненья.

Природа требует повиненья;
 Бороться ль? — время силу одолело
 Быстрее воды, гасящей пламень смело;
 За долгим тяжким сном — час пробужденья.

Мне ясно: улетает жизнь людская,
 Что только раз дана, свежа и здрава;
 А в глуби сердца речь внятна живая —

Той, что, теперь вне смертного состава,
 Жила, единственная, столь сияя,
 Что, мнится, всех других померкла слава.

Суровость неги, мягкость отклоненья,
 Вся — чистая любовь и состраданье,
 Изящна и в презренье, — страсть, пыланье
 Во мне умерить мнила, нет сомненья;

Речей ее светились выраженья
 Достоинством и тонкостью — вниманье;
 Цвет чистый, ключ красы, что в обаяньи
 Все низкие смывает помышленья;

Взор неземной, творящий персть блаженной.
 То гордый, весь — запрет надежд и пыла,
 То быстрый, мощь дарящий жизни брэнной;

В чудесных этих измененьях было
 Мне явлено, где корень неизменный
 Спасенья, в коем иссякала сила.

Пичужка, ты поешь ли, улетаю,
 Или онакиваешь то, что было,
 Зимы и ночи близкой ждешь уныло,
 Минувшей неги пору вспоминая;

Ты, как свои живые муки зная
 Все, что меня не меньше истомило,
 На грудь бы к безутешному склонила
 Полет, с несчастным горестно стеная.

Не ведаю, равны ли мы в потере;
 Онакиваешь, мнится, ты живую;
 Мне ж смерть и небо, жадны в равной мере,

Взвек удаман ночь и зиму злую,—
 И вот с тобой в одной тоске и вере,
 О сладостных и горьких днях горюю.

КАНЦОНЫ

1

Высокий дух, что тело устрояешь,
 Где гостем в странствии тропой земною
 Муж доблестный, премудрый, прозорливый;
 Что учишь Рим, почетною лозою
 Детей его заблудших исправляешь,
 Зовешь его на древний путь счастливый,—
 Тебе реку: в других погас неживый
 Луч доблести в сем мире; верх соблазна —
 Никто свершенных зол не устыдится.
 Не знаю, ждет чего, к чему стремится

Италия, лишь бормоча бессвязно,
Стара, слаба и праздна.
Ей спать ли век? Проснется ль? — вот вопросы.
Ее я взял бы и потряс за косы!

Я не надеюсь, чтобы сон постылый
С чела стряхнула и звала на дело:
Столь тяжким бременем она томила.
Но вручена тебе судьбою смело,
Чтоб ты встряхнул ее и поднял силой,
Отныне жизнь главы народной — Рима.
Пусть россыпь этих прядей свято чтима, —
Ты руку твердо ей взложи на темя
И спящую из тины вырви мощно.
Над ней рыдаю денно я и ночью,
В тебе ж моих надежд настало зремя.
Коль в силах Марса племя
Взор возвести на честь свою, то мнится,
Что милость эта в дни твои свершится.

Стен старина — благословенье света,
Любовь и страх, чуть памятью мгновенной
Ко временам минувшим обернется,
И камни те, что кроют прах священный
Мужей, чья память славою одета,
Пока весь мир во прах не распадется;
Все, что теперь развалиной зовется, —
В тебе искупит все грехи сторицей.
Величье Сципионов, верность Брута
За гробом озарит молва — минута
Свершенья долга — светлою денницей!
Я вижу, вот Фабриций
При этой вести радостно трепещет
И говорит: «Мой Рим еще заблещет!»

Об этом деле небеса пекутся,
А души, что их выси населяют,
Тела оставив с тленностью земною,
Тебя покончить с распрей умоляют,

Что людям не дает и оглянуться
На чтимое когда-то и мольбою,
И памятью, но что теперь, с войною,
В раббойничий вертеп вдруг обратилось
И женщины в слезах, и молодые,
Но слабые, и старцы, полной мерой
Годов согбенные в изнеможеньи,
И рой монахов черный, белый, серый,
И все измученные и больные
Гласят: «Наш властелин, в тебе спасенье!»
И бедный люд, растерян, в иступленьи
Все язвы обнажает пред тобою,—
А их почтил сам Ганнибал когда-то.
Ты божий дом обережешь, объятый
Пожаром весь, лишь искрой небольшою,
Погашенной тобою,
Утихомирив мнимый пыл желаний,
В награду взяв дар высших воздаяний.

Медведи, волки, львы, орлы и змеи
Давно высокой мраморной колонне
В досаду, а себе на оскуденье
Тебя призвавшей благородной донне
Внушают слезы, как и те пигмеи,
Ее же отпрыски, но без цветенья.
Столетия шли, сменялись поколенья,
Но душ прекрасных не было меж ними,
Тех, этот край обретших ей всецело.
О новый род, надменный без предела,
Предерзостный пред матерью такую!
Супруг, отец, рукою
Своей лишь ты помочь силён несчастью.
Святой отец мною занят частью.
Так редко величайшим начинаньям
Обидная фортуна не перечит,
Встречая смелые дела враждою.
Сейчас она мои обиды лечит,
Меня шаг перед твоим блистаньем;
И вот у ней разлад с самой собою:
Ведь памятью незнаемо людскою,
Чтоб смертный ведал путь тот величавый,

Где бы, как ты, стал памятен навечно;
Воздвигнешь ты, — коль я не слеп, конечно, —
Отчизну благороднейшей державой.
С великой молвишь славой:
«Те ей служили, бывшей в полной силе,
Я — дряхлую не уступил могиле».

Канцона, зри: на высоте Тарпейской
Вот всадник, всей Италией взнесенный,
Не о себе, о людях помышляет.
Скажи ему: «Тебя сблизи не знает
Здесь некто; но, — как по молве влюбленной, —
Вещает: Рим склоненный
В слезах тоски к тебе взывает ныне
Со всех семи холмов о благостыне».

2

Прозрачность вод, прохлада,
Что тело принимали
Той, для меня единственной донны;
Ветвь, где бывало радо
(Не вспомню без печали)
Ее плечо подобию колонны;
Цветы, что, благовонны,
Кропили лепестками
Грудь и наряд блаженный;
Весь воздух тот священный,
Где сердце вскрыл мне бог ее очами, —
У вас прошу вниманья
К словам последним моего страданья.

Коль судьбы непреложны
И неба изволеньем
Амур закроет взор мне орошенный,
Почтите прах ничтожный
Меж вас упокоеньем;
Душа к себе вернется обнаженной.

Смерть снидет умягченной,
Коль это упованье
Мне страшный миг осветит;
Усталый дух мой встретит
Гнившей пристани обетованье;
Найдут покой всецело
И кости, и измученное тело.
Как знать? Судьбой своею
В край прежний, незабвенный
Она — кротка, прекрасна, привлечется;
Где я замечен ею
В тот день благословенный,
Туда с живой улыбкой обернется:
«Где я?» — и ей взгрустнется;
Лишь землю меж камнями
Урсу, Амур затронет
Ее: вздохнет, простонет
Так жалостно, что милость небесами
Мне дастся: их благая
Смягчит, вуалью очи отирая.

Ветвей краса спадала
(Мне сладко словно въяве)
Дождем цветов на грудь ее, живая;
Она же восседала,
Скромна в великой славе,
Сиянием любви вся залитая.
Цветок то в платье с края,
То в блеск волос вплетался,
То жемчугом, то златом
Играл в том дне богатом,
Тот падал наземь, тот с волною мчался;
Тот в воздухе носился
И словно пел: Амур здесь воцарился.

Тогда себе твердил я
В восторге, в иступленьи:
Она, конечно, порожденье рая!
И о себе забыл я:
Так в ней — что ни движенье,
Лицо, и нежный смех, и речь живая —

Все, странно отдаляя
От истины обычной,
Смущало — и дивился:
Как здесь я появился?
Я в небесах, не на земле привычной.
С тех пор, томясь душою,
Нигде, как здесь, не нахожу покою.

Когда б всю эту роскошь взять с собою,
Была б тебе свобода
Уйти из леса, жить среди народа.

3

Что делать мне? Амур, вожатым буди!
Пора мне умереть;
Я медлю здесь, но не по доброй воле.
Почила Донна, сердце взяв из груди.
За ним вослед лететь,
Скорей прервать года жестокой доли!
Ее не видеть боле
Здесь обречен, и ждать Ее нет сил.
Мне радость обратил
Уход Ее — в горчайшее рыданье.
У жизни отнято очарованье.

Амур, ты зришь, какою мучась болью,
Я жалуюсь тебе:
Двоих тягчит единая утрата,
О тот же камень, жертва своеволью,
Наш челн разбит в борьбе.
Нам тот же миг скрыл солнце без возврата.
Чье слово столь богато,
Чтоб ровень стать со злой моей судьбой?
Неблагодарный мир слепой!
Рыдай со мной: мою скорбью мерю
Ведь и твою великую потерю.

Слепец, свою поверженную славу
Бессильный созерцать, —
Пока жила, ты мнил Ее чужою,
Ногам святым не стал ковром по праву;
Да, небо украшать
Она смогла великой красотой.
А я? — я сиротою,
Жизнь и себя навечно разлюбя,
Взываю к Ней, скорбя, —
Все, что осталось мне от упования
Последним проблеском существованья.

Увы, увы! Землей стал лик прекрасный,
Что нас, земных сынов,
Звал к вышнему благу провиденью;
А дух в раю — и сбросил, безучастный,
Ненужный свой покров, —
Что юности Ее чистейшему цветенью
Был лишь случайной тенью, —
Чтоб новый вид принять в последний раз.
Увидим в страшный час
Ее в красе столь дивной, — сколь нетленной
Дано превыше быть земной и брэнной.

И — все прекрасней, все изящней — Донна
Нисходит в тишине
Ко мне, где вне сравнения почтется.
Опора жизни — строгая колонна;
Другую — имя мне,
Что в сердце сладким звуком отдается.

Но разум чуть охнется,
Пойму: мертва надежда, что жила,
Пока Она цвела, —
Тогда Амур лишь видит, что со мною,
И Та, что в небе с Истиной самою.
К нам, доннам, зревшим той красы блистанье
И кротость жизни всей, —
В земных делах небес отображенье, —
Мольба о жалости, о состраданьи, —
Не к улетевшей Ей,

Вкусившей мир, вдохнув в меня боренье.
Попрал бы я прещенье
Судьбы, — за Ней мгновенно устремлен;
Но здесь Амур — и он,
Один, рассечь тот узел запрещает,
Но в тайнике души мне так вещает:

«Узду найди тоске, тебя пронзившей;
Не будет в небесах
Желанья раб, а их-то сердце чаёт:
Та в них жива, что люди чтут почившей;
Она свой бранный прах
С улыбкой видит, по тебе вздыхает;
О славе, что летает
В твоих стихах о Ней из края в край,
Велит: не угашай, —
Звук имени Ее да блещет силой,
Коль помнишь взор, тебе, бывало, милый.
Беги, канцона, мест,
Где песни, смех, и зелень, и прохлада;
Дар слез тебе отрада:
Тебе ли быть, где юность веселится,
В одеждах черных скорбная вдовица?»

Надежная и нежная опора
И отдых мой от жизни зла и гнева,
Она, войдя, на ложе села слева
Для тихого со мною разговора.
В священном страхе, бледный, смог не скоро
Сказать: «Душа блаженная, откуда?»
И ветку пальмы — чудо! —
И лавра ветку с груди взяв прекрасной,
Рекла: «Я выси ясной
Покинула священные селенья
Лишь для тебя, для слова утешенья».

Почтительно поклоном и словами
Благодарю и вопрошаю: «Муки
Мои как знаешь ты?» Она же: «Звуки
Рыданий ненасытными волнами
Со вздохами — безмерными полями
Доходят до небес, мой мир смущая.
Горька ль судьба такая,
Что я от жизни жалкой отрешилась
И к лучшей приобщилась?
Ты б радовался вместе с небесами,
Когда б любил не видом, не словами».

И я в ответ: «Крушусь лишь над собою:
Во мраке мук один несу потерю;
Ты в небесах, — я в это вечно верю,
Как в совершившееся предо мною.
Бог и природа благостью такую
Исполнив сердца юное цветенье,
Не вечное ль спасенье
Судили в воздаянье дел кротчайших?
Душа из душ редчайших,
Высокой жизнью жившая меж нами
И взятая мгновенно небесами!

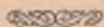
«А мой удел — лишь слезы лить в разлуке;
Я без тебя ничтожен в самом деле, —
Зачем же не угас я в колыбели,
Чтоб не испытывать любовной муки?»
Она ж: «Не слезы — бодрости поруки;
А лучше было б — ввысь расправить крылья
Прочь от земного былья,
Все бредни, что лелеял мир лукавый,
Измерив мерой правой, —
И — вслед за мной. Сил даст любовь живая,
Из двух ветвей любую выбирая».

Я отвечал: «Узнать мне было б ценно,
В чем двух ветвей особое значенье».
Она ж: «Ты сам вопросу дал решение,
Одной из них пером служа бессменно.
Победа — пальма; и себя, и тленный

Мир победила я. Лавр означает
Триумф; меня венчает
Им мощный бог, что милостью обилен;
И ты, в борьбе осилен,
К нему же обратись, проси подмоги, —
Да будем с ним в конце твоей дороги».

Я: «Эти ль косы — узел золотистый,
Меня связавший? Вы ль — глаза большие,
Что солнце мне?» Она ж: «Впотьмах слепые
Так говорят; отринь их строй нечистый.
Я дух — нагой, мне в радость — свод лучистый;
Что ищешь ты — давно земля и тленье;
Смягчить твое мученье
Дано мне словом — а потом, иная,
Тебе красою вышею сияя,
Дороже буду, строго благосклонной,
Чтоб быть твоей душе с моей спасенной».

Я слезы лью; ланиты
Ладонями мне вытирает; нежно
Вздыхает — и мятежно
Корит меня, — как скалы потрясает, —
И вместе с сновиденьем исчезает.

СЕСТИНА

Судьба моя благая, жизни радость,
Сиянье дня и бестревожность ночи,
И вздохов сладость, и вся нега слова,
Творящего стихи и их созвучья, —
Вмиг стало болью все и миром плача,
Все — ненавистью к жизни, жадной смерти.

Жестокий лик неумолимой Смерти
Предстал — навек моя погибла радость,
Вся жизнь моя пребудет жизнью плача,
Затмятся дни, страданьем станут ночи.
Не сыщется тяжкий вздох в стихах созвучья;
И тягость мук подавит силу слова.

Куда же привела любовьность слова?
К реченьям гнева и к речам о Смерти.
И где стихи, и где стихов созвучья,
Душе высокой славших грусть и радость?
Где грез влюбленных сладостные ночи?
Нет мне ни дум, ни слов помимо плача.

Была моим желаньям сладость плача
Отрадою и негой в грусти слова;
В слезах, бывало, бодрствовал я ночи;
Теперь они мне стали горше Смерти:
Мне не блеснет в открытом взоре радость,
Возвышенный предмет простых созвучий.

Дал светлый знак Амур мне для созвучий
В красе очей; а ныне в скорби плача
С воспоминаньем дней, что были — радость,
Для дум иных ищу иного слова,
К тебе с мольбой усердной — к бледной Смерти:
Меня да минут жизни злые ночи.

Покинул сон мучительные ночи,
Мой крик не ведает былых созвучий:
Ведь он вещать умеет лишь о Смерти, —
Так стала песнь моя лишь звуком плача.
Такого нет в стране Амура слова;
В нем горе то, что прежде было радость.

Я, как никто, изведал в жизни радость;
Но кто же знает горше дни и ночи?
С двойным страданьем вдвое шире слово,
Влача из сердца слезный ток созвучий.
Я жил надеждой, жив — даяньем плача.
Пред ликом смерти — лишь надежда Смерти.

Меня убила Смерть; и в воле Смерти,
Чтоб видала ишь и лик, струящий радость;
Им я познал усладу вздохов, плача,
Как влажность дуновений нежной ночи,
Иа дум плести ткань тонкую созвучий,
Когда Амур кренил выбучество слова.

Обрести бы дар благоговейный слова,
Что Лауру бы исторгнуло у Смерти
(Орфей спас Евридику без созвучий) —
И стала б жизнь, сильнее чем прежде, в радость.
Тому не быть, — так поглотили б ночи
Скорее два потока слез и плача.

Амур, уж за годами годы плача
Мне в муку шлют страдальческое слово;
Ты дашь мне те ж мучительные ночи, —
Так я подвигнусь вымолить у Смерти
Разлуку с жизнью — и познаю радость
Близ тей, что я пою в слезах созвучий.

Коль воспарю я в немоци созвучий
К ней, в тот предел, где гнева нет и плача,
Где от ее красы на небе радость, —
Сквозь чуждый звук она узнает слово,
Ей милое, быть может, прежде Смерти,
Ей давшей свет, мне — без рассвета ночи.

Вы, что вздыхаете в иные ночи,
Хваля Амура, слыша ль гимн созвучий,
Мольбой ко мне склоните милость Смерти,
Несчастий пристани, предела плача:
Раз древнее пускай изменит слово,
Что всем — печаль, а мне — живая радость.

И даст мне радость в ночь иль в две-три ночи:
Пусть жестко слово, режет боль созвучий,
Исхода плача я молю у Смерти.

БАЛЛАТЫ

1

По временам ко мне не так суровы
Лик ангельский и милый смех; светлеют
Черты и негой веют,
А очи ласковой взглянуть готовы.

Что эти вздохи делают со мною?
Возникли из печали —
И свету показали,
Как безнадежно жизнь моя томится,
Когда лицо я отклоню порою,
Чтоб муки отдых дали, —
Амур не навсегда ли
Влить в разум бодрость и помочь стремится?
Но вот борьба еще, я вижу, длится,
И сердцем тишины не обретаю;
Чем пламенной желаю,
Тем явственней моей надежды зовы.

2

Амур, в расцвет надежды,
Мне посланной за верность в воздаянье,
Лишен я той, чья милость — упованье.

О, смерть безжалостна! О, жизнь жестока!
Та, ввергнув в бездну боли,
Все чаянья нещадно погашает,
А этой — здесь я схвачен против воли;
За скрывшейся далеко
Мне не пойти: жизнь — силой не пускает;
Но каждый миг вскрывает
Глубь сердца, — вот Мадонны пребыванье;
Ей видно все мое существованье.

МАДРИГАЛЫ

1

Дианой не был так пленен влюбленный,
Когда подобной случая игрою
Ее в волнах увидел обнаженной,
Как я пастушкой горною простою,
Что дымку покрывала полоскала, —
Златых волос летучих кров порою
Той ауры, от какой заря вспылала
И сердце хладом страсти задрожало.

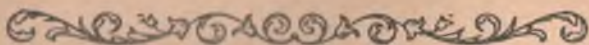

2

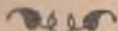
Чело отмечено Амуром было
У странницы, что сердце мне связала;
Любая ей в величьи б уступила.
Я — вслед за ней; трава была густая;

И звонко издали она сказала:
«Ах, время тратишь ты, в лесу шагая!»
Под тенью бука я остановился;
Задумался; взглянул кругом; очнулся:
В какой опасный путь я здесь пустился?
И вспять почти с полупути вернулся.

ДЖОВАННИ БОККАЧЧО
(1313—1375)

С О Н Е Т Ы

1

Сокрылась доблесть, честь угасла, стала
Италия всеобщею женой,
Кастальских муз не слышно ни одной,
О них не мыслят, их не чтут нимало.

На листья лавра вдруг цена упала
И на цветы; за скрюченной спиной
У всех стяжанья груз; и, взыв гурьбой,
Пороков тьма кругом возликовала.

Коль милый слог и прозы, и стихов
Меж нас почти что все забыли прочно,
Тогда и чудо остается втуне.

Плачь же со мною, — жребий наш таков:
В быту новейшем творчество порочно
При благосклонной нынешней Фортуне.

Раз я уснул — и, мишлось, к тверди синей
 Меня на крыльях легких подымало
 Вослед за тиб, чье и испел покрывало
 Рассыпалось, она ж изнеслась богиней.

И в радости все чище и невинней,
 Казалось, жарким пламенем пылала,
 Безвестным мне; горенье растопляло
 В тоске меня сжимающий лед и шней.

И ангелоподобная с улыбкой
 Простерла руку, словно бы желая
 Помочь мою. Но тут и пробудился.

Судьба моя такой предстала зыбкой!
 Вольми тогда меня к себе благая, —
 О, я сюда б вовек не возвратился.

ДАНТЕ О СЕБЕ

Дант Алигьери я — Минерва, худо
 Познавшая искусство; дал лишь гений
 Изящность глубине всех откровений,
 Великое явив природе чудо.

Фантазия вела меня отсюда
 В глубь тартара и в высь иных селений;
 Том благородный мой достоин чтений
 Высоких душ, как и мирского люда.

Мне мать Флоренция — великий зодчий
 И мачеха сыновнему вниманью,
 Вина наветов злых и муки прочей.

Равенна — постоянный двор изгнанью;
 Ей — тело, а душа во власти отчей,
 Где никнет зависть под всеильной дланью.

ФЪЕЗОЛАНСКІЕ НИМФЫ

ПОЭМА

I

Амур мне петь велит. Пора настала.
Он в сердце, как в дому, провел лета.
Великолепье сердце мне связало,
Блеск ослепил; я не нашел щита,
Когда лучами душу пронизало
Сиянье глаз. Владеет мною та,
Что, ночь и день из слез и вздыханий
Сплетя, томит — вина моих терзаний.

II

Амур меня ведет и побуждает
В труде, что я отважился начать!
Амур меня на подвиг укрепляет,
И дар, и мощь — на всем его печать!
Амур меня ведет и просвещает,
Внушив мне долг — о нем повествовать!
Амур меня подъял для воссозданья
Старинного любовного преданья!

III

И вот всю честь ему воздать я смею:
Ведь водит он один пером живым,
Что вручено мне донною моею
Достойнейшей: никто с ней не сравним.
Всех выше добродетелью своею,
Красой и благородством неземным,
В упрек она не слышала б ни слова,
Когда б хоть миг была не столь сурова.

IV

Теперь молю у вас я обороны,
Любовники счастливые! Мой враг —

Завистник задорчивый, распаленный
Да всякий, кто в любви и пищу, и наг.
И вас, все в мире дорогие донны
Не с сердцем ледяным, от ваших благ
Молю — молю одну: «Не будь надменной
С тем, кто перед тобою раб смиренный!»

V

Давно когда-то Фьелде не знало
Ни стени, ни частокола; весь народ —
А было там людей в те поры мало —
Ютлася у излюбленных высот
Окружных гор; и брошена лежала
Внизу равнина — из-за терпких вод
Болотных, непригодных человеку
И разливавшихся в большую реку.

VI

Царила вера ложная в то время
В порочных, лживых, грубых, злых богов,
И так взросло зловреднейшее семя,
Что всякий мнил: их светлый лик таков
На небе, как и здесь. Людское племя
Им не жалело празднеств, и даров,
И почестей. А всех превыше чтили
Юпитера в его державной силе.

VII

Еще царила той порой богиня,
Что названа Дианою. Она,
Для многих жен заветная святыня,
От девственниц особо почтена.
И той — ее прямая благостыня,
Что век свой целомудрию верна.
И с торжеством таких она немало
В свои леса и рощи принимала.

VIII

А многие бывали при рожденьи
Посвящены родителями ей —
То по обету, то в благодаренье
За милости и блага для детей.
Диана всех брала в свое владенье
Охотно; для нее всего милей
Девичество хранить, бежать пред мужем:
Пускай мы браку, суетные служим.

IX

Итак, по всей земле высоко чтили
Богиню-девственницу. Но к холмам
Вернемся фьезоланским. Тут служили
Ей ревностно. Во славу ей, а вам
В услышанье перескажу я были
О девственном содружестве. Все там
Тогда прозваньем н и м ф ы величались
И с луком и со стрелами являлись.

X

Из этих дев Дианой набиралось
Число большое тут, в краю холмов,
Хоть в их среде открыто оставалась
Она лишь изредка, — на ней трудов
Лежала тьма: для всей земли старалась
Дать от обид мужских она покров;
Но ежели во Фьезоле бывала,
Такой и вид и облик приликала:

XI

Стройна и высока, равна красою
Величью, взором и лицом она
Лучилась столь лучистою звездою,

Что вершалась — в Эдеме создана;
Вблизи сделала смертный взор собою,
Сиянием лучей окружена,
А кудри светлые — не словно золото:
Их цвет в лицу шел более богато.

XII

Она обычно больно распускала
Наз шлей беззащитной их разлив;
Тупова в легких складках испадала,
Стан стробильный покрывала, не сокрыв;
Тянь тонкая нса белизной сияла
Блаужерманеиной; на ней красив
Был кренкий пояс; а поверх порою
Пурпурный плац — огнистою игрою.

XIII

Летами — двадцать пять — являлась дева,
Как юной мощи полная пора.
Во длани лук она держала слева,
Колчан висел у правого бедра,
Весь полный стрел, — разить в порыве гнева
Не только зверя, — нет: разит, бодра,
За нимф и за себя пылая местию,
Мужей, кто б ни был, — шаг ступи к бесчестию!

XIV

И Фьезоле такую посещала
Диана — нимф любезных повидать,
Им милости и блага расточала
И часто их любила собирать
У светлого ль ручья, иль где ширяла
Лесная тень, — в те дни, когда сиять
Дано все выше солнцу, и согрето —
Не в холоде, не в зное — медлит лето.

XV

Тут нимф она в беседах укрепляла
Блюсти священный девственный обет.
Подчас охоты, ловли обсуждала —
Занятий их любимейший предмет —
Меж тех холмов: они зверей не мало
Травили, их отыскивая след.
К успехам впредь и ради упражненья
Она давала девам наставленья.

XVI

Она была их мудрая опора,
Как я сказал, в ловитвах и стрельбе.
А уходя, всего того собора
Наместницу Диана по себе
Им оставляла — нимфу, властно, скоро
Ее избрав. И в клятве и божбе
Все обещали ей служить покорно,
Иль гибнуть от ее стрелы позорно.

XVII

Ей подчинялись с ревностью великой,
Она как бы Дианою была.
И каждая, одетая туникой
(Льняная, тонкотканна и бела), —
Гроза смертельная всей твари дикой,
У каждой лук — на смелые дела.
Хоть леопард ей попадетса пестрый, —
Без промаха сражен стрелою острым.

XVIII

Тогда земля цвела красною мая,
Цветами яркими светился луг,
И соловьи, блаженство изливая,

У светлых вод влюбленность пели-вслух.
И юности, в огне любви пылая,
Отвагой радостной шитали дух,
Когда во Фьезоле пришла Диана
Дерзать совет средь юнического стана.

XIX

Среди цветов и трав земного лона,
У светлого ручья, что чуть шумит
И медленно влечет волну у склона
Чечер-горы, с той стороны, где вид
На солнце в полдень, в выси небосклона
Лицом к лицу слепительный открыт, —
Ручья, что ныне все зовут Аквелли,
С Дианой нимфы всей толпой сидели.

XX

Итак, толпа блестящая шумела
На светлом берегу у ручейка.
Одна из нимф нежданно быстро, смело
Воспрянула, пряма, стройна, легка,
И в рог певучий громко зазвенела,
Чтоб смолкли все. И рог молчит. Рука
Рог опустила. Все сидят. Молчанье.
Все смотрят на Диану в ожиданьи.

XXI

Она сказала, как обыкновенно,
Что каждая должна себя блюсти,
Чтоб муж не подошел к ней дерзновенно.
«А лишь случись мужчину здесь найти,
Извергну, как врага, его мгновенно, —
Посмей он к вам с обманом подойти
Или с насильем. Та ж, кто обольстится, —
Та жизни от руки моей лишится».

XXII

А между тем, сокрытый в чаще темной,
Где этот грозный заседал совет,
Безусый юноша, румяный, скромный, —
Да было ль Африко хоть двадцать лет? —
С кудрями светлыми, с улыбкой томной,
Весь — словно лилия иль роза, нет, —
Как яблочко (здесь недалеко с детства
С родителями жил он без соседства), —

XXIII

Вдруг юноша, сокрытый, очутился
Вблизи Дианы. Шаг еще ступил —
И говор нимф, что звонко разносился,
И вид живой его остановил.
Тогда в пещеру тихо он сокрылся,
И слушал, и дыханье затаил.
Невидимый блистательным собором,
В него впился он напряженным взором.

XXIV

Глядит: Диана, властная, сурова
В делах и в мыслях, выше всех стоит,
И говорит, и запылать готова,
И гневно луком, стрелами грозит;
А нимфы робки, не проронят слова,
Страшит их и чарует грозный вид
Ее чела, — безмолвны, бездыханны,
Потрясены угрозами Дианы.

XXV

И видит: по велению богини,
Встает одна из нимф, легка, быстра
(А избрана по той она причине,

Что всех достойнее). «Пришла лора, —
Глас прозвучал, — нас покидаю ныне.
Сидите, Слушайте. Стоит сестра
Пред вами, Аафринея. Почитайте
Ее теперь как бы меня, Прощайте».

XXVI

Стоял и слушал Африко, дивуюсь.
И приковала взор его одна.
И через миг, лицом ее любуюсь,
Почуял: сердце ранено до дна.
Уже вздыхал и чувствовал, волнуясь,
Огонь любви. Так жарко зажжена
Желания вся нега: любоваться
Лишь ей одной, одной — не оторваться.

XXVII

Он говорил себе: «О, кто б со мною
Равнялся в счастье, — только бы ее,
Вот эту девушку назвать женою?
Мне сердце шепчет вещее мое:
Никто б не жил блаженней под луною.
Когда б не гнев богини, — о, свое
Свершил бы я — ее я взял бы силой,
И у меня никто б не отнял милой».

XXVIII

Так чаща свежая еще таила
Любовника влюбленного, — воздев
Чело, Диана видит, что светило
Дневное в небе никнет, потускнев,
Лишенное лучистости и пыла, —
И вот она и лик веселый дев
Идут на холм, поют, непринужденны,
Прекраснейшие песни и канцоны.

XXIX

И Африко, очей не отрывая,
Глядит и слушает. Встают, и вот
Его любимую зовет другая:
«Пойдем же, Мензола!» Она встает —
И так легка, подружек нагоняя!
Рассыпался прекрасных нимф народ
По хижинам укромным понемногу,
Диану проводивши в путь-дорогу.

XXX

Пятнадцать было нимфе лет едва ли,
Златились кудри длинные у ней,
Ее одежды белизной сияли.
Прекрасен был лучистый взгляд очей.
Кто в них глядел, не ведал тот печали;
Вид ангела, движенья, — нет стройней,
Рука стрелой играет заостренной.
Но где теперь покинутый влюбленный?

XXXI

Он одинок, задумчивый, унылый,
Безмерному страданью обречен.
Оставленный краснолицой милой,
Без сил прервать мелькнувший страстный сон, —
«Увы мне! О, с какою мучит силой
Минувший миг блаженный! — молвит он. —
Подумать только: где и как найду я
Теперь ее, в отчаяньи тоскуя?»

XXXII

«Не знаю той, что вдруг меня сразила,
Хоть слышал: Мензола — так имя ей.
Покинув, осмеяла, изъязвила,

Меня не видел, о любви моей
Не ведаю. О, знай: мне все не мило,
И груз любви — что миг, то тяжелей!
Ах, Мензола прекрасная, мне больно!
Твой Африко покинут, хоть невольно!»

XXXIII

Потом он сел, где милая сидела,
Где только что он любовался ей,
Прелестною; все глубже пламенела
Огнем кипящим грудь, все горячей,
И наиземь повергаясь то и дело,
Он дал игру амуровых затей,
Лобзал траву, шепча: «О, ты блаженна:
Тебя касалась та, что совершенна».

XXXIV

И говорил: «Увы мне! — вздыхая. —
Судьбина зла. Сегодня же вела
И соблазняла — о, совсем иная!
Счастливого — злосчастью обрекла, —
И девушка-дитя, сама не зная,
На жалкий путь страдальца повлекла.
Мне нет вождя, хранителя — все втуне.
Одной любви я верен и Фортуне».

XXXV

«Хоть знала бы она, как пламенею
Любовью к ней, иль видела б меня!
Нет, страстью бы испугана моею
Она была — и всякого кляня,
Кто, полюбя, владеть хотел бы ею,
Она бежала б этого огня,
Смятенная: она ведь ненавидит
Всех нас, мужчин, какого ни увидит».

XXXVI

«Что делать мне? Все кончено. Ужели
Открыться ей? Себя же погубить.
Молчать — нет сил, молчать всего тяжелее:
Огонь в груди все будет злей томить,
Так умереть. Жалеть о жизни мне ли?
Пусть этой муки оборвется нить:
Ведь не погаснет этот пламень жгучий —
Смерть все равно предстанет неминучей».

XXXVII

Таких речей излил тогда немало
Влюбленный юноша. Но видит он —
Заря погасла, ночь уже настала
И вызвездил давно уж небосклон, —
И как душа помедлить ни желала
На месте милом, молвил как сквозь сон,
Себя одолевая: «Так, злосчастный,
Пускай хоть встречу день, мой день ненаст-
ный».

XXXVIII

Он все же встал, побрел, едва шагая,
Исполнен дум, долиною речной
В родной приют, печально понимая:
«Оттуда шел один, придет — иной».
Вот перед ним и хижина родная.
Так безотчетно он пришел домой:
Итти долиной было далеко ли?
Ну, с четверть мили, уж никак не боле.

XXXIX

В свою каморку он тихонько входит,
Где спал один, вздыхает, еле жив,

Там ошупью постель свою находит
И падает, словца не проронив
Родителям, и ночь без сна проводит,
И только света ждет, нетерпелив,
И мечется на ложе, изнывая,
Все Мензолу со стоном призывая.

XL

Не думайте, что люди воздвигали
Чертогов и домов блестящий строй,
Как ныне там. Хочу, чтобы вы знали —
Избушке были рады той порой,
Стен даже известью не укрепляли;
Бревно да камень грубый и простой —
И все; а кто доволен был, суровый,
Мазанкой земляной и тростниковой.

XLI

Домка в четыре было все селенье
У низких и пологих берегов,
Вершины высились лишь в отдаленьи,
Здесь было низких несколько холмов.
Вернусь туда, где горькое мученье
Нес Африко, все полон тех же снов
О Мензоле; но нимфа не являлась,
Хотя других и много повстречалось.

XLII

Амур, с его обычною повадкой,
Хотел огонь страдания раздуть,
Вдруг юноше как будто отдых краткий
Давал, чтоб вновь пылала жарче грудь,
И цепью все тягчайшею украдкой
Его сковать старался как-нибудь,
Умея разжигать своею властью
Огонь страданья вместе с нежной страстью.

XLIII

И ночью раз имел во сне влюбленный
Видение: в слепительных лучах
Жена явилась ярко озаренной,
И мальчик обнаженный на руках,
С колчаном, с луком; вмиг, разгоряченный,
Достал стрелу и целит впопыхах.
Жена сказала: «Погоди, сынишка,
И торопиться надо без излишка».

XLIV

И к Африко она оборотилась
И говорит: «Скажи, что за напасть?
Что за печаль? И в мыслях помутилось
Из-за чего? Иль выпало на часть
Перепугаться Мензолы? Явилась,—
Что ж не возьмешь над сердцем девы власть.
Но, словно трус, от грусти и печали
Поник? Лови любовь в ее начале!

XLV

«Вставай скорей! Ищи ее ты в долах,
Ищи в горах,— ее ты уследишь,
Веселую среди подруг веселых,
В лесах дремучих милую узришь.
Хоть на бегу и нет меж них тяжелых,
Уверен будь — ее ты победишь.
Дианы ж нечего тебе страшиться:
Издали не скоро возвратится.

XLVI

«Тебе я помощь обещаю, зная:
Противиться никто не в силах ей;
Вот этот сын мой, выстрелить желая

Из лука, делал — волею моей.
Я ведаю — и власть моя такая,
Чтобы помочь наукою своей.
Все — и Юпитер с многими богами
Против нее бессильны были сами».

XLVII

Потом рекла: «Мой сын, скорей за дело!
Уверь его в могуществе своем
Пылающем — и лед взломи всецело
В его груди и в сердце ледяном.
Ну, делай, сын мой, как тебе велела,
Как можешь ты». И вот — в пылу таком
Лук мощно натянул Амур руками,
Что, выстрелив, сошелся он концами.

XLVIII

Пошады! Поздно. Глубоко вонзилась
В грудь Африко стрела — он ощутил —
Прошла насквозь, и сердце раздвоилось,
Так что, проснувшись, грудь рукой схватил,
Как будто в ней стрела остановилась.
Глубок и узок ход кровавый был.
Глядит: ведь с мальчиком жена взирает,
Как, ею пораженный, он страдает.

XLIX

Но нет ее. Она из глаз пропала,
И оборвался ею данный сон,
А раненое сердце все стучало,
И боль жила. И тотчас вспомнил он
Любимую, какую покидала
Она ручей. И в сердце обновлен
Прелестный образ, неизменно милый —
И в сердце он остался с чудной силой,

L

И молвил он: «Жена, я полагаю,
 Венера с сыном. Их увидел я.
 И, если речь богини понимаю,
 Мне обещала, что вся боль моя,
 Какою я от Мензолы страдаю,
 Вскипит и в ней. Так. Лишь бы нимф семья
 Была подальше,— я решаюсь: ею —
 Любовью ли, иль силой — овладею».

LI

Так в нем опять желанье запылало,
 Наполнив грудь. Он Мензолу решил
 Разыскивать во что бы то ни стало,
 Пока найдет. И день уж наступил
 Свершенья помыслов. Так жадно ждало
 Живое сердце! Одинокий пыл
 Не в силах умерять, к желанной цели
 Он из дому спешит,— к ручью Аквелли.

LII

Вновь повздыхал, здесь посидев немного:
 «Отсюда, — молвил, раненному в грудь
 Стрелой любви, мне был назначен строго
 И слез и воздыханий новый путь».
 Сказав, пошел, и от ручья дорога
 Вела его на холм. Боясь вздохнуть,
 Глядел и слушал, сисясь в напряженьи
 Почуять каждой нимфы приближенье.

LIII

Так, подымаясь, он пустился в горы,
 К единой цели устремлен, легок,
 Подняв чело и напрягая взоры,

Чтоб ясно видеть каждый уголок,
А ноги наготове, быстры, скоры,—
Мгновенно бег ли нужен, иль прыжок.
Листок ли чуть на ветке шелохнется —
Уж он бежит: не нимфа ль попадется?

LIV

Но шутками такими утомленный —
Какою-то обманною игрой,—
Все нимф не видя, юноша влюбленный
Пред новою высокою горой
Подумал вдруг: «Куда, ошеломленный,
Карабкаться я буду, сам не свой?
Ведь это третья. Нет, иной дорогой
Теперь пойду, вот эту, отлогой».

LV.

И, повернув на Фъезоле, унылый,
Долиною задумчиво бредет,
Все в поисках своей дикарки милой,
Виновицы печалей и забот.
Нет полумили,— движем чудной силой,
В укромном месте, между двух высот,
В долинке малой вдруг услышал пенье.
И видит нимф — желанное виденье!

LVI

К долинке той приблизившись немного.
Вот ангельский он голос уловил
И два других. Он замер. Длани строго
Сложил крестом; колена преклонил,
Склонясь смиренно; тихо молит бога —
Юпитера: «О, если б ты хранил
Тут Мензолу — и, благ, меня подвигнул,
Чтобы с другими я ее настигнул!»

LVII

Тот, кто, поймать кузнечика желая,—
 Как длинен, редок, легок шаг! — идет
 Без шороха. Походка вся такая
 Была у Африко меж тех высот,
 Где шел он, пенью нежному внимая,
 Из той долинки. И, пройдя вперед,
 Вот он увидел жадными глазами —
 Дубок колеблет легкими ветвями.

LVIII

Сокрытый, смотрит и подходит к цели:
 Отсюда шел напев — и не затих;
 Три милых нимфы вместе песню пели;
 Одна стояла, возле две других,
 В канавку ножки опустив, сидели —
 Как нежны, белы были ножки их! —
 Они, поникнув, ножки тихо мыли,
 И пели, и на птичек походили.

LIX

Та, что стояла, ветви соплетала
 И тем венцом украсила чело,
 Кудрями светлыми под ним сияла,—
 Уж солнце их ласкало, а не жгло.
 Потом подруг венками увенчала
 Густыми, пышными; легко, светло
 Кос бесплетенных пряди разметались
 И с ветками зелеными сплетались.

LX

И в мыслях Африко одно звучало:
 «Ведь Мензолы меж ними нет моей».
 И к ним его все ближе привлекало,

И разгоралась боль еще больней.
«Венера,— молвил,— ты мне обещаала,
Но все не вижу милости твоей.
Что делать мне? Себя я им открою,
Спрошу, как свидеться мне с их сестрою».

LXI

И юноша, открыться им решая,
Выходит к нимфам и, ступив вперед,
Смирненно, робко, голос понижая,
Умильную такую речь ведет:
«Диана, ваша госпожа благая,
Вас твердыми и стойкими блюдет,
О, нимфы милые! Но не бегите,
Вас умоляю, мне хоть миг внемлите.

LXII

«Ищу одну из вашего я строю,
Что Мензолой, я слышал, названа
И будет узнана из вас люблюю.
Уж месяц — мне не встретилась она, —
Ищу, плененный гордою красою, —
Она бежит, суровости полна.
И вот молю — хоть легкий след девицы
Мне укажите, милые сестрицы».

LXIII

Вдруг — как без пастуха бегут барашки
От волка перепутанной толпой,
Туда, сюда — и мечутся, бедняжки,
Блея во весь дрожащий голос свой;
И лисьи как почуявши замашки,
Затрепыхав, летят скорей домой
И бьются куры, и кудахчут дико,
Пока в курятнике замрут без крика,—

LXIV

Так нимфы милые бегут в тревоге,
Его увидя. «Ах!» и «Ох!» кричат,
Для бега обнажив высоко ноги
Прелестные, поднявши свой наряд,
Не отвечают, яростны и строги,
Хватают луки и спешат, спешат
Пологим берегом к горе, к пещере,
Как дикие затравленные звери.

LXV

Тут Африко кричит им: «Подождите!
Постойте! Дайте слово произнестъ!
Я зла не мыслю делать вам, поймите,
Не посягну на вашу жизнь и честь!
Я пошутил! Напрасно вы бежите!
Мне надобна веселость, а не месть:
Ведь вы себе во мне найдете друга,
А вот бежите сразу с перепуга».

LXVI

Но что твое отчаянье, моленье!
Они бегут проворно, что есть сил,—
И ты остался вновь в уединеньи,
Какого бы ответа ни просил.
Их не преследуй: всякое стремленье
Их ярый бег равно б опередил:
Летят на ветер все твои приманки,—
Уже не остановятся беглянки.

LXVII

Мгновенно нимфы были так далеко,
Что он уж их из виду потерял.
Остановился бедный одиноко,

А сам душой терзался и страдал
По девам, диким странно и жестоко.
«Теперь — увы! — что делать? — повторял.—
Мне ни одной из них не видеть боле,
И ждать могу от них лишь худшей доли.

LXVIII

«Что все мои приманки и моления,
Что и молчанье, хоть молчал бы я!
Того не взять и силой, без сомненья,
Что просто мне сказали б, не тая.
Когда б хоть выведать предположенья,
Где мне искать, где Мензола моя!
Когда б я знал, куда она сокрылась!
Брожу, как будто солнце вдруг затмилось».

LXIX

Все поиски его так развлекали —
И к Мензоле стремленье все сильней,
И нимфы, что в долинке распевали
Под тенью свежих веявших ветвей,
И бег за ними — (как они бежали! —
О, лишь узнать о Мензоле своей), —
Что не заметил он: уж вечер близок,
И солнца лик уж не горяч и низок.

LXX

И вот, раздумчивый и огорченный,
Досадуя, что рано ночь идет,
Походкой медленной и утомленной
Он стал сходить с пещеристых высот.
Здесь поздно оставаться, искушенный,
Боялся он: в лесу густом вот-вот
Зашевелится к ночи гад ползучий:
Укус его тебя отравит, жгучий.

LXXI

Так повернул он на дорогу к дому.
 Весь день он крошки хлеба не видал,
 И ждать его пришлось отцу седому,
 Что в грусти и тревоге размышлял:
 Уж не попался ль зверю он какому,
 А тот его, пожалуй, растерзал,—
 Кто знает? И тоскует он о сыне,
 А вот его все нету и в помине.

LXXII

Еще страшил его и гнев богини,
 Что мог его всечасно поразить:
 Всегда враждебная к их роду, ныне
 Его Диана может и убить
 Или, по жалости и благостыне,
 Хоть в дерево иль в камень обратить.
 И, останавливаясь, ждал тревожно:
 Не то, так это — все теперь возможно.

LXXIII

А солнце уж достигнуло заката,
 И скрылось, и последний свет исчез,
 И вышли звезды, и луна богато
 Сияла в чистом воздухе небес;
 Не слышно соловья, и, мглой объята,
 Иная птица оглашает лес,
 Неведомая времени дневному.
 В ту пору Африко подходит к дому.

LXXIV

Вошел — и сына с радостью встречает
 Великою заждавшийся отец:
 Ни зверь, ничто ему не угрожает,

И невредим вернулся молодец.
И мать спешит и с плачем обнимает,
Жалеет: «Цветик нежный! Наконец!
Где пропал ты, мой сыночек милый?
Я вся измучилась в тоске унылой».

LXXV

Так и отец расспрашивал не строго:
Да где ж он был, да целый день не ел?—
А тот, собою овладев немного,
Оправдываться начал, как умел.
В любви была надежная подмога:
Ведь истинно влюбленных благ удел,—
Он душу, утончая, научает,—
И юноша, лукавая, отвечает:

LXXVI

«Со мной, отец мой, случай был чудесный.
Я лань увидел там, среди холмов.
Она предстала мне такой прелестной,
Что я глазам не верил, и готов
Сказать: то сон,— руками ль бог небесный
Своими создал стройную? Шагов
Ее нет легче: как журавль! Вся — нега.
И белизна ее белее снега.

LXXVII

«Увлекся я, бежал за ней далеко
Из леса в лес, поймать ее решил.
Но так она карабкалась высоко
В горах, что я уж выбился из сил.
Остановился, огорчен глубоко;
Ее сыскать я в сердце положил,
Настигнуть, поздно ль, рано ль, обещался.
Раз десять так домой я возвращался.

LXXVIII

«Сказать по правде, встал я нынче рано,
Увидел, как погода хороша,
И вспомнил лань, и стало так желанно
Ее поймать, лежала к ней душа.
Пошел я по тропинке. Даже странно:
И оглянуться не успел, спеша,—
Кругом холмы, а солнце уж высоко,
На полдень поднялось, печет жестоко,—

LXXIX

«Как слышу — лист дубков зашевелился.
Тихонько я приблизился чуть-чуть,
Сейчас же за камнями притаился,
Смотрю и слушаю: боюсьдохнуть.
Гляжу — три лани; даже подивился,—
Пасутся дружно так; ну, как-нибудь
Да изловлю одну. И, еле слышный,
Пошел я к ним с пучочком травки пышной.

LXXX

«Да как меня увидели — в минутку
Уж на горе. Не ждали! Впопыхах,
И на себя рассержен не на шутку,
Я вижу, что остался в дураках, —
Да что ж играть на старую погудку?
Не уступлю! И с тем, что нес в руках,
Бежать за ними во весь дух пустился —
И только уж впотьмах остановился.

LXXXI

«Теперь, отец, ты знаешь о препоне
К возврату моему, уверен будь».
Отец, который звался Джирэфоне,

Конечно, понял рассказней всю суть;
В таких делах годами умудренный,
Он тотчас, без сомнений, мог смекнуть,
Что эти лани, всех венцу желаний,
Уж верно нимфы, а совсем не лани.

LXXXII

Но, чтоб не показать, что догадался,
Да и не сделать сына вдруг лжецом,
И чтоб желаний пыл не разгорался
И не томил, да и остыл потом
И сам собой, быть может, миновался,—
Все это вместе думая тайком,
Старик-отец немного слицемерил
И так сказал, — как будто сказке верил:

LXXXIII

«Ты мне, сынок, желанных всех желанней, —
Молю тебя,— ах, берегись ты тут
Всех этих виденных тобою ланей;
Пускай своим дурным путем идут:
Они ведь все посвящены Диане,
Поверь ты мне,— и, встретясь, изведут:
Затем и по горам у нас тут бродят
И воду пить к источникам приходят.

LXXXIV

«Диана большей частью ходит с ними,
А знай, ее ведь смертоносен лук.
И если б за охотами твоими
Тебя застала, из своих же рук
Убила б насмерть,— было так с другими
Уже не раз, кого невзлюбит вдруг,—
А искони к семье ведь нашей старой
Она враждой пылает самой ярой.

LXXXV

«Увы, сынок, я плачу, вспоминая
 О том, как умер бедный мой отец,
 Как извела его Диана злая,
 Терзала и убила наконец.
 Сыночек, о грехе его простая
 Вот повесть — зрит Юпитер в глубь сердец!
 А звался дед, как знаешь ты, Муньоне;
 Его отец, как я же, Джирафоне.

LXXXVI

«Рассказ мой был бы длинен при желаньи
 Все злоключенья деда описать.
 Но нам сейчас важней их окончанье.
 Он шел в горах дичины пострелять,
 Как все охотники. В его скитаньи
 Тревог немало было. Только глядь —
 Пред ним река, текущая в долине,
 Та, что по нем зовут Муньоне ныне.

LXXXVII

«А возле, у прекрасного потока.
 Вдруг нимфа, одинешенька-одна,
 Увидела его, уж недалеко,
 Вскочила девочка, бледна-бледна.
 «Беда!» — лепечет и уже высоко
 Бежит по круче, ужаса полна.
 Ее он молит, полн любовным бредом,
 И через миг бежит за нею следом.

LXXXVIII

«Отец несчастный, ты ведь устремлялся,
 Того не зная, к смерти лишь своей,
 Ее сетей, бедняк, ты не боялся,

Судьбой захвачен злобною своею!
Желали боги, чтоб, когда он гнался
За нимфою все тверже и быстрее,
Его Диана в птицу превратила
Или в скалу, нль в дерево внедрила.

LXXXIX

«Она реки чуть-чуть не добежала,
Как платица изящное тканье
Запуталось в ногах; она теряла
Дыханье в беге, страх сломил ее.
Увы, Муньоне радость обуяла,
Он вмиг настиг сокровище свое,
Схватил, держал, обняв ее руками,
К девичьему лицу прильнув устами.

XC

«Тут силой взял он, тут насилье было,
И нимфа тут была осквернена,
Бессильна отвратить, что так постыло.
О жалкий мальчик! О, как ты бедна,
Несчастливая! Вас бездна разделила,
Раскаянья безумного полна!
Сама Диана с дальнего пригорка
Двоих обнявшихся открыла зорко.

ХСІ

«Она гремит: «Несчастливые! Идете
Вы тотчас вместе, грешники, в Аид!
Последний час вы на земле живете,
Не видеть вам, как летний день сторит;
А ваши имена передаете
Навеки водам, видевшим ваш стыд!»
И грозно на любовников взглянула —
И тетиву тугую натянула.

XCII

«С последним словом и стрела пронзила
В тот самый миг, мгновенная, двоих.
Сынок, во мне лишь правда говорила!
Хотели б боги лжи от слов моих,
Так до сих пор тоской бы грудь не ныла!
Случилось, что убит один из них:
Стрела, пронзив два сердца, их связала.
Так кончилась любовь их без начала.

XCIII

«Кровь бедного отца струи речные
Все красноватым светом налила —
И потекли, как будто кровяные,
И боль его всем явной пребыла.
Хранят здесь тело глубины родные,
Чего душа не знает ни одна,
Как и всего того, что дальше было;
Одна река лишь имя сохранила.

XCIV

«Сказал я, что Диана съединила
И кровь, и тело нимфы молодой
С другим и вместе с ним же превратила
В источник чудный, что, журча, с рекой
Вблизи сливался, — так чтоб явно было:
Гнев беспощадно яростный такой
Мгновенно надо всяким разразится,
Кто оскорбить хоть раз ее решится.

XCV

«И с тысячью, я знаю, так же было,
Что ныне птицы, горные ручьи,
Иль что она в деревья превратила

Преступников в любовном забыты.
И в старину еще она убила
Двух кровных братьев — нашей же семьи.
Так берегись, храним небесной силой,
Ее руки, сыночек ты мой милый!»

ХСVI

Так Джирафоне старенький, рыдая,
Окончил свой рассказ и замолчал.
Стоял и слушал сын, не прерывая,
Подробности со тщаньем замечал.
Собою несколько овладевая
И поборов смущенье, отвечал,
От своего не склонный отступаться:
«Ну, этого мне нечего бояться!

ХСVII

«Теперь не трону их, избави боже,
Случится разве, встречу как-нибудь.
Я так устал, ты утомился тоже;
Пойдем, отец, нам надо отдохнуть.
Чтоб засветло прийти, я лез из кожи,
И был не легок этот горный путь.
Домой добрался — и устал сверх силы.
Итак, пока прервем беседу, милый».

ХСVIII

Спать улеглись; но день не занимался, —
Проснулся Африко, вскочил тишком,
Опять туда — к холмам своим пробрался,
Где был все время сердцем и умом.
Он шел и беспрестанно озирался,
Не видно ль Мензолы, — искал кругом.
И помогла амурова наука:
Он от нее стоит — на выстрел лука.

XCIX

Не он, она увидела сначала —
И полем тотчас в ужасе спешит.
Тут он услышал, как она кричала,
Взглянул, — она взывает и бежит, —
И мысль его как светом осияла:
«Ведь это — Мензола!» Он вслед летит,
Ее зовет и молит, именуя:
«Постой, постой, тебя ведь так люблю я!

C

«О девушка прекрасная! Мгновенье!
Ведь без тебя не мил мне белый свет.
Давно терплю я от тебя мученье,
Мне день и ночь покоя больше нет.
Не смерть несу тебе, мое стремленье
Тебе вослед не предвещает бед.
Амур один меня к тебе кидает,
Зло иль вражда тебе не угрожает.

CI

«Тебя не так преследовать хочу я,
Как коршун куропаточку когтит,
Или как волк, свирепо торжествуя,
За бедною овечкою спешит, —
Но любящей душой тебя милюя,
Что красоту твою всех выше чтит.
В тебе моя надежда и желанье,
И было бы моим твое страданье.

CII

«Коль подождешь меня, клянусь богами,
О Мензола прекрасная, тебе,
Что я желаю брака между нами

И счастье любви найду себе
Все мыслимое здесь под небесами,
Тебе врученной вверившись судьбе.
Ты, ты меня ведешь, мной обладаешь,
Ты жизнью всей моей повелеваешь.

СIII

«И вот зачем, жестокая, желаешь
Причиной быть погибели моей?
Неблагодарностью ли отвечаешь
Любви моей, которой нет сильней?
Иль за любовь мою мне смерти чаешь —
И будь она наградой мне твоей?
А не любил бы я? Ты как бы мстила?
Жесточе б ведь со мной не поступила!

СIV

«Коль убежишь, ты будешь беспощадней
Медведицы, где медвежата с ней,
И горше желчи; жестче, безотрадней
Холодных, твердых мраморных камней.
Коль подождешь — и меда ты усладней,
И винных лоз нежнее и хмельней,
И солнца миловидней красотою
Умильной, кроткой, ласково-простою.

СV

«Но вижу — тщетны все мои моления.
Словам моим не внемлешь и молчишь.
Ко мне, рабу, не хочешь снисхожденья
И даже глаз назад не обратишь;
Но как стрела, исполнена стремленья,
В дремучие леса свои спешишь,
На скалы ты взбираешься в тревоге —
Пусть камни, терны уязвляют ноги.

CVI

«Но раз ты убегаешь, непреклонна,
Любимая, как это вижу я,
И в этом весь ответ мольбе влюбленной,
И дальше — хуже ненависть твоя, —
Да уравниются все горы, склоны, —
О том к Юпитеру мольба моя, —
Да будет вся равнина с далью всею
Ровней и ниже под ногой твоею.

CVII

«Вас призываю, боги, что живете
В тенистых этих долах и лесах, —
Коль вам любезность ведома, — к заботе
О милых, нежных, маленьких ногах
Вот этой нимфы — вы не преминете
Все камни, терны, сучья на путях
Прелестных ножек превратить в лужочки
И в тоненькие травки и цветочки.

CVIII

«А я отныне следом за тобою
Уж не пойду; куда идешь — иди;
С моим несчастьем, с моей тоскою
Останусь без исхода впереди.
Мне ждать недолго вечного покоя:
Исходит сердце кровью тут, в груди.
Все ты: ведь твой огонь его терзает,
Жизнь с каждой минутой исчезает».

CIX

А нимфа не бежала, а летела.
Высоко полы платья подняла,
Чтобы предаться бегу уж всецело,

Их за пояс заткнула как могла, —
Так что сверх поножей открыто, смело
Вся стройная нога видна была
И, как освобожденные из плена,
Пленительные белые колена.

СХ

С копьем в деснице вон она мелькнула,
Вдаль отбежать успев крутым путем,
И, обернувшись, гневная, взглянула,
В испуге вспыхнув пурпурным огнем, —
И крепкою рукой в него метнула,
Чтоб насмерть Африко сразить копьем.
И уж сразила б, если б не случилось,
Что прежде в крепкий дуб оно вонзилось.

СХІ

Копье, взрезая воздух, засвистело, —
Она, на миг отдавшись забвению,
В лицо его впицась: ведь он всецело,
Казалось, ощутил себя в раю, —
Ни удержать, ни скрыть уж не сумела
Раскаянье и жалость всю свою,
Кричит в безумьи: «Берегись, несчастный!
От смерти как спасу тебя ужасной?»

СХІІ

В четырехгранной этой стали сила
Такая напряженная была,
Что мощный дуб насквозь она пронзила,
Как будто льдину слабую прожгла.
А толст был дуб: обхвата б нехватило
Мужского, чтоб сойтись вокруг ствола.
Расселся он; почти что погрузилось
В него и древко — и остановилось.

СХІІІ

А Мензолу тут радость осияла,
Что невредим был юноша: связал
Уже Амур ей сердце, вынул жало
Жестокости и злую мысль изъял.
Хоть ждать его и миг не пожелала, —
О, ни за что! Иль чтоб возможен стал
С ним разговор, — о нет! — Но просто рада:
Его сетей бояться уж не надо.

СХІV

И снова нимфа дальше побежала
Что было сил: ведь он за ней спешил,
И все она попрежнему внимала,
Как следом он и плакал и молил;
Пещер и скал немало миновала,
И позади уж он далеко был,
Когда она, взобравшись на вершину,
Не мнила, что спаслась и вполовину.

СХV

Но вниз она с стремительностью вящей
Спешит с горы по склону. Как стена
Стоял здесь лес, сплетен дремучей чащей
Непроницаемой. И не слышна,
Лесною вольной птицей настоящей,
Бесшумно затаилась тут она;
Маститый дуб шатром пышно-зеленым
Здесь нимфу осенил, над ней склоненным.

СХVІ

Поговорим об Африко. Мгновенье,
Как нимфа бросила в него копье,
Смутился он. Но слышит в изумленьи

Он крики: «Берегись!» и вид ее,
Весь — состраданье, и к нему движенье,
И пламень глаз явили ясно, чье
Кто сердце вдруг сразил. И с новой силой
И с новой жаждой он бежит за милой.

СХVII

Как головня погаснуть уж готова
И тлеет только искоркой одной,
Но вздоха ветра, мощно излитого,
Достаточно — и с силою иной,
Сильнейшей во сто крат, пылает снова, —
Так Африко, почувяв новый зной,
Лишь возглас жалостный над ним раздался.
Все пламенней, все жарче разгорался.

СХVIII

Он закричал: «Юпитер, видно, хочет,
Раз хочешь ты, чтоб пал здесь мертвым я;
Твою надежду тотчас он упрочит
Всей силою стального острия,
Что сердце мне пронзит и кровь источит,
Пройдя всю грудь насквозь. Вина — твоя,
А мне — восторг: покончить с жизнью сею
В горении любви — рукой твоею!»

СХIX

Едва лишь Африко закончил слово,
Как на вершину Мензола взошла,
И ясно он ее увидел снова;
Она сошла — ее сокрыла мгла.
И тотчас он почувял много злого:
Меж них долина длинная легла —
И крепко не на шутку он боялся,
Чтоб след ее совсем не затерялся.

СХХ

И он с трудом вершины достигает
И тщетно взорами ее следит.
И как охотник часто поступает,
Чуть птица снимется и улетит
И из виду ее он потеряет:
Лицо поднявши, ротозей глядит;
Бежит туда-сюда, стоит на месте,
И, как в беспамятстве, все это вместе, —

СХХІ

Так Африко ее с своей вершины,
Подняв высоко голову, следит.
Лоб трет себе руками без причины,
Свою фортуна злостную хулит
За все ее бесчисленные вины.
И к лесу он дремучему спешит,
И вновь назад; бормочет: «Что за чудо!
Нет, вон туда пошла она отсюда».

СХХІІ

И тотчас он туда бегом пускался, —
Уж где бы ни было ее сыскать, —
И снова, не увидев, возвращался,
С отчаяньем в душе бежал опять,
И, отбежав немного, вновь решался
Итти иным путем. Но угадать
Никак не мог, все недоумевая, —
Что делать, где искать еще, — не зная.

СХХІІІ

И он твердил себе: «Она, пожалуй,
Вот тут, в лесу пространном и глухом!
И если так, то без приметы малой

Мне не сыскать ее, блуждая в нем;
И больше месяца бродя, усталый,
Всей чащи я не обыщу кругом.
И ни следа! Ведь если бы вступила
Тут в лес она, хоть след бы проложила.

СХХIV

«Хотя бы весть мне сердце проведало,
Куда пошла она! Не счесть путей,
А ведь из них один она избрала.
И, дальше устремляясь так за ней,
Пойду ли ошунью куда попало —
И не туда приду, всего верней,
А дара уж теперь не потеряю
Печального, которым обладаю.

СХХV

«Не знаю я, итти или остаться
И ждать, не выйдет ли сюда сама;
И верховой здесь мог бы затеряться, —
Такая глушь в лесу, такая тьма,
Что и его бы следу не сыскаться.
А ежели послушаться ума, —
Далеко быть мне на полмили надо,
Чтоб ею брошена была засада».

СХХVI

И он взглянул на солнце. Час десятый
Уж близок был. И он себе сказал:
«Что тешиться надеждою богатой?
Надежды нет, которой я дышал;
Здесь тратить время — тщетной было б
тратой».

И в памяти рассказ отца вставал
О двух любовниках, — что накануне
Он слышал, — как погибли вместе, в туне.

СХХVII

А тут же и амурово шептанье:
«Что мне Диана? Не боюсь ее.
Раз увенчать бы страстное желанье, —
Век было б сердце счастливо мое.
И кончится пускай существованье, —
Я бога восхваляю за бытие.
Но за нее крушился б я душою:
Из-за меня ей смерть была бы злою».

СХХVIII

Одно другим сменяя рассужденья,
Здесь Африко немало пребывал,
Не в силах разрешить свои сомненья, —
Амур его, лелея, обольщал.
И наконец-то, ради сожаленья
К отцу, что крепко дома тосковал,
Итти домой решил он поневоле
И в путь пустился, полн великой боли.

СХХIX

Так возвращался Африко, тоскуя,
И, что ни шаг, оглядывался он,
Стоял и слушал, мысль одну милоя:
«Не Мензола ль? — вздыхая. — Истомлен,
Что за глупец, что за тоску несу я
Бессменную, всего теперь лишен!
Ты здесь осталась, Мензола», — взывая,
Метанья длил он, без конца и края.

СХХХ

Но речь о том, как он один метался
При каждом легком шелесте листка
Взад и вперед, и снова возвращался,

И снова шел, — была б не коротка.
Каким страданьем в сердце он терзался,
Поймет ведь каждый, — какова тоска
Пути возвратного! Сказать короче,
Домой с тоски едва дошел он к ночи.

СXXXI

Вот, наконец, в своей каморке малой,
Родителями не замечен, он
На узкую постель упал усталый
И чует — уж у сердца Купидон,
Стрелой его сразивший многожалой,
И жадно жаждет он его полон,
В тоске простившись с радостью земною,
Вдруг сокрушить хоть смертною ценою.

СXXXII

И Африко, простертый на постели,
Вдыхая тяжело, лежит ничком.
Уколы шпор любовных так горели,
И трижды он вскричал в жару таком:
«Увы! Увы!» — что вопли долетели
До слуха матери. Вскочив, бегом
Она наружу в садик устремилась,
Расслышала его и возвратилась.

СXXXIII

И сына милого воскликновенья
Узнавши, в комнатку к нему спешит;
Сама вся не своя от изумленья,
Вдруг видит: он, простерт, ничком лежит.
И обняла, и шепчет утешенья,
А голос обрывается, дрожит:
«Скажи, сыночек, что тебе так больно?»
Чем душенька твоя так недовольна?

СXXXIV

«Скажи скорей, сыночек ты мой милый,
Где у тебя болит, любимый мой?
Дай полечу. Я рада всею силой
Тебе помочь. Ведь снимет как рукой.
Да повернись, мой голубь сизокрылый,
Мне молви хоть словечко, мой родной!
Своей я грудью ведь тебя вскормила,
Под сердцем девять месяцев носила».

СXXXV

Услышал Африко — к нему прокралась
Мать нежная, и рассердился он:
Как бы о чем она не догадалась!
Но он в любви лукавству научен —
И отговорка в мыслях уж слагалась;
Подняв лицо, — заплакан, истомлен, —
Он молвил: «Матушка, я торопился
С утра домой, упал и весь разбился.

СXXXVI

«Я поднялся, но с болью небывалой
В боку, — и вот едва добрел домой,
Настолько ослабелый и усталый,
Что уж едва владел самим собой,
Бессилен, словно снег на солнце талый,
И лег в постель, чтоб дать себе покой.
И, кажется, теперь полегче стало,
Потише боль, что так меня терзала.

СXXXVII

«И если любишь ты меня немного,
Скорей отсюда, матушка, уйди.
Не огорчайся этим, ради бога:

Мне говорить — такая боль в груди!
Иначе не пройдет моя тревога, —
Послушайся, больному угоди,
Ступай к себе, мне говорить не надо:
Ведь это для меня опасней яда».

СXXXVIII

Он замолчал и, тяжело вздыхая,
Склонился на подушку головой.
Такие речи слыша, мать седая
Задумалась, пошла, сама с собой
Безмолвно и любовно рассуждая:
«Должно быть, как он слышит голос свой,
Так болью звук в груди и отдается —
И словно бы она на части рвется».

СXXXIX

И вышла из каморки, где в томленьи
Метался сын и горестно стонал.
Почувствовав свое уединенье,
Он от любви еще сильней страдал
И, груди непривычное, мученье
Все возрастало, пламень сожигал
Все яростней; зывал он: «Почему же
Любовь, что миг, терзает больше, хуже?!

СXL

«Я чувствую, что весь внутри сгораю
Любовным пламенем; я слышу — грудь
И сердце жжет он с краю и до краю;
Себе помочь не властный как-нибудь,
Беспомощный, бессильный, замираю.
И лишь одна могла б в меня вдохнуть,
Чуть пожелай — мир и забвенье боли
И сделать все со мной, что ей по воле.

CXLI

«И ты одна мила, как ангел нежный,
Красою светлокудрю своей,
С умильной речью, легкой и небрежной,
Всех белых роз улыбчивей, свежей,
Всех ясных звезд в лазури безмятежной
Блистательней, — ты мне всего милей,
Одну тебя, желанная, желаю
И ночь и день всечасно призываю!

CXLII

«Лишь ты одна всю боль моих страданий
Могла бы благодатно исцелить!
Лишь ты одна всей властью нежных дланей
Ведешь моей безвластной жизни нить!
Лишь ты одна от смертных воздыханий
Мой жалкий век вольна освободить!
Лишь ты одна захочешь — обладаешь
Мной, как ты можешь, как ты пожелаешь!»

CXLIII

И говорил: «Жесточе невозможно,
Чем ты, томить безжалостной тоской;
И дикую — страшит тебя тревожно
Тобою восхищенный взор людской!
Вся жизнь моя, что для тебя ничтожна,
Во мрак темницы ввержена тобой,
И нет в тебе — увы! — тем мукам веры,
Что ты не видишь, а дала без меры!»

CXLIV

Потом, стняя, к Венере обратился:
«Священная богиня, победить
Властна ты всех на свете, кто бы тшился

От ран твоих себя оборонить,
И от тебя никто не защитился;
А ныне, мнится, не сильна сломить
Ты слабой девушки — и перед нею
Бессильна всю силою своею.

CXLV

«Ты мощь свою всю ныне потеряла
Против нее, и тонкий ум притих,
С каким всегда разил сердце немало
Твой сын Амур — высоких и простых.
Пред сердцем ледяным вдруг все пропало,
Презревшим обаянье сил твоих;
Обыкшие вершить твое отмщенье
Лук, стрелы острые — в пренебреженьи.

CXLVI

«Ее, быть может, без труда ты мнила
Вдруг захватить, как и меня взяла,
Чтоб в грудь ее твоя проникла сила,
В грудь изо льда — как и в мою вошла.
Она же стрелы просто притупила,
Что на нее ты мудро навела;
А я, глупец, от них не защитился —
И в вечную темницу погрузился.

CXLVII

«Мне никогда уж не освободиться;
Мир, отдых и покой — не для меня;
Но мукой новой буду я томиться
Всечасно от любовного огня.
И в этой думе с телом разлучится
Душа моя, рыдая и стена,
К гибели своей. И черной тенью
С теньями будет. Вот конец мученью.

CXLVIII

«Тебя молю, о Смерть! Идешь, врачуя
Мне горькое земное бытие;
По доброй воле жить уж не хочу я;
Рави же сердце бедное мое!
А не сразишь, так сам сражу, тоскуя.
Как чтил бы я пришествие твое!
Так поспешай — и сброшу я оковы,—
Мне тяжкие мучительно суровы».

CXLIX

Тут он умолк и залился слезами
И вспомнил, как прекрасная копьё
В него метнула нимфа, как словами
Прорвалось сострадание ее
И ужас, что воздушными струями
Неотвратимо мчится острие.
И в тех словах почуял он хоть малость
Надежды на узывчивую жалость.

CL

Так плача и томительно вздыхая,
Влюбленный юноша один лежал,
Жить жаждая и к смерти вдруг зывая,
Надеялся и в ужасе дрожал.
Бог сна, из врат великих низлетая,
Сном благостным страдальца обаял.
Усталостью последней истомленный,
Все позабыл забывшийся влюбленный.

CLI

А мать умелая уж насбирала
Целебных трав немало — для того,
Чтоб сыну сделать ванну: полагала,

Что боль в боку измучила его.
Доверчивая, ведь она не знала
Причин томленья сына своего.
Пока весь ход ее работы длился,
Домой и Джирafone воротился.

CLII

И тотчас же спросил: что сын бесценный?
Вернулся ли сегодня он домой?
А донна, что звалась Алименой,
Ответив «да», свой перепуг ночной
Поведала; без боли неизменной
Не молвит слова сын; ему покой
Необходим; она к нему не входит.
«Прошу, найди и ты,— так речь заводит.—

CLIII

«Я ванну приготовила, что боли
Помочь должна. Пускай он отдохнет,
Как долго будет то ему по воле,
И ванну ту целебную возьмет.
И уж страдать не будет, верно, боле:
Где б ни болело у него — пройдет.
Оставь, пусть спит. Он говорить не может:
Сильнее боль в боку его тревожит».

CLIV

Когда жена все это рассказала,
Его схватила за сердце тоска,
Любовь отцовская не устояла,
Чтоб тотчас же не повидать сына.
В каморку, где постель его стояла,
Неволью потянуло старика,
И видит — спит. Его он закрывает
И прочь оттуда тотчас поспешает.

CLV

И он сказал старушке: «Дорогая
 Жена, сынок, сдаётся мне, уснул,
 Лежит в постели, тихо отдыхая,
 И разбудить его я не дерзнул:
 Грешно, а шутка вышла бы плохая,
 Когда б теперь я сон его спугнул». —
 «Конечно, — отвечала Алимена, —
 И не тревожь: ведь сила сна бесценна».

CLVI

Когда уж долго юношу, лаская,
 Опутывал сетями легкий сон,
 И воля грудь наполнила бывая,
 Вздохнув глубоко, пробудился он.
 А возле — никого. И вновь, вздыхая,
 Своей печали прежней возвращен,
 Он пред собою мыслью не остывшей
 Все видит нежный взгляд, его сразивший

CLVII

Но чтоб себя не выдать вдруг позорно
 И обмануть отцовское чутье,
 Вскочил и приделся он проворно.
 Скрыв муку страсти, одолел ее,
 Красивое, спокойное притворно,
 Отер он полотном лицо свое
 И взор, еще слезами орошенный, —
 И вышел вон, хоть несколько смущенный.

CLVIII

И Джирafone тотчас же встречает
 И спрашивает сына своего,
 Что было с ним и как он поживает,

И, все еще любясь на него,
О том же Алимена вопрошает.
А он в ответ: «Да, право, ничего.
Я выспался — и не томит нисколько,
Прошла вся боль, что так меня терзала».

CLIX

Но все ж отец решил приготовленье
Горячей ванны для него — и вот
Ее берет он, только в уверенье,
Что боль иная сердца не гнетет.
О Джирafone, что твое леченье!
Любовное страданье не пройдет,
И разве тут твоя поможет ванна,
Когда глубоко в сердце скрыта рана!

CLX

Довольно же. И после омовенья
Изрядно грустно день проводит он.
Два, три, четыре дня — одни мученья.
Минутного он отдыха лишен,
Все позабыв бывшие упоенья,
В задумчивости мрачной погружен.
Но мысль о той его не покидает,
По ком и дни и ночи он страдает.

CLXI

Отец и мать и все дела на свете,
Все — все равно, ничем не занят ум,
И мысли нет ни об одном предмете,
Вся жизнь кругом — какой-то праздный шум.
Но лишь одна бессменно на примете
У скованных, поработанных дум,
В одну лишь верит, лишь одной боится —
И ею создана его темница.

CLXII

Когда бы в страстном, пламенном гореньи —
 Не зная, где — он мог ее сыскать,
 Весь истрадавшись, принял он решение
 Того предела уж не покидать.
 И лишь в одном он ведал утешенье, —
 Чтоб без помехи плакать и вздыхать
 И тихо вспоминать о том, что было,
 Что с милою его соединило.

CLXIII

И Африко столь горю предавался,
 Что с каждым часом более страдал.
 Он обессилен был, он задыхался, —
 Без отдыха недуг его терзал.
 Он жизни против воли подчинялся:
 Цепями так Амур его сжимал,
 Что он почти от пищи отказался,
 День ото дня слабел и истощался.

CLXIV

Уже с лица красивого сокрылся
 Румянец юный, дальше — все бледней
 И все худей бедняга становился,
 Стал острым взгляд ввалившихся очей.
 И так он от печали изменился,
 Что юношу еще недавних дней
 Едва напоминал теперь влюбленный,
 Безжалостным пыланьем опаленный.

CLXV

Отец не мог бы выразить словами,
 Как мучится душою за него.
 И часто ободрял его речами

Такими: «Сын мой, молви, отчего
Страдаешь ты? Клянусь тебе богами,—
Узнав причину горя твоего,
Все сделаю, хоть из последней силы,
Чтоб дать тебе, чего ты хочешь, милый.

CLXVI

«Коль силою нельзя предмет томлений
Твоих достать иль разумом людским,
Подумаем: есть способ, без сомнений,
Мысль отогнать, которой ты томим,
Чтоб больше ты не знал таких мучений
И был, как прежде, цел и невредим.
Не дать тебе совета — быть не может,
Сыночек мой, — иль век мой даром прожит?»

CLXVII

И матушка частенько вопрошала,
Чем он, любимый, столько угнетен,
Что жизнь его такую горькой стала,
И так уныл, и так расстроен он.
«Сыночек,— говорит,— мне в душу пала
Твоя тоска, и сердце рвется вон
С отчаянья: не видеть не могу же,
Что с каждым днем тебе все хуже, хуже».

CLXVIII

Им Африко в ответ — не что иное,
Как только, что худого ничего;
Не знает, дескать, сам, что с ним такое.
А то,— чтобы оставили его
В покое: голова иль что другое
Побаливает — только и всего.
И оттого не раз его лечили,
Да все болезнь не ту в нем находили.

CLXIX

И в этой жизни тяжкой изнывая,
Однажды Африко печальный пас
Свои стада и, взоры подымая
Рассеянно, бродил за часом час,
Все о своей любезной размышляя,
Из-за которой таял он и гас.
И вот увидел он источник ясный,
Светившийся светлей звезды прекрасной.

CLXX

Деревьями густыми окруженный,
Местами сенью веток затемнен
Он был. Полюбовался им влюбленный,
Сел у корней; склонился грустно он,
Раздумьем о злосчастьи сокрушенный,
К какому был любовью приведен.
В воде себя узнав, он поразился,
Как мрачен вид его, как изменился.

CLXXI

И вот, к себе исполнен состраданья,
Сраженный переменою своей,
Не в силах он удерживать рыданья,
Все горше плачет он, все горячей
И день злосчастный первого свиданья
Уже проклясть готов душою всей.
«Ах,—молвит,—за какие прегрешенья
Влачу я жизнь, не зная утешенья!»

CLXXII

И опираясь на руку щекою,
А на колено локоть положив,
Он говорил и слезы лил рекою:

«О злая жизнь моя, пока я жив!
Так этою отягчена тоскою,
Пускай растает, словно снег в разлив.
А я, как хворост на огне, сгораю,
И нет спасенья мне, нет мукам краю.

CLXXIII

«Уйти от страсти к девушке жестокой,
Пленившей сердце мне, я не силен,—
Чтоб не желать ее с тоской глубокой
Всего превыше. Вижу — заключен
В столь крепкие оковы, одинокий,
Что день и ночь пылать я обречен
В огне недвижно: выйти нет надежды,
Коль смерть не поспешит закрыть мне вежды».

CLXXIV

Потом, любуясь, он глядел на стадо:
Резвились коровки и бычки;
Он видел — целовались; всем отрада
Была в любви, не ведавшей тоски.
Он слушал птиц; полны живого склада,
Звучали их любовные стишки,
И весело пичужка за пичужкой,
Влюбленные, порхали друг за дружкой.

CLXXV

Любуясь, Африко грустил без меры:
«Счастливые созданья, вы верней,
Вы более меня друзья Венеры,
И как вы радостней в любви своей,
В уладах тех, каким не знал я веры!
И как должны хвалить вы горячей
Амура за любовь, за упоенье,
Что вам дано сполна — и в разделеньи!

CLXXVI

«Вы стройно песни радости поете,
Порхаете, беспечны и легки,
А плачу я,— в страданьях и заботе,
И день и ночь, изнывший от тоски,
Исход я вижу в смертной лишь дремоте,
Свободы жду от гробовой доски,
Отрады, хоть малейшей, ждать не смею
От завладевшей волею моею».

CLXXVII

И тут вздохнув глубоко и умильно,
Расплакался так горько мальчик мой,
И слезы полились так изобильно,
Что щеки, грудь казались рекой,
Струями слез омоченные сильно,—
Так злостной был охвачен он тоской.
И к светлому склонившись отраженью,
Беседовал он с собственной тенью.

CLXXVIII

И с нею потуживши над собою,
Слезами переполнивши поток,
Сменяя долго мысль одну другою,
Он несколько сдержать рыданья мог
При мысли, поманившей дух к покою,
Открывшей в сердце тихий уголок,
Напомнившей о сладком упованьи:
Венера ведь дала обетованье.

CLXXIX

Но видя — не приходит исполненье,
А между тем он до того дошел,
Что чувствует уж смерти приближенье,—

Сказал: «Венера бед моих и зол
Ведь и не помнит: зреть ли ей томленье,
Которым смертный рок меня борол?»
Почтить богиню жертвоприношеньем
Решает он — как напоминовеньем.

CLXXX

Он на ноги встает, идет он живо
Туда, где неба не закрыт простор,
Умелою рукою взяв огниво,
Разводит видный, блещущий костер.
И целую поленницу, красиво
Срубив ее, над пламенем простер.
Потом овечку, что глазам отрада —
Тучна была, он быстро взял из стада.

CLXXXI

И взяв ее, к огню подвел; сначала
Между колен своих установил;
Потом, как дело знающий немало,
Ее он прямо в горло поразил
И кровью, что по капле истекала,
Он окропил огонь; и разделил
Овечку на две части и руками
Поспешными их возложил на пламя.

CLXXXII

Одну за Мензолу он возлагает,
Другую — за себя, чтобы узнать,
Не чудо ли сейчас же воссияет;
Во благо, в зло ль — ее лишь увидеть, —
Всю на него надежду возлагает.
Он уповает, должен уповать!
И на колени он к земле склонился, —
В таких словах к Венере обратился:

CLXXXIII

«Богиня, что над небом и землею
Всех выше властью мощною своей,
Краса-Венера,— сын Амур с тобою
Сражает души и сердца людей,—
Бегу к тебе с сердечною мольбою,
О, не отвергни же мольбы моей,
Благослови — и счастье мне содеешь
Ты, что сердцами всех живых владеешь!

CLXXXIV

«О, знаешь ты, с готовностью какую
Стрелу Амура принял в сердце я
В день, как узрел Диану пред собою
С толпою нимф изящной у ручья,
Тогда же; как страданьем и тоскою
Отозвалась в груди стрела твоя
По девушке стыдливой, столь прекрасной,
Что лик ее в душе остался страстной.

CLXXXV

«А после — что я вынес за терзанья,
Приятые покорно за нее,
Что за томленья, что за воздыханья,—
Их видит ясно веденье твое!
И как Фортуна все мои желанья
Презрела, отравив мне бытие,—
Свидетели леса: объятый ими,
Я их наполнил воплями моими.

CLXXXVI

«Еще — лицо мое изобличает
Вполне, что случилось с жизнью моей,
Как безысходно в пламени сгорает,

Как скоро смерть конец положит ей;
От всех твоих обид она спасает,
Коль с помощью не поспешишь своей.
И если не пошлешь целенья боли,
От смерти жду конца моей неволи.

CLXXXVII

«Ты полагала первое начало
Моим терзаниям, когда, с сынком
Родным явясь в виденьи, мне сказала,
Чтоб смело к цели шел своим путем,
И, молвив так — ты знаешь,— обещала
Невдолге увенчать любовь концом
Благим. Потом я, раненный, покинут
На ложе мукам, что досель не минут.

CLXXXVIII

«И вот твоим я словом обнадежен,
Всю душу предал ей, любви моей:
Мне твой завет — я верил — непреложен.
И раз ее нашел, увиден ей,
Но вмиг ее сомненьем уничтожен:
Дика, жестока, ринулась быстрее
Стрелы прочь от меня — стрелы летучей,
Из лука пущенной рукой могучей.

CLXXXIX

«Я не нашел молений и прельщений,
Чтоб хоть взглянула бы издалека;
Ничто ей, видно, не было презренней,
Чем жизнь моя. Как пес борзой легка,
Поняв, что из последних напряжений
Бегу за нею,— вдруг, дерзка, дика,
Вмиг обернулась, на меня взглянула
И крепкою рукой копьё метнула.

СХС

«Тогда.— богиня, видишь ты,— разящий
Удар бы этот мне смертельным был,
Когда бы ствол, передо мной стоящий,
Собой удара не остановил.
И скрылась в горы. Я в тревоге вящей
Покинут, одурачен и уныл.
Ее не видел больше. Все ищу я,
С тех пор один, стеная и тоскуя.

СХСИ

«Тебя, богиня, всеми я мольбами
Молю, доступными сынам земли:
Поникнуть милосердными очами
На жизнь страдальную благоволи
И сына милого с его стрелами
Скорее в сердце Мензолы пошли,
Чтоб и она страдала и горела
Любовным пламенем, как я, всецело.

СХСИІ

«А если нет на то благоволенья,
Молю, когда достигнет жизнь моя
Предела, пусть замедлятся мгновенья
Последние земного бытия:
Да видит смерть мою, ее томленья
Возлюбленная милая моя;
Хоть не была б ей смерть моя утехой,
Как жизнь теперь стоит одной помехой».

СХСИІІ

Речь Африко едва остановилась,
Как он увидел, на костер дивясь:
Малейшая в нем головня светилась,

Овца в огне внезапно поднялась,
И часть одна с другой соединилась,
И ожила и, не воспламенясь,
С бляеньем громким прямо постояла,
И загорелась, и в огонь упала.

СХСIV

Так чудо разогнало все сомненья,
И Африко не мог не зарыдать;
Венера — понял он — его моления
Благоволила ласково принять,
Что возносил он, полн благоговенья.
Он стал ей благодарность воссылать,
Увидя в чуде том знаменованье,
Что кончиться должно его страданье.

СХСV

И так как уж почти что закатился
Лик солнечный, чуть видный над землей,
Все стадо он собрав поторопился
И тотчас же погнал его домой.
Он даже весь в лице переменялся,
Повеселел. Пришел под кров родной —
Тут и отец, и мать его встречают,
И лица их от радости сияют.

СХСVI

Когда же небо звезды осияли
И ночь пришла, тогда они втроем
Пужинали вместе, поболтали
О всяких новостях, о том, о сем;
К тому душа и сердце не лежали
У Африко: скучал он их житьем.
И вот пошел он спать, уединенный,
Надеждой, новой думой увлеченный.

СХСVII

Но прежде чем хоть бы на миг забылся
Иль вспомнил бы, что есть на свете сон,
Раз тысячу, скажу, поворотился
В своей постели с боку на бок он.
И ясно, что всем сердцем он стремился
Лишь к ней, которой был так истомлен.
Но все же хоть в надежде укреплялся,
Меж да и нет невольно колебался.

СХСVIII

Все ж, наконец, под утро сон усталый
Влюбленному неслышно взор сковал.
Спал на спине он тихо, как бывало.
Венерин образ тут ему предстал,
А на руках — Амур, младенец малый,
И луком и стрелами угрожал.
Тогда богиня, — так ему приснилось, —
Ему такую речью провещилась:

СХСIX

«Я принимаю жертвоприношенье
И речь, какую ты меня молил,
И в полное за них вознагражденье
Получишь все, чего себе просил.
И будь отныне в крепком убежденьи:
Отказа в помощи всех наших сил
Тебе не будет: я и сын с тобою;
Совет мой чти; ко благу все устрою.

СС

«Добудь себе наряд обыкновенный
Для девушек, совсем как их шитье,
Широкий, длинный до ног непременно.

Достав себе лук, стрелы и копье,
Иди простою нимфою смиренной
На поиски — и ты найдешь ее.
Тебя за нимфу примут, выйдет дело,
Ты только с ними будь открыто, смело.

ССІ

«И как увидишь Мензолу, беседой
С ней о вещах священных начинай,
Божественных, — приятно проповедуй,
А между тем себя не забывай.
Тому, что знаешь сам, на деле следуй, —
И только сын мой сердцу помогай, —
Уж он научит всем речам учтивым
И для нее приятным и красивым.

ССІІ

«И только лишь денек твой прояснится,
Увидишь — и тогда откройся ей.
Она, как птичка, лесом устремится
От соколиных яростных когтей.
Но сделай — пусть не так тебя боится:
Ведь побежит, так побежит быстрее,
Чем схватишь ты ее; не сомневайся;
Слукавив, своего уж добивайся.

ССІІІ

«Насилия не бойся: так поранит
Ее мой сын, что из твоих когтей
Уж не уйдет; получишь все, что манит,
И в полноте, по воле ты своей.
Пусть мой совет тебе законом станет —
И совершишь, и овладеешь ей».
Рекла — исчезла. День уж загорелся.
И Африко вскочил и вмиг оделся.

CCIV

И воюя он видение Венеры
 Глазками — и возрадовался он,
 И этот план пленил его без меры.
 Тут пламень в сердце так был разожжен,
 Что весь пылал он, полон крепкой веры:
 Ведь уж теперь возьмет ее в полон.
 Обдумывать он начал предприятие;
 Все дело в том: как раздобыть бы платье?

CCV

И вспомнил, поразмыслив, что хранится
 У матери красивейший наряд,—
 Она в него лишь изредка рядится,—
 И молвил он себе: «Вот был бы клад,
 Когда б его добыть!» Лишь отлучится
 Мать из дому — и будет он богат.
 В потайном месте так он платье спрячет,
 Что после взять — уж ничего не значит.

CCVI

И тут судьба явилась благосклонной
 И доброю к нему. Едва погас
 И бледный лик луны в лазури сонной,
 И звездный свет, и дня был близок час,
 Как Джирафоне встал и, побужденный
 Работой спешной, вышел вон как раз,
 Нимало не замедля. Вся забота,
 Пошла вослед старушка за ворота.

CCVII

Тут не был Африко ленив на дело.
 Увидевши, что в доме никого,
 Туда, где платье, поспешил он смело

И скоро без труда сыскал его.
Едва задумал, как уж все поспело.
Никем не зрим, скрывая торжество,
Добычу из дому он снес далеко,
В чужое место, и укрыл до срока.

ССVIII

Потом, когда домой он торопился,
Для дела все казалось под рукой.
А потому он в тот же день стремился
За Мензолой; но, как вошел домой,
Взял лук он, что за выделку ценился,
Со стрелами колчан красивый свой
И всякими вещами запасался.
Так день прошел, другой уж начинался.

ССIX

Уж Феба кони быстрые примчали
Сменить зарю на блещущий восток;
Уже вершины желтые сияли,
И отблеск розовый на запад лег;
Местами доли лишь в тени лежали,—
Как Африко вскочил и со всех ног
С колчаном, с луком из дому помчался.
«Я на охоту», — матери сказался.

ССX

Пошел к вчерашнему он месту, вынул
Поспешно платье матери своей;
И там с себя свои одежды скинул,
В него переоделся поскорей;
Подпоясаться стеблем не преминул,
Чтоб двигаться свободней и ловчей.
Ему Венера, верно, помогала
В убранстве: так оно ему пристало!

ССХI

А спутанные волосы спадали
Не слишком величавою волной,
Но шитью золотой вдруг отливали
И, русые, пленяли красотой.
Но хоть еще недавние печали
На бледном лице след являли свой,
Однако оттого-то поневоле
Он женственным еще казался боле.

ССХII

Преображенный с ловкостью такою,
Он с правой стороны колчан надел,
Взял в руки лук с легчайшею стрелою
И на себя немного поглядел.
Себе он показался не собою:
Он не мужчиной — женщиной смотрел,
Со стороны на эту бы картину
Кто глянул — не признал бы за мужчину.

ССХIII

Затем свои одежды положил он
Туда, откуда женские достал,
И путь ко фьезоланским устремил он
Горам, но шагу уж не прибавлял,
И там зверей немало застрелил он,
А уж потом себя и не скрывал.
Но лишь на высшую вершину вышел
Из трех, — оттуда сильный шум услышал.

ССХIV

И Африко взглянул, откуда крики, —
Нимф несколько увидел; впереди
Бегут — стреляют; слышен вопль великий:

«Стой, стой на месте! Зверя подожди!»
Стоит, глядит, — кабан несется дикий,
В нем стрелы, как щетина, позади,
И со спины кровь красная стекает.
Лук Африко всей силой напрягает —

ССХV

И прямо в грудь он кабана стрелою
Разит — и сердце та прошла насквозь,
Вся толща кожи не спасла собою;
Ступил он шаг — и сил уж не нашлось,
Он пал, сраженный насмерть раной злою.
Венере и Амуру привелось
Так пожелать, чтоб Мензола глядела,
Как было с кабаном лихое дело.

ССХVI

И нимф толпа сейчас туда сбежалась,
Все думали, что Африко — своя.
И Мензола со всеми оказалась;
Беседой занялась своя семья.
Тогда она им рассказать старалась:
«Его паденье видела ведь я.
Удара в жизнь я краше не видала,
Чем — вот она, явившись, показала».

ССХVII

Как сердце Африко в груди взыграло,
До глубины — с такою похвалой
Из уст ее! И тут же горько стало:
Молчать, когда она — перед тобой;
Но уж одно-то твердо сердце знало:
Удар любви отдался в ней самой.
Хоть ничего не знай, тут ясно было:
Мгновенье роковое наступило.

ССХVII.

Но, верно, страх сильней всего иного
 Перед оружием дев — его сдержал.
 А похвостившись, за словом слово,
 И беседу нимф и он уже вступал,
 О всем событии судил толково,
 О кабане, что мертвый тут лежал,
 И как его нашли, и как стреляли,
 И как в него вдогонку попадали.

ССХIХ

Сказала Мензола: «Будь тут Диана,
 Что за подарок поднесли б мы ей!»
 Услышать было Африко желанно,
 Что далеко Диана: тем вольней.
 Но, побеседовав еще пространно
 О чудном звере, меж иных затей,
 Вот, цель устроив, занялись стрельбою
 И состязались в ней между собою.

ССХХ

И все еще ловчились тут немало, —
 То лук звенит, то прожужжит копье.
 Вот Мензола копье рукою сжала, —
 Всех ближе в цель попало острие.
 Тому дивится Африко немало;
 Взял тотчас лук — и где копье ее,
 В то место и его стрела вонзилась
 И к цели ближе всех с ним очутилась.

ССХХI

Как мастерит Амур, когда захочет
 Кого-нибудь в другого вдруг влюбить,
 В тот день свой разум тонкий тоньше точит;

Чтобы к концу событье торопить,
Не словом — делом он его упрочит.
Так и в тот день сумел он совершить,
Что Африко и Мензола сумели
Вдвоем стрелой попасть всех ближе к цели.

ССХХII

И вот уж Мензоле все больше мило,
Что хвалят постоянно их двоих,
И вот уже душою полюбила,
И каждый миг сближает слаще их.
И сладко Африко, и взоров сила
Вольна, — с нее не сводит он своих.
Она что скажет — он уж подтверждает,
Она ему все тем же отвечает.

ССХХIII

Но вот они стрельбой поутомились
И начали скучать своей игрой.
Тогда оттуда прочь они пустились
И тут же недалеко всей толпой
Пришли к пещере, там остановились.
Одна из нимф огонь несла с собой.
И печь они кабанье мясо стали
С другой дичиною, что настреляли.

ССХХIV

Уж солнце треть дороги совершило
В своем течении, когда привал
Всех нимф собрал. И тень их осенила:
Огромный лавр ее на них бросал.
Жаркое на широком камне было
Положено. Приправы заменял
Хлеб из каштанов, как тогда водилось:
Зерна еще для хлеба не родилось.

ССХХV

А пили воду с медом отварную
И с травами — то было их вино —
И с деревянных чаш и вкруговую;
В средние жбан — из дерева равно.
И друг широкий нимф толпу живую
Семанух у камня. Было суждено,
Чтоб Африко и Мензола друг с другом
Сидели рядом, сомкнутые кругом.

ССХХVI

Пришел конец живому угощенью,
Из-за стола тут нимфы поднялись
И по горе, предавшись нежно пенью, —
Где две, где три, четыре — разбрелись,
Туда-сюда, смотря по настроенью.
Влюбленные и тут не разошлись:
С тремя другими нимфами отлогой
С холма пошли ко Фьезоле дорогой.

ССХХVII

Как мы сказали, Мензолу пленило
Все в Африко глубоко: торжество
В стрельбе искусной, пламенная сила
Сближения и речь — нежней всего,
Как жизнь, она его уже любила,
Без нагляденья глядя на него.
Но никому и в мысль не западало,
Чтоб их любовь запретная сжигала.

ССХХVIII

Она чистосердечно полагала,
Что это нимфа из соседних гор.
Мужчину не напоминал нимало

Ни бледный лик его, ни томный взор.
Узнай лишь то она, чего не знала,
Любезной не была б, как до сих пор
И как с другими, — предала б отмщенью,
Бесчестью, истязанью, поношенью.

ССХХІХ

Не нужно говорить — уж говорилось, —
Как Африко был в Мензолу влюблен.
Но шел он с ней, в груди его таилось
Такое пламя, был он так зажжен,
Что таял, словно воск, а сердце билось.
Он в созерцанье милой углублен;
Прикосновенье, слово — все учтиво,
И замирает в нем душа стыдливо.

ССХХХ

Он говорил себе: «Но что со мною?
Что мне сказать себе? Что предпринять?
Мое желанье только ей открою, —
Страшусь ее, обидев, потерять:
Любовь сменится ненавистью злою,
И все начнут меня, как зверя, гнать.
А не решусь я нынче ей открыться, —
Такому случаю не воротиться.

ССХХХІ

«Когда б ушли дорогою своею
Вот эти нимфы и остался б я
В уединеньи с Мензолой моею,
Мне было б легче, больше не тая,
Сказать, кто я, открыться перед нею
И, вздумай побежать, — уж власть моя
Схватить ее умело, чтоб покинуть
Меня уж не могла или отринуть.

ССXXXII

«Но иначе-то они, я полагаю,
Ни на минуту не покинут нас;
И, если медлить, век не наверстаю
Всех тех удач, что мне даны сейчас.
Нет, сделать все, что в силах, — так решаю;
Замедлить — потеряю все зараз».
Ее схватить он весь уже рванулся,
Но удержался, милой не коснулся.

ССXXXIII

«О, научи, о, помоги, Венера,
О, дай сейчас мне благостный совет!
О, чувствую — исполнилася мера,
Я должен взять ее, исхода нет».
Мешаются сомнение и вера,
И чудится гибель; мысли — бред.
Между да и нет он стал метаться думой,
И жег больней огонь любви угрюмый.

ССXXXIV

Они спустились низко по склоненью
Холма, и дол совсем уж близок был,
Что делит две горы, — тут к утоленью
Желаний Африко Амур спешил:
Решил не медлить, и его томленью
Лишь этот день он сроком положил.
Так вместе шли они — и их вниманье
Вдруг привлекло в долине вод плесканье.

ССXXXV

Лишь несколько минут им было ходу,
И подошли — и видят в озерке
Двух обнаженных нимф, вошедших в воду.

Гора против горы недалеко.
И в воду тоже входят, тем в угоду,
Подолы приподнявши налегке.
Беседуют, собираются купаться:
«Что сделаем? Давайте раздеваться!»

ССХХХVI

Кругом жара сильнейшая стояла
В то время дня; и их влекла тогда
Прохладою, светлела и сияла
Прозрачная, чистейшая вода, —
И думали: за чем же дело стало?
Ведь никакого не грозит вреда.
За нимфой нимфа тут разоблачилась,
А Мензола к любимцу обратилась,

ССХХХVII

Сказав ему: «Подруга дорогая,
Купаться будешь ли ты с кем из нас?»
И молвил тот, спокойно отвечая:
«Подруги, не отстану я от вас,
Сладка мне воля ваша, не иная».
А про себя сказал он тот же час:
«Коль все разденутся, так я решаю:
Желанья своего уж не скрываю».

ССХХХVIII

Решил — пускай сперва разоблачатся
Все нимфы: он — чрез несколько минут,
Так, чтобы невозможно было взяться
Против него им за оружие. Тут,
Нарочно медля, стал он раздеваться,
Чтоб кончить, как уж в воду все войдут
И по лесу бежать им стыдно будет,
А Мензолу остаться он принудит.

ССXXXIX

Он от одежд едва освободился,
В воде уж нимфы были всей толпой.
Тут обнаженный к ним он устремился,
К ним обративши свой перёд нагой.
Все отшатнулись. Визгом разразился
Отчаянный, дрожащий вопль и вой.
И начали кричать: «Увы! Увы!
Вот это кто. Теперь прозрели вы».

ССXL

Голосный волк на стадо так стремится
И, на толпу овец нагнавши страх,
Одну хватает, с ней далеко мчится,
Оставивши всех прочих в дураках;
Блея, бежит все стадо, суетится,
Хоть шкуры-то спасая второпях.
Так Африко, вбегая быстро в воду,
Схватил одну — любви своей в угоду.

ССXLI

Другие в страхе — суета такая! —
Вон из воды — к одеждам все спешат
И впопыхах, себя лишь прикрывая,
Скорей, едва одевшись, наугад,
Одна другой совсем не замечая,
Бегут и не оглянутся назад —
Все врассыпную, кто куда, и в спехе
Оставили на месте все доспехи.

ССXLII

А Африко в объятьях, торжествуя,
Сжал Мензолу, рыдавшую без сил,
В воде, — и, девичье лицо целуя,

Слова такие милой говорил:
«Ты—жизнь, ты—нега,—коль тебя возьму я,
Не отвращайся: мне тебя вручил,
Душа души моей, обет Венеры,
Не плачь хоть для богини, ради веры!»

ССXLIII

Но Мензола речей его не слышит
И борется всей силою своей,
И крепкий стан туда-сюда колышет,
Чтоб из объятий вырваться скорей
Того, кто на нее обидой дышит;
По лику — слезы градом из очей.
Но он ее держал рукой железной —
И сборона стала бесполезной.

ССXLIV

В той их борьбе задумчиво дремавший
До той поры отважно вдруг восстал
И, гордо гребень пышный свой поднявши,
У входа в иступленьи застучал.
Бил головой, все дальше проникавшей,
Так что вовнутрь вошел, не отдышал,
Ломился с превеликим воплем, воем
И словно бы с кровопролитным боем.

ССXLV

Мессер Мадзоне взял Ментефикалли
И в замок победителем вступил —
И вот его с восторгом тут встречали,
Кто гнал сейчас из всех последних сил.
Но после столь решительных баталий
Он буйну голову к земле склонил,
От жалости глубокой прослезился,
Из замка кротким агнцем удалился.

CCXLVI

Как видит Мензола, что против воли
Похищено девичество ее,
Рыдая, к Африко в душевной боли
Оборотилась: «Совершил свое
И, дуру, обманул меня; хоть доле
Не медля, выйдем: злое бытие
Сейчас прерву руками я своими;
Жить не хочу с страданиями такими».

CCXLVII

Услышал Африко слова печали,
И на берег он вышел вместе с ней;
Ее страдания лютые терзали,
И тяжко он скорбел в душе своей.
Его желания торжествовали
Отчасти, но вспылал еще сильней
Огонь в груди, сторицей распаленный
Пред ней, такой несчастной и смущенной.

CCXLVIII

Одеться только лишь они успели,
Схватила быстро Мензола копье,
Ни слова не сказав — к последней цели,
В грудь крепкое направив острие.
Увидев мысль ужасную на деле,
К ней Африко метнулся и ее
Схватил подмышки, в лес далеко с силой
Копье забросил и промолвил милой:

CCXLIX

«Увы, любовь моя, что ты хотела,
Что за безумье совершить с собой?
О, злая мысль — на этакое дело

Свирепое подвигнуть разум твой!
О, мне, глупцу, какого ждать удела,
Лишась тебя со всей твоей красотой?
Минуты бы не прожил я в разлуке
И на себя сам наложил бы руки!»

CCL

Сердечной мукой Мензола такую
Томила, что у Африко в руках
Упала, обмерла; а он с тоскою
Уж видит смерть на меркнувших чертах.
Обняв ее, он слезы льет рекою.
Холодный душу сотрясает страх
За жизнь ее; и ношу дорогую
Он сокрывает в сень ветвей густую.

CCLI

Так вместе с ней поникнув под ветвями,
Он левою рукой ее держал,
А правую покрытые слезами
Ланиты ей тихонько вытирал
С суровыми и грустными речами:
«О смерть, вот все, чего твой взор искал!
Ты счастья моего меня лишила,
А вместе с ним и мне — одна могила».

CCLII

Потом, лик помертвевший лобызая,
«Любовь моя! — взывал он, — для чего
Злой этот день, судьбина эта злая
Нас разлучила!» Взора своего
С лица любимого все не спуская,
Все говорил — и клял он торжество
Своих желаний, что минутно было
И Мензолу так страшно оскорбило.

CCLIII

Но скорбь излив над помертвелым ликом,
Что, бледный, не казался больше жив,
Его не раз в мучении великом
Слезами и лобзаннями покрыв,
Не в силах жить в терзании толиком,
Решил убить себя. Вот уж порыв
Его с земли для смерти подымает,
Как он услышал: Мензола вздыхает.

CCLIV

Дух Мензолы по воздуху носился,
Час не один в блуждании провел,
И в тело, наконец, он воротился,
В свои вместилища опять вошел, —
Она пришла в себя, и вздох излился,
И стон из уст, и горестный глагол:
«Увы, увы, о если б умерла я!»
Она рыдала, не переставая.

CCLV

Когда увидел Африко живую
Вдруг Мензолу, что, мнилось, уж мертва, —
Воскрес сердечной радостью одною,
Заговорил утешные слова:
«О, роза ароматом и красою,
Я за тебя страдаю, ты — права;
Но лишь не бойся и не ужасайся,
Моей защите крепкой доверяйся.

CCLVI

«Ты мне всех благ дороже и желанней —
И ты теперь в объятиях моих.
Нет сердцу моему больней страданий

И безутешней мук и зол твоих.
И горе мне, я мнил — предел терзаний! —
Что держит смерть тебя в цепях своих,
Моя рука меня разить готова,
Как слышу вздох твой и живое слово».

CCLVII

«Злосчастная, о, как я истомилась! —
Она сказала, взоры подняла. —
Зачем я, глупая, на свет родилась,
Зачем жива? — и слезы все лила. —
Зачем сама в тот день не задушилась,
В день первой встречи? Или б умерла,
Как облеклась в дианины покровы, —
Кабан бы растерзал меня суровый!»

CCLVIII

Ей молвил он: «Ах, не томись душою.
Смотрю — и сердце падает в груди:
Какою ты поражена тоскою,
Не видя утешенья впереди,
Считая жизнь свою такую злою.
Но от меня тревог себе не жди:
Сильней себя тебя люблю; со мною
Ты будь навек желанною, одною.

CCLIX

«А чтобы ты свободно доверяла
Такой любви, как я сказал сейчас,
Все расскажу я с самого начала:
Тому четыре месяца как раз,
Охотился, не думая нимало,
Я тут один; иду не торопясь,
Вдруг из лесочка — голоса людские;
Я подошел взглянуть, кто там такие.

CCLX

«У вод я вижу светлую поляну
 И нимф сидящих, вижу между них
 Всех выше я владычицу Диану,
 И вас она, служительниц своих,
 Сурово учит, как прилично сану;
 Тут встретил взгляд мой взор очей твоих
 И всю красу твою, любви стрелою
 Тут поражен я был перед тобою».

CCLXI

Потом он рассказал ей, как сокрылся,
 Стоял и долго на нее глядел,
 И как по ней желанием томился
 И ею глаз насытить не умел,
 И милым этим ликом как пленился
 (Так говоря, лобзать его хотел),
 И как, когда уж нимфы разбредались,
 «Пойдем же, Мензола!» — слова сказались.

CCLXII

Поведал слезы ей и воздыханья,
 Обильно сеянные для нее,
 И все свои томленья и терзанья,
 И как дала Венера за житье
 Послушливое — в сонном обаянии
 Надежды слово крепкое свое,
 И сколько раз найти ее пытался,
 И обо всем ей рассказать старался.

CCLXIII

Потом — как раз ее в уединеньи
 Он повстречал — и бросилась бежать —
 И лепетал он робкое моленье —

И как жестоко было не внимать,
И о копье, что в страшное мгновенье
Вонзилось в дуб — а то б не миновать!
О крике: «Берегись!», о том, как скрылась
И больше не сказала, не явилась.

CCLXIV

Потом о приношении Венере,
О том, какой дала она ответ,
Как быстро он, вполне предавшись вере,
Преобразился и, переодет,
Явился с нимфой схожим в полной мере
И бросился сыскать единый след,
Что ныне тут судьба ему судила.
«Ты знаешь, как и я, что дальше было.

CCLXV

«Я рассказал терзание сплошное,
Что за тебя душой переносил.
И потому, свершив насилье злое,
Я делал лишь под властью мощных сил:
Перед тобой мне чуждо все дурное.
Но лишь Амур, что так меня томил
Тобой, всему виновник и причина.
Прости его! Безумие — безвинно».

CCLXVI

Все Мензола отлично понимала,
Что о любви своей он говорил —
И как она впервой его объяла,
И вещи, что Амур ему внушил, —
Тут в ней самой уж сердце запылало,
И вздох ее глубокий затомил.
Стрела Амура нимфе в грудь вонзилась,
А мнила — тут предательство свершилось!

CCLXVII

Сказала: «Ах, я твердо вспоминаю —
На-днях один мне все вослед бежал;
То был ли ты, другой ли, я не знаю,
Что так меня жестоко оскорблял.
И, чтоб ему отомстить — я утверждаю! —
Я обернулась, гнев меня терзал —
В него копьё метнула я всей силой,
Но вижу — все за мной бежит постылый.

CCLXVIII

«И помню я — когда б иначе было! —
Гляжу, копьё летит его сражать,
Меня с чего-то жалость охватила,
Кричу я: «Берегись!» — и прочь бежать.
А дуб копьё, я вижу, обнажило
И все в него вошло по рукоять.
В лесу ближайшем скрылась я, горюя,
Ты ль это был? Тебя не узнаю я.

CCLXIX

«Я больше в жизни дня не вспоминаю,
С тех пор Диане как посвящена,
Чтоб видеть мужа. Если б (тщетно, знаю!)
Богами не была мне суждена
С тобою встреча! Нет, я ожидаю —
Дианою я буду изгнана
С отступницами: мной мое изжито,
Нешадно ею буду я убита.

CCLXX

«И будешь ты, о юноша, — причина
Позорной казни, гибели моей.
И хоть виновен ты, а я невинна,

Жить будешь правым до исхода дней.
В свидетели зовет моя кручина
Диану, и деревья, и зверей,
Что всюю силою я защищалась
И лишь насилием тебе досталась.

CCLXXI

«Я, чистая, невинная, тобою
Обманута и низко предана.
Но жизнь свою прервав своей рукою,
Наверное от этого пятна
Освобожусь. И с жизнью земною
Я, глупая, расстанусь лишь, верна,
Уж ты, довольный, жить как прежде станешь,
А, бедную, меня и не вспомнешь».

CCLXXII

Обняв ее, в порывистом рыданьи
Промолвил Африко: «Безумец я,
Но я ль тебя покину на страданье
Одну, любовь нежнейшая моя?
Нет, за любовь ты дай мне обещанье:
Исчезнет мысль несчастная твоя,
Иль раньше на меня наложишь руки,
Чтоб мига мне не жить с тобой в разлуке.

CCLXXIII

«Немыслимо отныне разлученье
С тобою, милая». И целовал
Уста и лик — небесное виденье,
И слезы глаз прелестных вытирал,
И молвил: «В самом деле порожденье
Ты райское», — и кудри ей ласкал,
И, встав, сказал: «Кудрей столь золотистых
Не видано — и столь прекрасно чистых.

CCLXXIV

«Год, месяц, день и час благословенны,
То время, место, где сотворено
Все: этот лик, столь дивно совершенный,
И тело, мудрой стройности полно.
Когда же кто искал во всей вселенной
И в небесах высоких, — все равно, —
Где сон богов святой, — и там не снится
Красы такой, чтобы с твоей сравниться.

CCLXXV

«Ты ясный светоч всех благих деяний,
Как и живой источник красоты!
Исполненная чистых обаяний,
Единственное средоточье ты
Всех доблестей, души высоких знаний, —
И путь мне укажешь с высоты!
Ты сладостна, нежна, бела — не все ли
Достоинства красой тебя одели?!

CCLXXVI

«Так как же не желать — какою силой —
Вкусить столь совершенной красоты,
Как томная, в задумчивости милой,
Ты, Мензола, — вне всех сравнений, — ты?
Зла и намек бежит тебя, постылый,
Не мучь меня, избавь от тяготы.
Свершенное не может не свершиться, —
Так можно ль мне с тобою разлучиться?

CCLXXVII

«И сделай же, мольбе моей внимая,
Как мудрая, возьми из всех частей
Ты лучшую — и да исчезнет злая,

Испуганной душой воспрянь скорей
И обними меня, о дорогая,
Как я тебя, душа души моей,
Целуй меня сладчайшими устами.
Лишь пожелай, услады будут с нами».

CCLXXVIII

Амура мощь безустали вязала
Сердечко Мензолы клубком речей
Любезного, и тихо отлетала
Ее печаль; и ясно было ей,
Что уж не быть иному. И пылала
Она любовью к Африко сильней —
Все той, какую нимфу в нем любила, —
И слов его теперь пленила сила.

CCLXXIX

Чуть удовлетворить его хотела
И шею левой обвила рукой.
Но целовать его еще не смела:
Сама ему в поспешности такой
Еще боялась ввериться всецело.
«О, глупая, — промолвила. — Какой
Я дам ответ, коль рано или поздно
Диана, все проведая, спросит грозно?»

CCLXXX

«Я ни с какою нимфой не посмею,
Как прежде, искупаться в ручейке
И, связана судьбиною моею,
От каждой буду ныне вдалеке.
Пойдут и обвинят меня пред нею,
Узнавши, почему я в злой тоске.
Жить одиноко я отныне буду,
О том, чего искала, позабуду.

CCLXXXI

«Убив себя, я знаю, прегрешенья
Мне не избыть нисколько, все равно;
И ведь не соверши ты преступленья,
То не было б и мной совершено,
И будь обратного я убежденья,
Мне б и до завтра не было дано
Дожить: я за столь грешное деянье
Достойное несла бы воздаянье.

CCLXXXII

«Но так твои благие утешенья
Преобразили вдруг всю мысль мою,
Связали клятвенные уверенья,
Что всю решимость гордую свою
Забыла я. Но что до рассужденья,
Чтобы пребыть со мной, — не утаю:
Нет, ни за что! Тебя уйти принужу.
Тут — грех на грех — и выйдет все наружу.

CCLXXXIII

«Да ведь тебя, конечно, бы узнали
Все нимфы, видевшиися с тобой
В тот день, — и прямо бы уж растерзали,
Убили бы, узнав, кто ты такой.
Поверили б они тебе едва ли,
Что незнаком из них ты ни одной;
А я сказала б каждой встречной смело,
Что в нашей схватке я, мол, одолела.

CCLXXXIV

«Тем более, что всякого общенья
Уж буду избегать по мере сил.
И, юноша, не отвергай моленья:

Ты невозвратного меня лишил, —
Оставь меня. Нести мои томленья
Дай мне одной. Мне свет не будет мил,
Но буду жить — и душу успокою.
О, сделай так, молю тебя с тоскою!»

CCLXXXV

Конечно, понял Африко прекрасно
Из этих слов, что уж своим огнем
Амур пылать ее заставил властно,
Но легкий стыд лишь ставит на своем.
И, видя все, как на ладони ясно,
Сказал себе: «Отсюда не уйдем,
Пока с тобой еще не потолкую,
И запоешь ты песенку другую».

CCLXXXVI

Потом он молвил ей среди лобзаний:
«О сладостные, милые уста!
О лик прекрасный, всех моих желаний
Единая цветущая мечта!
Ты женщина, одна из всех созданий,
Что в жизни мне как божество свята!
Я, глядя на тебя, воскрес душою:
Взяв лучшее, ты небрежешь тщетою!»

CCLXXXVII

«Но в силах ли, любя настолько страстно,
Перенести разлуку я с тобой?
Один я — умираю повсечасно,
С тобой — взнесен блаженною судьбой
Превыше всех желаний полновластно!
Но ведает Амур, какой тоской
Томится жизнь моя и дни и ночи,
Когда не светят ей вот эти очи!»

CCLXXXVIII

«Но скажем — пусть я мог бы удалиться,
Как ты ведаешь, — тогда снести ли мне,
Что думой одинокою томиться
Осуждена ты по моей вине?
И нашей встрече уж не возвратиться!
Так жизнь моя, несчастная вполне,
Таким страданьем миг наполнит каждый,
Что будет смерть моей единой жаждой.»

CCLXXXIX

«Но раз не хочешь ты, чтоб я с тобою
Остался тут, пойти бы ты могла
Здесь недалеко в домик мой со мною,
И с матерью б моей ты там жила,
И назвала б она тебя родною,
Как милую бы дочку берегла,
И так же бы отец. Избушка наша
С невесткой полная была бы чаша.»

CCXC

«Нет, ни за что так делать не должна я, —
Сказала Мензола. — Итти с тобой
В твой дом! Нет, грех мой тяжко искупая
Смиренной, покаянную мольбой,
Крушиться буду, грешница такая.
И прежде смерть моя придет за мной,
Чем к людям покажусь на свет я божий,
Венок утратив светлый и пригожий.»

CCXCI

«Не с тем пошла Диане вслед я смело,
Чтобы вернуться в мир любой ценой.
Когда б за прялкой я сидеть хотела

У матери иль мужнею женой,
Далеко увело б такое дело
С пути, что мне открыл отец родной,
Меня любивший крепко. Покрывало
Дианино пять лет меня спасало.

ССХСII

«И вот молю — напрасно ли моление? —
Из-за любви, о коей ты твердил,
Что подняла тебя на преступление,
Чтоб ты сейчас один домой спешил.
Клянусь тебе богиней, чье веленье,
Чей выстрел, говоришь, тебя сразил:
Твоя любовь мне будет жизни жаждой,
Тебя любить я буду мыслью каждой».

ССХСIII

«Не будь во мне, — тот отвечал, — сомненья,
Что твой обет исполнится точь-в-точь,
Что мне отдашь ты сердца все биенья, —
Я подозренья отогнал бы прочь.
Но горше все обиды, огорченья —
И я боюсь: ничем уж не помочь;
Раз ты в лесу, одна — так уж навечно
И я один. Мне страшно бесконечно».

ССХСIV

Она в ответ: «Сюда к тебе являться
Я буду очень часто, чтобы нам
Беседовать вдвоем, вблизи видаться
Благоприлично — хоть по целым дням,
И верь мне, слова буду я держаться
И ждать тебя, — придешь ли только сам?
Ведь ты уже связал меня, признаюсь,
Я влюблена. Я, кажется, влюбляюсь».

ССХСV

От радости душою вострепенулся
Вмиг Африко, такую слыша речь:
Всех мыслей строй в ней сразу повернулся,
Амур успел в ней как пожар зажечь.
Черт ангельских лобзаньем он коснулся,
Ее в объятья поспешил привлечь,
Сказал: «Послушай моего ты слова
И будь одна остаться здесь готова.

ССХСVІ

«Я жду, склонись, о роза молодая,
Перед разлукой к милости одной.
Ты знаешь, как, одну тебя желая,
Искусно изощрял я разум свой,
Чтоб овладеть тобой, звезда золотая.
Теперь велишь расстаться мне с тобой.
И вот молю: по своему влеченью
Со мной на миг предайся упоенью.

ССХСVІІ

«Довольней я и прочь тогда пушусь,
Раз воля такова теперь твоя.
О, разреши, тебя я вновь коснусь —
Да насладимся вместе — ты и я.
А завтра я сюда к тебе вернусь —
Увидеть вновь тебя, любовь моя:
В тебе одной ведь все мои улады.
Позволь — и жизнь исполнится отрады».

ССХСVІІІ

«Чего еще ты от несчастной хочешь, —
Сказала Мензола, — и о какой
Усладе с обездоленной хлопчешь?»

Ты счастлив был. Молю, дай мне покой,
Уйди — и тем ты лишь себя упрочишь.
А я останусь ждать тебя с тоской.
Смотри, уж поздно, скоро солнце канет,
И кто-нибудь нас тут вдвоем застанет.

ССХСІХ

«Ты знаешь хорошо, какой явилась
До сей поры с тобой услада мне,
И что меж нас обоих совершилось
И сколько было горечи на дне,—
Так разве полным счастьем сердце билось?
Теперь спокойны оба мы вполне —
Нам будут неотравленной отрады
И пыл полней, и сладостней услады.

ССС

«Ах, не желай мне, юноша прекрасный,
Чтоб худшее за злом вершила зло.
Ведь если б ты нашел меня согласной,
Мое страданье только б возросло —
Лишь разразись Дианы гнев ужасный.
Отчаянье мне душу облегло.
Молю, как дара,— уходи. Моя
Печаль не будет меньше, чем твоя».

СССІ

«Душа моя, не горше сокрушенье,
Чем от всего, что нами свершено,
Получишь ты. Ведь это преступленье
Осталось для Дианы так темно,
Как и для всех. И ты ни на мгновенье
Не страдаешь. Нам сейчас дано
Все сделать втайне. Кто же нас обидит?
Ведь если кто, так бог один увидит.

СССII

«И твердо знай: уйдя в глухие дали,
 Не одаренный ласково тобой,
 Умру я скоро от большой печали.
 О, сжался хоть немного надо мной!»
 И раз и два уста ее лобзали,
 Шепча: «Целуй же, цветик вешний мой!
 Доверься мне; будь радостной и ясной,
 Не дай мне умереть с любви несчастной!»

СССIII

Со множеством прельщений и молений
 Пред Мензолой тут Африко поник,—
 Раз во сто больше наших исчислений;
 Так жадно целовал уста и лик,
 Что много раз, и все самозабвенней,
 Пронзительный ему ответил крик.
 Ей подбородок, шею, грудь лобзая,
 Он мнил — фиалка дышит полевая.

СССIV

Какая башня твердо возвышалась
 Тут на земле, чтобы, потрясена
 Напорами такими, не шаталась
 И, гордая, не пала бы она?
 Кто б, сердцем женщина, тверда осталась,
 Его броней стальной защищена,
 Лобзаньем и прельщениям недоступна,
 Что сдвинули б и торы совокупно?

СССV

Но сердце Мензолы стальным ли было,
 Колебясь и борясь из крайних сил?
 Амура восторжествовала сила,

Он взял ее, связал — и победил.
Сначала нежный вкус в ней оскорбила
Обида некая; но милый — мил;
Потом помнилось, что влилось в мученье
Желанье нежное и наслажденье.

СССVI

И так была душой проста девица,
Что не ждала иного ничего
Возможного: ей негде просветиться,
Как человеческое естество
Рождается и человек творится:
Слыхала вскользь — не более того;
Не знала, что двоих соединенье
Таит живого третьего рожденье.

СССVII

Целуя, молвила: «Мой друг бесценный,
Какой-то властной нежною судьбой
Влекусь тебе предаться непременно
И не искать защиты никакой
Против тебя. Сдаюсь тебе — и пленной
Нет сил уж никаких перед тобой
Противиться Амуру: истиранил
Меня тобой — глубоко в сердце ранил.

СССVIII

«И я исполню все твои желанья,
Все, что захочешь, сделаешь со мной:
Утратила я силы для восстанья
Перед Амуром и твоей мольбой;
Но лишь молю — яви же состраданье,—
Потом иди скорей к себе домой:
Боюсь, что все же буду здесь открыта
Подругами моими — и убита».

СССІХ

Дух Африко тут радость охватила
При виде, как в душе приятно ей;
Ее целуя, сколько силы было,
Он меру знал в одной душе своей.
Природа их на хитрость убедила —
Одежды снять как можно поскорей.
Казалось, у двоих одно лишь тело:
Природа им обоим так велела.

СССХ

Друг друга целовали и кусали,
Уста в уста, и крепко обнялись.
«Душа моя!» — друг дружке лепетали.
Воды! Воды! Пожар! Остановись!
Мололи жернова — не уставали,
И оба распростерлись, улеглись.
«Остановись! Увы, увy, увy!
Дай умереть! На помощь, боги, вы!»

СССХІ

Вода поспела, пламя погасили,
Замолкли жернова, — пора пришла.
С Юпитером так боги пособили,
Что Мензола от мужа зачала
Младенца — мальчика; что в полной силе
И доблести он рос — вершить дела;
Все в свой черед — так о повествованьи
Мы доброе дадим воспоминанье.

СССХІІ

Так целый день почти что миновался,
Край только солнца, видный, пламенел,
Когда услодой каждый надышался,

Все совершив, обрел, чего хотел;
Тут Африко уйти уж собирался,
Как сам решил, но все душой болел;
И, Мензолу руками обнимая,
Он говорил, влюбленный лик лобзая:

СССХІІІ

«Будь проклята, о ночь, с своею тьмою,
Завистница восторга нас двоих!
Ведь я так рано принужден тобою
Покинуть благородную! Каких
Я ждал блаженств — и их лишен судьбою!»
И много длительных речей иных
В страдании глубоко изливалось:
Разлука горше смерти показалась.

СССХІV

Стояла Мензола, мила, стыдлива,
Потупившись, как будто бы грешна,
Хотя уж не была она так живо,
Как в первый раз, тоской удручена.
Разнеженная, хоть чужда порыва,
Была уже счастливее она.
Обмана все-таки ей страшно было
Невольню — и она заговорила:

СССХV

«Что можешь сделать ты — еще не знаю;
Не уходить — предлог теперь какой?
Любовь моя, тебя я умоляю, —
Ты утолен со всею полнотою —
Ты должен удалиться, полагаю,
Не медля ни минуты здесь со мной.
Ведь только если ты уйдешь, любимый,
Я здесь могу остаться невредимой.

СССХVI

«И лишь листок, я слышу, шевельнется,
Мне чужды шаги подруг моих.
Так пусть тебе в разлуке не взгрустнется:
Ведь от напастей я спасусь лихих.
Хоть пред разлукой больно сердце бьется,
Готова я, и страх во мне затих,
А ночь близка, а нам итти далеко
Обоим, чтобы дома быть до срока.

СССХVII

«Но, юноша, скажи свое мне имя,
И пусть оно останется со мной:
Мне груз любви тяготами своими
С ним будет легче, нежели одной». —
«Моя душа, — ответил он, — какими
Жить силами смогу, простясь с тобой?»
И назвал ей себя — и целовались
Они без счета, нежно миловались.

СССХVIII

Влюбленные, готовые расстаться,
Уже прощались столько, столько раз
И не могли никак нацеловаться, —
Глав тысячу б я вел о том рассказ.
Но это всем знакомо, может статься,
Кто наслаждался так хотя бы раз,
Кто знает, сколько несказанной муки
В усладе, что обречена разлуке.

СССХIX

Несчетных поцелуев не умели
Они унять. Пойдут, скрепив сердца,
Но шаг — и вновь назад, к желанной цели —

Лобзать румянец милого лица,
«Моя душа! Прощай! Зачем? Ужели?» —
Друг другу лепетали без конца,
Вздыхая, и расстаться не решались,
Сходились вновь, и шли, и возвращались.

СССХХ

Но видя, что уж невозможно дале
Отсрочить расставание никак,
В объятья руки жадные сплетали,
Друг друга, страстные, сжимая так,
Что их бы силою не разорвали:
Любовь не отступала ни на шаг.
И долго так стояло изваянье —
Любовники влюбленные в слякни.

СССХХІ

Но, наконец, они разъединились
Пожала руку милая рука,
На миг друг в друга пристально воззрились,
Пришли в себя, опомнились слегка.
И вот они, печальные, простились,
Хоть и была разлука так тяжка.
«Будь, Мензола, хранима вышней силой!» —
«С тобою здесь, мой Африко, мой милый!»

СССХХІІ

Путь Африко к долине направляет,
А в горы Мензола с копьем в руке,
Задумчиво — и глубоко вздыхает
О сбывшемся несчастью в тоске.
И взор его ее сопровождает,
Любуясь ей, еще невдалеке.
Что шаг, то Африко оборотится,
На ненаглядную не наглядится.

СССХХІІІ

Шла Мензола, все время озираясь,
Любуясь на любимого сверх сил,
К сразившему ей сердце обращаясь,
Что, как никто, желанен ей и мил.
Движеньями и знаками прощаясь,
Так дружку друг далеко проводил,
Пока они не выбрались из леса
И дали разделила их завеса.

СССХХІV

Наш Африко в то место устремился,
Где утром он свою одежду скрыл;
Пришел — не отдыхал, заторопился,
Себя в мужское платье обрядил.
Потом домой веселый воротился
И там наряд он женский положил
Скорей на место, чтобы не явились
Отец и мать, да платья не хватились.

СССХХV

И хоть и пребывали Алимена
И Джирafone в грусти не шутя,
Все на дорогу гляючи бесшменно:
Не возвращается ль домой дитя?—
Но, как увидели: идет,— мгновенно
Утешились, покой свой обрета,—
И начались расспросы: где скитался?
Что долго так домой не возвращался?

СССХХVІ

Чтобы сокрыть любовное томленье,
Оправдывался Африко и лгал:
Хоть уеглось в груди смолы кипенье,

Он глубже чем когда-нибудь пылал.
С горошинку казалось измышление,
И говорить он сам с собою стал:
«Когда же день придет на смену ночи
И я вернусь лобзать уста и очи?»

СССХХVII

Так все в душе безмолвно вспоминая
В подробностях, что совершилось днем,
И этим душу много улаждая,
Все, что ни делали они вдвоем,
Он повторял в уме. Но тьма ночная
Уж спать велит; он прочь — чуть не бегом,
Хоть глаз сомкнуть и ни на миг не в силах,
Всю ночь во власти тех же мыслей милых.

СССХХVIII

Вернемся к Мензоле, что из долины
Одна в задумчивости шла, порой
Себя считая все же в эле невинной,
Все каялась она и, лоб рукой
Сжимая, думала: «Такой судьбиной
Я сражена, и мой позор — такой,
Что, Смерть, приди ко мне, тебя молю я,
А то сама убью себя, горяя».

СССХХIX

Так горную вершину миновала,
Спустилась вниз по склону там как раз,
Где солнце при восходе отражало
Свой первый луч и где последний гас.
И тут, как полагаю я, лежала
Ее пещера, так — сказать на глаз —
На выстрел лука, а внизу катился
Веселый ручеек, журчал, резвился.

СССXXX

И подошла она к своей пещере,
С глубокой думою в нее вошла.
Предстали вновь страдания и потери.
«О, горе мне! — она произнесла. —
Зачем, прекрасная, по крайней мере
Я у ручья в тот день не умерла
Перед Дианой или в день злосчастный,
Как мне явился юноша прекрасный!

СССXXXI

«Не знаю, глупая, как появиться
Опять к Диане мне? С каким лицом?
Как повернуться? И на что решиться?
Я вся горю и страхом и стыдом,
И все во мне как будто леденится,
Дыханье в горле сдавлено клубком
И от печали и от жуткой боли,
Томящей сердце, сжатое в неволе.

СССXXXII

«Приди, о Смерть, к несчастной обделенной,
Приди же к этой грешнице мирской,
Приди ты к ней, в несчастный час рожденной!
Не медли ты! Чем, если не тобой,
Счастлива буду с честью оскверненной
Девической? Сердечный голос мой
Твердит, что если не придешь так скоро,
К тебе приду навстречу — от позора.

СССXXXIII

«Увы, подружки, думаете вы ли,
Что я из круга вашего ушла?
Увы, подружки, что меня любили

Так искренно, покуда я цвела
Невинностью,— теперь бы вы убили,
Как зверя дикого, исчадь зла,
Что чистоту навек свою сгубило
И наши все законы преступило!

СССXXXIV

«Именовать вольны меня с тобою,
О Каллисто, что, как и я, была
Когда-то нимфой, после ж злой судьбою
В тебя впила дьянина стрела.
Зевс обманул тебя, и ты живую
Медведя вид свирепый приняла,
В лесах блуждая, от охот бежала
И уж не говорила, а рычала.

СССXXXV

«Дианина подруга, нимфа Чалла!
Муньоне надругался над тобой,
Диана ж поносить не перестала,
Пронзивши с юношей одной стрелой!
И стала ты ручьем, и зажурчала
Волна Муньоне под твоей волной.
В ваш круг отныне быть и мне приятой!
Мое бесславье — этот день проклятый!

СССXXXVI

«И то мне чудится — Диана тело
Мне расплеснула быстрою рекой,
То шкурой зверя спину мне одела,
То перья птицы стан покрыли мой,
То — дерево — листвою я зашумела
И потеряла прежний вид людской.
Копье носить я недостойна боле
И нимфою охотиться на воле.

СССXXXVII

«Отец мой, мать моя! Вы, сестры, братья!
Когда, меня Диане посвятив,
Священные вы мне надели платья,
Раздался, помню, твердый ваш призыв,
Чтобы клялась Диану почитать я
И всех, кто с ней. И, в горы проводив,
Оставили — не с тем, чтоб я грешила,
Но чтобы девство навсегда хранила.

СССXXXVIII

«Не мыслите, что верность я попрала
Святой Диане, что глухой тоской
Душа полна; не знаете нимало,
Какая боль сменила мне покой.
А знали бы... как жалость бы бежала
Родных сердец! И с ревностью какой
Меня бы вы, отступницу, убили —
И дело бы благое совершили!»

СССXXXIX

Так сильны были муки и рыданья
Несчастной Мензолы, так тяжек был
Жестокий вопль безмерного страданья,
Что нет в стихах моих потребных сил
Их выразить и дать именованья
Хоть сотой доле их. Тот вопль, уныл,
Растрогал бы деревья или камни, —
Такая сила в слове не дана мне.

СССXL

И в сетованьях этих и в рыданьи
Вся ночь прошла. Но только воспарил
Великолепный день в «красе, в сияньи, —

Глаза ее в слезах отяжелил
И, во всю ночь бессонное, сознание
С дыханием ее остановил, —
Она уснула, слезы все роняя,
От тяжкого страданья отдыхая.

СССХLI

А Африко, огнем любви пылая,
Как никогда, покоя не обрел;
И, лишь увидел — ночь уходит, тая, —
Почти бессонный, поднялся. Пошел
Он в гору, прямо к месту поспешая,
Где накануне с Мензолой провел
Сладчайший день и радости и страсти,
Что был потом тяжеле злой напасти.

СССХLII

Тут Мензолу застанет он, конечно;
Но, не застав, сказал себе: «Ну, вот
Ведь слишком рано». Начал ждать беспечно
Чтобы его она, когда придет,
Застала здесь. Мнил, что не бесконечно
То ожиданье. На венки сберет
Цветов он пестрых. Вот он тихо бродит,
Большие, малые цветы находит.

СССХLIII

Один сплетя, себе он надевает
На кудри русые. Затем другой
Плеть из цветов роскошных начинает,
Меж ними ветви с ловкостью большой
Дерев пахучих, нежных заплетает,
Промолвив: «Этим же своей рукой
Ей обовью головку золотую,
Когда придет, а после поцелую».

CCCXLIV

Так Мензолы своей все дожидался
Напрасно он: она еще спала;
Цветы собирая, мальчик развлекался —
И скука ожиданья не гнела,
Он взором к лесу часто устремлялся —
Туда-сюда: вот-вот она пришла;
Глядит и внемлет: лист зашевелится
На кустике — уж Мензола помнится.

CCCXLV

Но больше трех часов так миновало,
А Мензолы все было не видеть.
Он столько ждал, что солнце уж пылало
Так яростно, что тяжело дышать
От жару было, и его нимало
Цветы, венки не стали развлекать,
Он тосковал, он ужасов боялся
И взорами испуганно метался.

CCCXLVI

И начал он, «увы» в душе взывая:
«Что может это значить? Нет ее!»
И мысли странные перебирая,
Искал унять смятение свое.
Случайностей роилась в мыслях стая, —
Обильно ими всякое житье, —
И жажда любой такой причины,
В уме он строил всякие картины.

CCCXLVII

Час близился к вечерням. Подступила
Мгла сумрака, и день уж угасал,
А Мензола так и не приходила.

Терзался Африко и горевал,
Растерянный, на сердце смутно было,
Когда, решившись уходить, сказал
Печально он: «Быть может, повстречались
Подружки по дороге, привязались —

СССXLVIII

«Да, может быть, ее и удержали,
И, значит, мне б ее напрасно ждать.
И вижу — звезды ночи замерцали,
А путь еще далекий мне держать.
И в этой чаще странной пусть печали
И ожидания смешны, — опять
Сюда вернусь я завтра же с рассветом».
И он пошел на холм в решеньи этом.

СССXLIX

Проснулась Мензола часу в девятом,
Исполнена страданий и скорбей.
В ее уме, сомненьями объятom,
Вставала мысль, одна другой страшней.
Она металась, как в кругу заклятom,
И просто мысль не приходила ей
О данном накануне обещаньи
Вновь к Африко вернуться на свиданье.

СССL

Но так раскаянье и сожаленье
Владели ей, что помогли решить:
По договору — утра приближенье
Встречать вдвоем — и вовсе не ходить;
Но всей душой, во всем — в любом движеньи
Свой грех великий постараться скрыть,
Так что, когда Диана вновь вернется,
В ней подозренье и не шевельнется.

CCCLI

Но все ж не мог из памяти сердечной
 Исчезнуть Африко; к нему она
 Что миг — то льнет, любви бесконечной
 И тайного желанья полна.
 Но так владел ей страх Дианы вечный,
 Что, мыслью робкой порабощена,
 Туда уже не смела и прокрасться,
 Где Африко иль где он мог попасться.

CCCLII

Так день прошел, еще, опять и снова,
 Прошла неделя, месяц миновал,
 Как Африко не видел дорогого
 Лица любимой. Жил он и страдал.
 И все влекло его — не знал иного, —
 Все к лесу, где он Мензолу лобзал,
 И все ее разыскивал, блуждая
 И чудеса о ней воображая.

CCCLIII

Но не являлась облегчить томленья,
 Так что Фортуна сжалилась над ним,
 Скупая до сих пор на наслажденья, —
 Увидев, как он бледен, как томим,
 Страдальцу оказала снисхожденье:
 Ведь отдых и ему необходим,
 А бродит он, беседуя с собою,
 Не ведая мгновения покою.

CCCLIV

И вот, когда второй уж месяц длился,
 Как, Мензолы не видеть осужден,
 Он большим бы страданием томился,

Да был уж до предела доведен, —
Казалось, будто в зверя обратился
Всем видом, голосом, молчаньем он,
И голова кудрявая тускнела,
И все молчал, как будто онемелый, —

CCCLV

И пас однажды, как обычно, стадо
В давно знакомом месте под горой,
И в мысль ему вошло тогда, что надо
Пойти туда, где давнею порой
Ему клялся Мензола-отрада
К нему вернуться. Кинулся стрелой,
Большое стадо бросив без охраны,
С одним копьём, один к своей желанной.

CCCLVI

И подошедши к водам в той долине,
Где Мензолой своею овладел,
Глядел вокруг и, стоя посредине,
«О Мензола, — сказать себе посмел, —
Не верю, — ты ль рушительница ныне
Обета, что мне клятвой прозвенел
Священною, — сюда ко мне вернуться?
Ведь богу, мне ль — придется обмануться.»

CCCLVII

«Напомню ли, как тут мы обнимались,
Слились в одно сплетенье жадных рук;
Клялись вернуться; и очей касались
Уста — и лгал напрасной клятвы звук,
И тут — не навсегда ль мы расставались?
Меж нами даль горчайшей из разлук.
Напомню ли, какие уверенья
Ты расточала, чуждая сомненья?»

CCCLVIII

Перескажу ль все стоны, воздыханья,
 Что Африко, рыдая, издавал?
 И, бередя несносные терзанья,
 За мигом миг, вращаясь, восставал, —
 Малейшие любви воспоминанья,
 И добрые и злые. Он страдал
 Час от часу несносней и тяжеле —
 И кончить положил он в самом деле.

CCCLIX

И он остановился над водою,
 Копье в руке блестящее зажал
 И острие уставил пред собою,
 А древко в землю. «Злой Амур! — сказал, —
 К какой судьбе я приведен тобою!
 Вот умираю, грозный час настал!
 И все же пусть мой миг последний минет,
 Когда надежда вовсе дух покинет.

CCCLX

О мой отец, о мать, спаси вас, боже!
 Я ухожу в Аид, в угрюмый край.
 А ты, река, зовись со мною схоже
 И мой конец страдальный означай,
 Какого нет мучительней и строже!
 И взгляду всех живых напоминай
 Волной, моею кровью обогрешенной,
 Что пал я здесь, любовью пораженный».

CCCLXI

Промолвив так и к Мензоле взывая,
 Он сталью грудь насквозь себе пронзил,
 И сердце та мучительно пронзая,

Его сразила; юноша почил.
И мертвого взяла волна речная,
И дух от тела вольно воспарил,
А воды, что долиною катились,
Густою кровью ярко обагрились.

CCCLXII

Та речка — так, как и теперь — делилась
Пониже на два разные русла.
Тем, что поуже, там волна катилась,
Где хижина покойного была, —
Волна кровавая. И вот случилось,
Был Джирафоне тут, как потекла
Вода, что кровь. Сжал сердце ток бегущий
Предчувствием большой беды грядущей.

CCCLXIII

И вот пошел туда, не молвив слова,
Где было стадо, как он думать мог.
Нет Африко, — напрягши силы снова,
Он по реке со всех пустился ног
Искать, откуда начался сурово,
Зловеще обагрённый кровью ток,
И отчего, и кто тому причина, —
И подошел, и вот увидел сына.

CCCLXIV

Взглянул — лежит он в речке бездыханный,
Грудь юную насквозь прошло копьё, —
Чуть не упав, старик в тоске неожиданной
Вдруг понял горе горькое свое.
Взял за руку его и с несказанной
Печалью молвил: «Чье тут дело? Чье?
Сыночек мой! Кто эту рану злую
Нанес тебе и отнял жизнь живую?»

CCCLXV

Труп вынес из воды отец несчастный
 И положил, рыдая, на траву,
 И проклинал он этот день ужасный:
 «Сын ненаглядный, как переживу?
 Как мать узнает: сгинул сокол ясный,
 Его не видеть больше наяву?..
 Что делать нам, убогим, в горькой доле?
 Одни мы одинешеньки — доколе...»

CCCLXVI

И вбитое копьё из сердца вынул,
 И на железо он глядел с тоской.
 «Сынок мой, кто со злобой ярой ринул
 Его в тебя, с свирепостью такой,
 Что красный день мой уж навеки минул? —
 Он говорил, рыдая. — Где покой?
 Уж, верно, тут Дианы злое жало.
 Ей, ненасытной, нашей крови мало».

CCCLXVII

Но вот, оглядывая неустанно
 Копьё со всех сторон, он в нем узнал
 То, что при сыне было постоянно.
 Тут, света уж не взвидев, зарыдал:
 «О, что же тут за дикий случай странный?
 Сынок мой глупый, бедный! — он сказал, —
 К нему пришел ты сам ли злой судьбою,
 Расцелся ль кто твоим копьём с тобою?»

CCCLXVIII

Потом, поплакав долго и уныло,
 Он сына поднял на плечи себе
 И с тем копьём, что было так постыло,

Отнес его домой, к родной избе.
И матери поведал все, как было,
Все время плача, о лихой судьбе,
И, показав копье, того не минул,
Как сам его из груди сына вынул.

CCCLXIX

А плакала ли мать тут безутешно,
Об этом никому не нужно слов,
И не пересказать бы мне, конечно,
И вопль, и плач, и поздний тщетный зов,
И как она, страдая в тьме кромешной,
Кляла Фортуны и самих богов,
Лицом к лицу сыночка прижималась
И в муках и рыданиях надрывалась.

CCCLXX

Но, наконец, как чтить умерших строгий
Повелевал обычай той порой,
Так тело, после скорби слезной, многой,
Рождавшей плач, и жесткий вопль, и вой,
Сожгли, рыдая с мукой и тревогой,
С великой, безутешною тоской,
Как те, что в этой жизни благо знали
Единственное — и его теряли.

CCCLXXI

А после пепел стынущий собрали
Костей сыновних и к реке пошли,
Где воды все багряные бежали
И кровью сына милого цвели.
У берега там землю раскопали
И пепел в ней глубоко погребли,
Чтоб имя там его не погасало,
Но реку навсегда знаменовало.

CCCLXXII

С тех пор, как ныне, реку люди стали
Прозваньем Африко именовать:
И там в тоске и горе пребывали
Отец-страдалец, мученица-мать.
Так Африко окончил жизнь в печали.
О милом память — речке охранять.
Оставим их и возвратимся снова
Мы к Мензоле, о ней продолжу слово.

CCCLXXIII

А Мензола тем временем страдала
И грустно и раздумчиво жила.
Но все ж, поняв, что облегчить нисколько
Всего, что совершилось, не могла, —
В несчастиях терпенье обретала
И, как бывало, снова начала,
Хоть изредка, с подружками встречаться
И, хоть и против воли, оживляться.

CCCLXXIV

И повстречать не раз ей приходилось
Тех нимф, что были с ней, когда она
Досталась Африко. Все, что случилось,
И все другие знали уж сполна, —
Не о грехе, конечно: говорилось
О том, как честь успешно спасена.
И Мензола, умея лицемерить,
Заставила в свое спасенье верить.

CCCLXXV

И с каждым днем спокойней становилась
И тверже Мензола, убеждена,
Что к ней все уваженье сохранилось

Ее подруг, считавших, что она,
Как и они же, чести не лишилась,
И лжи ее поверивших сполна,
Так что казалось ей, что и Диана
Уж ни греха не вскроет, ни обмана.

CCCLXXVI

Не значит это, что она изгнала
Из сердца Африко иль чтоб могла
Забуть услады прежние, — нимало;
Иль чтоб его тихонько не звала,
Когда не страшно, или не вздыхала
По нем частенько, ласково-мила;
Влюбленную, любовь ее страшила, —
Она огонь глубоко в сердце скрывала.

CCCLXXVII

И, как всегда, бродить уже решилась
С подружками она, с копьем в руке,
Охотясь. Вот в том месте очутилась,
Где Африко сдалась. И вдалеке
Любуясь, завздыхала, умилилась,
Чуть слышно молвя в сладостной тоске:
«Мой Африко, всей радостью земною
Ты здесь упился, овладевши мною!

CCCLXXVIII

«Тенерь уж я не знаю, что с тобою,
Но, думаю, тоскуешь обо мне
Глубоко. Только не моей виною:
Страх не дает мне мыслить об огне».
Так говоря, желала всей душою,
Чтоб Африко доволен был вполне,
Теперь уверенная уж заране,
Что все здесь тайна — нимфам и Диане.

CCCLXXIX

Так Мензола любила и не смела
Любить — и подневольною жила,
Лицом прекраснейшим чуть побледнела,
Затем, что в лоне тихо зацвела
Плодом любви и им отяжелела.
Три месяца в неведеньи была,
Что быть ей матерью, в великой боли
Родивши сына — и не минут доли.

CCCLXXX

Природа между тем свой ход свершала,
И на четвертом месяце, слышна,
Жизнь существа быть ясной начинала,
Которое в себе несла она.
Всем этим озабочена немало,
Дивилась Мензола, изумлена,
Что стан и бедра явно пополнели
И так окрепли и отяжелели.

CCCLXXXI

И Мензола, не ведая, в чем дело,
Была тут очень всем удивлена, —
Ведь никогда ни сына не имела,
Ни дочери; и думала она:
«Иль это к худу, что теряет тело
Всечасно стройность? Верно, я больна,
И с каждым днем я становлюсь тяжеле, —
Упасть бы хоть безвольно, в самом деле!»

CCCLXXXII

Близ Мензолы, — по берегу с полмили, —
В то время нимфа некая жила
(Ее жильё трущобы затаили),

Во врачеваньи сведущей слыла
Превыше всех и знала в полной силе
Премудрости науки — без числа.
И ей уж больше сотни лет считалось,
И нимфа Синидеккья называлась.

CCCLXXXIII

К ней Мензола-простушка побежала
И молвила: «О мать, мне твой совет
Необходим». И тотчас рассказала,
Что чувствует и как боится бед.
Та головой поникшей покачала,
Смущенная, и молвила в ответ:
«Ты, дочь моя, с мужчиной согрешила,
И не могу, чтоб это тайной было».

CCCLXXXIV

Тут Мензола всем ликом покраснела,
Такие речи слыша, со стыда;
И, видя, что не скрыть такого дела,
Потупилась, робея; и, горда,
Обидеться хотела, — не посмела.
Увидела, что не минет беда
В глазах у той, что все уже узнала,
И молча и не глядя — зарыдала.

CCCLXXXV

И Синидеккья тотчас убедилась
Из этих слез и чистого стыда,
Что не по доброй воле все случилось,
Что тут не преступленье, а беда,
И бедная насильно подчинилась.
Она смягчилась несколько тогда
И, чтобы деву ободрить немного,
Заговорила медленно и строго:

CCCLXXXVI

«Тут прегрешенье, дочь моя, такое,
Что не мечтай надолго скрыть его.
И так как сделала ты зло большое,
Не должно, чтоб гордыни торжество
Тебе сказало: это все — пустое;
Ведь вправду ты погибла оттого.
Попробуем помочь; скажи мне: кто же
Похитил чистый цвет твой, всех дороже?»

CCCLXXXVII

Но Мензола слова не проронила,
А со стыда поникла головой,
В колени Синидеккьи лик сокрыла,
Услышавши один вопрос такой.
И вместо глаз лишь два потока было,
Наполненных обильною водой,
И непрерывно так она рыдала,
Безмолвная, и все не отвечала.

CCCLXXXVIII

Но в речи Синидеккьи вдруг открылось
Ей все — и сквозь рыдания и стон
Отрывисто, чуть слышно повинилась:
Как юношей обман произведен,
Как дело началось и как случилось,
Как ею овладел насильем он.
А после все отчаянней рыдала
В огне стыда и к смерти все взывала.

CCCLXXXIX

Старуха-нимфа, слыша, как все было,
Какую тонкую сплетая сеть,
Ее в обман вовлек юнец постылый,

Несчастной не могла не пожалеть,
И вот ее немного пожурила
За промах, чтоб ей вновь не потерпеть
От легковерья, чтоб уж не грешила,
Вновь обмануть себя не допустила.

СССХС

И столько ободрить ее сумела,
Что перестала Мензола рыдать;
Ей обещала дочерью всецело
Ее считать, во всем ей помогать;
Предупредить заранее захотела
И стала ей такую речь держать:
«Послушай, дочка, речь мою толково,
Вникай во все от слова и до слова.

СССХСИ

«Со дня, как ты впервые согрешила,
Как полных девять месяцев пройдет,
Родишь дитя. И чтобы легче было,
Взывай к Люцине в первый же черед,
Моли ее, тебе поможет сила
Богини милосерднейшей. И вот,
Когда дитя родится, мы рассудим
И дальше все ко благу делать будем.

СССХСИІ

«Об этом же не думай ничего ты,
Мне предоставь. Уж в сердце я своем
Обдумала подробно все заботы
Вслед за рождением, знаю обо всем.
А ты смотри, чтоб не было охоты
Отсюда выходить, чтоб о твоём
Грехе никак, нигде бы не узнали
И злейшей не нажить тебе печали.

СССХСІІІ

«Нет, оставайся ты одна в пещере,
Широкие одежды заведи,
Без пояса, и так по крайней мере
Свои грехи от взоров огради.
И в тишости, спокойствии и вере
Дни кроткие разумно проведи,
И часто приходи ко мне: тебя
Учить я буду, как блюсти себя».

СССХСІV

Такие речи ободреньем были
Для девушки. «О мать, — она в ответ, —
Меня к надежной пристани стремили
Мой грех, мое безумье — море бед,
И вижу ясно я и в полной силе,
Что в вашей помощи — добро и свет, —
И ей и вам я предаюсь сердечно,
Доугой опоры лишена навечно».

СССХСV

«Теперь ступай. Что раз я обещала, —
Сказала Синидеккья, — то за мной.
И ни о чем не думай ты нимало,
Таи лишь крепко грех невольный свой».
А та слезами щеки орошала,
«Исполню», — молвила, пошла домой.
Пришла тропой кратчайшей, как и прежде,
Немного укрепленная в надежде.

СССХСVІ

И там жила задумчиво, страдала
И не ходила, как всегда, кругом
И лишь с собой в уме воображала

Все Африко с сияющим лицом,
И так как в теле полном возрастала
Все время, постоянно, с каждым днем,
Одежды все без пояса носила
И к Синидеккье часто заходила.

СССХСVII

И сердце начало расти так властно
За неродившееся существо
Любовью к Африко, такую страстной,
Что больше не желала б ничего,
Как быть лишь неразлучно с ним всечасно
В тот страшный день — паденья своего.
По нем она все время сокрушалась,
Его звала, слезами обливалась.

СССХСVIII

И в думе той не раз она ходила
На место, где была осквернена,
Там Африко застать все время мнила,
Пойти домой хотела с ним она.
Но не решалась — как-то стыдно было —
Явиться одинешенька одна
К его избе; и все же приближалась
Туда не раз — и снова возвращалась.

СССХСIX

Но тщетно разыскать его хотела:
Не знала, что отчаялся он в ней,
А телом так она уж пополнила,
Настолько стал младенец тяжелей,
Что для хожденья силы не имела.
И вот — все у пещеры у своей,
Уж не ища нигде, она стояла:
Вот-вот он подойдет, — все ожидала.

CD

И так-то к ней судьба благоволила:
В то место, где она когда-то свой
Грех приняла, туда не заходило
Все это время нимфы ни одной, —
А их тогда вокруг немало было;
Как удивила б их она собой —
С лицом худым от горя и заботы,
Забывшая недавние охоты!

CDI

Меж тем — что совершала зачастую —
Во Фьезоле Диана прибыла, —
И радость по горам тогда живую
Весть о ее возврате разлила,
Встречали нимфы гостью дорогую,
Толпа их собиралась, весела,
На праздник прибывало много люду
Из ближних мест и дальних отовсюду.

CDII

Узнала все и Мензола без слова,
Явиться не хотела перед ней,
Чтобы не быть ей принятой сурово,
И думала: «Пойду — беды своей
Не скрою, — я на это не готова,
И мука будет мне — всех мук больней».
И Синидеккья также отзывалась,
Чтобы не шла, а у себя скрывалась.

CDIII

Как раз в один из этих дней случилось:
В своей пещере Мензола была, —
Великой болью в теле затомилась.

Родов богиню громко призвала —
И тут младенцем-сыном разрешилась.
Его с земли Люцина подняла
На шею к ней — рекла: «Еще свершилось
Великое событие», — и сокрылась.

CDIV

Как ни безмерно то страданье было,
Что испытала Мензола, — впервой
Ее такая доля затомила, —
Взглянула только: родился такой
Прекрасный мальчик, что всю боль забыла.
Рубашечку старательной рукой
Ему надела, грудью наплатала
И в этот день без счету целовала.

CDV

Ребенок был так мил красою чистой,
Так бел, что любоваться б без конца, —
С кудрявенькой головкой золотистой;
И так во всем напоминал отца:
Его ресницы, взгляд его лучистый
И самый очерк нежного лица, —
Весь в Африко! За сходство то живое
Для Мензолы он был милее вдвое.

CDVI

И нежностью такой к нему горела,
Глаз не могла, любуясь, оторвать.
Нести же к Синидеккье не хотела,
Чтоб от себя его не отдалять;
Казалось ей, как на него смотрела,
Что видит Африко. И с ним играть
Пыталась и ловить его уловки,
И гладила рукою по головке.

CDVII

О Мензоле Диана вопрошала
Не раз ее подружек. Где она?
Ответ ближайших был, что не бывала
Давно в горах у них, что не видна
Нигде как будто, где всегда гуляла.
Иные говорили, что больна
Она, должно быть, оттого с другими
К ней не пришла подругами своими.

CDVIII

И раз ее найти расположилась
Диана — нимфа ей была мила —
И в обществе трех нимф туда пустилась,
Где бедная приют себе нашла.
К пещере тотчас же она явилась
И впереди других туда вошла
Уверенно; но нет ее. И стали
Подруги звать ее, втроем кричали.

CDIX

Она ж неподалеку тут, в долине,
С ребеночком своим пришла к реке,
В тепле играя, радуясь о сыне;
Вдруг слышит, голоса невдалеке
Зовут, так громко, ясно, по-латыни.
Дивясь, глядит — Диана налегке
И с ней подруги. Сверху поспешают,
Но все еще ее не замечают.

CDX

Так Мензолу тогда ошеломило
Явление Дианы, что молчком,
Вся, вся со страху трепеща, укрыла

Дитя в кусту терновника густом,
Оставив одного; что силы было,
Взялась — куда глаза глядят, бегом,
Тайком, тайком вниз бережком пустилась,
Леском, леском неслышно устремилась.

CDXI

Но скрыться не могла, как ни бежала.
Дианин взор беглянку настигал,
И тут она младенца услышала,
Он плакал и пронзительно кричал;
Тогда Диана ей вослед сказала,
И громкий голос грозно грохотал:
«Напрасно, Мензола, уйти хлопчешь!
Ведь захочу — ручья не перескочишь.

CDXII

«Вот выстрелю. От стрел моих не скрыться,
Хоть, грешница-простушка, ты смела!»
Но Мензоле уж не остановиться, —
По склону все бежала, как могла, —
Вот у ручья, вот переплыть стремится
Его скорей. Диана тут рекла
Такое слово — и реке велела,
Чтоб Мензолу та выпускать не смела.

CDXIII

Несчастливая уж в воду погрузилась,
Вдруг чувствует, что ноги не идут —
И вот, как то Диане рассудилось,
Водою Мензола и стала тут.
И навсегда с рекой соединилось
То имя — и по ней крутом зовут
Везде ту реку Мензолой поныне, —
Я рассказал вам, по какой причине.

CDXIV

Узрели нимфы, бывшие с Дианой,
Как обернулась Мензола водой
И вниз теперь течет рекой пространной, —
С былой любовью к деве молодой
Воззвали, плача о сестре названной:
«О, что за грех владел твоей судьбой,
Что, бедная, несчастная подруга,
Бежишь водой, волна с волной, средь луга?»

CDXV

Диана им в ответ: чтоб не рыдали,
Что казнь дана сурово по заслуге;
Что сами грех ее они видали,
Им мальчик плачем выдал грех подруги.
Потом велела, чтоб ребенка взяли
Из колкого терновника на луге.
Тут нимфы поспешили куст раздвинуть,
Взять на руки дитя, оттуда вынуть.

CDXVI

И нимфы от младенца в восхищеньи,
Наперерыв прелестного ласкать
И утешать взялись в одном решеньи —
Его в горах с собою удержатъ.
Но испросить робели позволенье.
Диана же его не медля взять
И к Синидеккье отнести велела
И, с ними в путь пойдя, взялась за дело.

CDXVII

Пришедши к Синидеккье, объяснила,
Как этого ребеночка нашла,
Где Мензола в кусточке положила,

И грех сокрыть хотела — не смогла.
«Она уйти через долину мнила,
Да после уж не долго прожила:
Ее река насильно удержала.
Сама водой по нашей воле стала».

CDXVIII

И слезы при дианином вещаньи
Старуха-нимфа с жалостью лила,
Вся — к Мензоле несчастной состраданье,
Она младенца на руки взяла
И молвила Диане: «О сиянье,
О солнце наше! Я одна была
Известна о грехе; мне повинилась
И мне она всецело подчинилась».

CDXIX

Потом Диане все порассказала,
Как Мензола была осквернена:
И где и как не доброй волей пала,
А юношей обманута она.
«Богиня, верою клянусь, — вещала, —
Ведь я всегда была тебе верна, —
Когда б не я, она б себя убила.
Поверь мне: только я не допустила.

CDXX

«Но раз ее ты превратила в воду,
Молю, по крайней мере отпусти
Со мною мальчика. Дай мне свободу
Его в долины дальние снести
К живущему там исстари народу,
К мужам и женам: вспомню я пути.
Отдам его, они его полюбят
И лучше нас взрастят и приголубят».

CDXXI

Диана, услыхав такое слово,
Как Мензола осквернена была,
В жестокости раскаяться готова
К любимице, что ей мила была.
Но, чтобы все деяния такого
Боялись, недоверья вид взяла,
Сказавши Синидеккье, что устроен
Младенец будет так, как он достоин.

CDXXII

И, уходя со всей своею свитой,
Младенца Синидеккье отдала,
А та, когда уж гости именитой
Не видно было, прямо с ним пошла
На холм, с холма—в край, для нее открытый.
Где Мензола дитя приобрела:
Весь берег тут она отлично знала, —
В горах недаром долго проживала.

CDXXIII

Уже она от Мензолы слыхала,
Как звался тот, кто деву соблазнил,
А после от нее и то узнала,
В какую сторону он уходил.
Итак, все это взвесив, полагала
Уверенно, что этот мальчик жил
Вот тут, в долине, где очам явилась
Избушка, что внизу одна дымилась.

CDXXIV

Туда спустилась не без утомленья.
Вдруг видит Алимену пред собой.
И говорит: «Большие приключенья

Свели меня, почтенная, с тобой,
И нам необходимы объясненья.
Так выслушай, прошу, рассказ ты мой
О злом несчастьи, что приключилось,
Как это существо на свет явилось».

CDXXV

И тут же все, как было, рассказала, —
Как юноша, что Африко звался,
Взял силой нимфу. Точно описала:
Что, где, когда — и как, уже нося,
Та долго ничего не понимала,
Как после чудный мальчик родился,
И как потом Диана обратила
Ее в волну, и где все это было,

CDXXVI

И как дитя Диана усмотрела
Меж терния, и как оставить ей
Его при нимфах после захотела.
Но тут, во время этих всех речей,
Младенцу Алимена поглядела
В лицо и говорит: «Ах, ах, ей-ей,
Он вылитый мой Африко!» Хватает
Ребенка на руки и обнимает.

CDXXVII

И от великой радости рыдает,
Любуется на внука; не его, —
Нет, Африко живого обнимает,
Вновь обретая сына своего,
И с нежностью великой лобызает
И говорит: «Сынок мой, до чего
Мне тяжело слышать, как погиб несчастный
Бесценный твой отец—мой сын прекрасный!

CDXXVIII

И старой нимфе изливаться стала,
 Рассказывать про сына своего, —
 Как мука долгая его терзала
 И злая смерть постигнула его.
 Чуть Синидеккья это услышала,
 Жаль Африко ей стало до того,
 Что вместе с ней расплакалась. А вскоре
 Пришел и Джирафоне мыкать горе.

CDXXIX

Как он услышал, что случилось, тоже
 От радости и горя слезы лил,
 И любовался, как дитя пригоже, —
 Казалось, Африко пред ними был —
 Живой — и прежнего еще дороже.
 В ответ на ласки мальчик, тихо мил,
 Увидя, что к нему старик нагнулся,
 Ему с любовью кровной улыбнулся.

CDXXX

Такая радость в них торжествовала
 Великая, что если б сердца их
 К двоим влюбленным жалость не смягчала,
 То в самом деле никогда таких
 Счастливицев на земле и не бывало.
 Но, убедясь, что в них друзей своих
 Сыскала, — Синидеккья все ж проститься
 Спешила, чтобы в горы воротиться.

CDXXXI

Тут Джирафоне, а вослед за другом
 И Алимена также воздает
 Благодаренье всем ее услугам

Несчетно — уваженъе и почет.
Но Синидеккья, ласково супругам
Откланявшись, не медля в путь идет,
К своим горам обратно поспешая
И старикам младенца оставляя.

CDXXXII

В горах повсюду весть распространилась
Немедленно, узнали все кругом,
Как Мензола водою обратилась,
И многие печалились о том.
Но вскорости Диана удалилась
Отсюда, чтоб вершить в краю другом
Дела свои, как то обычно было,
А прежде нимф беседой укрепила.

CDXXXIII

Оставшись, нимфы ближних поселений
Ту реку стали Мензолою звать.
Вернемся к Джирafone, к Алимене,
Что молоком от стад своих питать
Старались внука не без затруднений
И стали Прунео именовать —
По тернию, в котором он сыскался,—
Как он с тех пор всегда именовался.

CDXXXIV

И рос он, — так красив, так было тонко
Его лицо, что если б создала
Природа кистью этого ребенка,
Стройней бы, краше сделать не могла.
И пылкий сделался ловчее львенка,
И сила в нем безмерная была,
И на отца он походил так чудно,
Что даже отличить бы было трудно.

CDXXXV

И дед его оберегать старался,
 И бабка,— будь то ночью или днем,
 Как Африко, отец его, скончался,
 Не раз ему поведали о том,
 Чтоб мальчик навсегда уже боялся
 Итти его погибельным путем,—
 И о судьбе, что мать его терпела.
 Так восемнадцать лет ему припело.

CDXXXVI

Тогда Атлант в Европе появился
 В той местности, с народом без числа,
 Что по Тоскане после расселился,—
 Подробно те описаны дела.
 И Аполлон с искусствами дивился,
 Как местность фьезоланская цвела
 Привольнейшей, с холмами и долиной,
 Во всей Европе, горной и равнинной.

CDXXXVII

Атлант воздвигнуть здесь распорядился
 Град Фьезоле, как он его назвал.
 Народ помалу весь переженился
 На нимфах, что внизу еще застал;
 А кто из них оружием пробился,
 Тот навсегда те холмы покидал.
 Так нимф тогда, как на охоте, гнали,
 А полоненных в жены забирали.

CDXXXVIII

Всех жителей окрестных той порою
 Атлант в свой новый город пригласил,
 И Джирafone с первой вестью тою

Туда весьма охотно поспешил,
Жену привел и Прунео с собою,
Что был любезен, и красив, и мил,
И доблестен,— к Атланту он явился,
С почтением синьору поклонился.

CDXXXIX

Атлант в особенном благоволеньи
Приветил старца, обласкал его,
Такое молвил доброе реченье,
Взяв за руку, как друга своего:
«О мудрый старец, коль переселенье
Решил,— послушай слова моего:
Когда здесь жить ты заблагорассудишь,
Мне наибольшим советником ты будешь.»

CDXL

«И поселишься в крепости со мною,
А вместе этот сын прекрасный твой».
Тут речью отвечал старик такую:
«Тебе, Атлант, совет посильный мой
Всегда готов, коль волею благою
Прикажешь ты. Но дивно мне: с тобой
Есть мудрые мудрей меня,— ты знаешь,
А все ж меня доверьем облакаешь».

CDXLI

«Ты прав, немало опытного люду,—
Атлант ответил,— прибыло со мной;
Но вижу: здесь ты исстари повсюду
Бывал, надежен опыт местный твой;
Что хорошо, что плохо, знать я буду,
По всем местам путеводим тобой,
И будешь ты многополезен словом
На этой почве нам, пришельцам новым».

CDXLII

Ответил тот почти что сквозь рыдания:
«Увы, Атлант, ты прав глубоко в том,
Что древен я. И злые испытанья
Свидетельствуют о житье моем.
Тому немного лет, как для страданья
С женою здесь остался я вдвоем,
И лишь потом нам отдан внук прекрасный,
Его отцом был наш сыночек несчастный».

CDXLIII

Потом ему поведал все, что было
Меж Африко и Мензолой его,
А после — что Диана поразила
Муньо не насмерть, — как и отчего
Погиб несчастный. Слово пояснило
Окрестность поселения всего:
О каждой речке рассказал он были,
Откуда те прозванья получили.

CDXLIV

Потом к Атланту он оборотился,
Сказав: «На все, что повелишь, готов».
Атлант благодарил, потом дивился
На Прунео — и, полн благих даров,
Его душе тот сразу полюбился.
И, подозвав его, без дальних слов,
«Прими, — он рек, — мое благоволенье
И за столом моим неси служенье».

CDXLV

Так Джирafone оказался скоро
Советником Атланта, не прося.
А Прунео удачливо и споро

За дело службы с толком принялся,
Став подлинно утехою для взора.
И, сверх того, его природа вся
Была столь пылкой, сильной, что тускнели
Соперники пред ним во всяком деле.

CDXLVI

В охоте всякой мастер нарочитый,
Он лучше всех преследовал зверей;
И в прыганьи и в беге знаменитый,
На состязаньях был он всех ловчей;
Диану бы со всей блестящей свитой
Он, лучник, одолел стрельбой своей.
Приятной снисходительностью нрава
Он был так мил, что не расскажешь, право.

CDXLVII

Атлант за ум, за жизнь достойных правил
Любовью возлюбил его такой,
Что сенешалем с торжеством поставил
Над всем народом и своей землей
И как правителя его прославил.
И вел народ он с ласкою такой,
Что все его душевно полюбили,—
За все воздать умел он в должной силе.

CDXLVIII

Как двадцать лет ему уж миновалось,
Атлант ему невесту сговорил,—
Тиронией девица называлась,
Отец ее барон презнатный был,
И с ним она пока не расставалась.
Атлант ему всю область подарил,
Что Мензола с Муньоне омывали,—
Его как бы приданым наделяли.

CDXLIX

Повыше церкви, что теперь в Майано,
Себе хоромы Прунео сложил,—
Округа открывалась тут пространно,—
И дом обзаведением снабдил;
И весь тот край, радея постоянно,
Из дикости к порядку обратил,
От всей души судьбу родного края
С великою любовью устрояя.

CDL

Тут большей частью жил он, дни за днями
В довольство и весельи провождал
И, говорят, гуляя меж ручьями,
Отца и мать нередко навещал,
С их душами беседовал словами
И их ответ отчетливый слышал,
И вздохи их печали и живые
Повествованья про дела былые.

CDLI

И долго, одолев судьбы уроки,
Жил Джирafone. Но пришла чреда,
Исполнились должайшей жизни сроки,
И он расстался с миром навсегда,
Вручивши Алимене вздох глубокий.
Когда сочлись и для нее года,
Ее в прекрасном месте положили
Близ Джирafone и в одной могиле.

CDLII

В пространных землях Прунео остался
С Тиронией. И десять принесла
Она сынов, и всякий красовался

Обычаем, делами без числа;
Когда же каждый браком сочетался
И численность их рода возросла,—
Во Фьезоле гражданству богато,
Над всем соседством жили таровато.

CDLIII

Скончался Прунео, с слезами боли
Он всей округой был похоронен.
Осталось сыну каждому по доле,
Какой один Атлантом взыскан он,—
В благоустройстве и на вольной воле.
Был каждый в равной мере наделен,
И завсегда они все родом целым
Владели там обширнейшим уделом.

CDLIV

Но Фьезоле узнало разрушенье,
И римлянами все разгромлено;
Отхлынуло тут к Риму населенье,
И только племя Африко одно
Все собралось в разбитом укрепленьи,
Что Прунео построено давно.
Все, как могли, получше разместились,
Построили дома и в них укрылись.

CDLV

И Фьезоле уже не обновлялось,
Когда Флоренцию построил Рим,
И населенье знатное осталось
В плену, не возвратясь к домам своим.
Оно по большей части разбрехалось
И расселялось по местам чужим,
Как племя завоеванное, жило
И помощи ни в ком не находило.

CDLVI

Но понемногу гнев угомонился,
С теченьем времени и мир настал.
Народ, опять свободный, воротился
И римлянам о зле не поминал,
И в мощную Флоренцию вселился
Род Африко, пришел меж них и стал,
Радушно принят в местном населеньи,
В почете жить, в любви и уваженьи.

CDLVII

А чтобы не было и подозренья,—
Весь род же был когда-то оскорблен,—
И чтобы дать живые побужденья
Любить страну, где стал любимым он,
Расточены все были уверенья,
Роднились с ними там со всех сторон,
Их как сограждан глубоко любили
И всячески, как было должно, чтили.

CDLVIII

Так рос народ, богатство и убранство,
Флоренция мужала и росла,
Царил покой и быта постоянство.
Но,— эта грань из многих книг светла,—
Уже туда явилось христианство,
Когда орда Тотилы все смела,
До основанья крепости сломила,
Жгла, рушила, народы полонила.

CDLIX

Потом свирепый повелел Тотила
Во Фьезоле всю крепость обновить
И кликнул клич, чтобы туда, как было,

Кто хочет — вновь перебирался жить,
Где Фьезоле прикрытые сулило,
За коим безопасным можно быть,
И клялся вечной потрясать войною
Враждебный мир со всей его странюю.

CDLX

На это, полный гордого презренья,
Род Африко вернуться не желал,
Но перешел опять в свои именья,
На прежний холм, где древле пребывал,
Где каждый муж имел свои строенья, —
Воздвигли укрепленья здесь и вал
Защиты ради, коль дойдет до спора,
От фьезоланцев и от их напора.

CDLXI

И долго это пребыванье длилось.
Но добрый Карл Великий поспешил
Италии на помощь, обновилась
И ожила страна, он защитил
То обновленье. И соединилось
Потомство Африко, и собран был
Совет родов, что здесь в округе жили
Как беглецы. И тут постановили:

CDLXII

С посольством в Рим к ногам отца святого
И короля великого должна
Явиться весть — отчетливое слово:
Их дочь повержена, разорена,
Лежит в пыли, нет гражданам покрова,
Насильственно покинута она,
Жилищ и дел не возвести из праха
И не избыть от фьезоланцев страха.

CDLXIII

Но это все подробно в должном месте
Описано,— я кратко передам.
Флоренция пред папой в этой весте
Предстала — сострадательным очам.
Великий Карл, с победой в поле чести,
Не медля, к нашим подошел местам,
Флоренцию воссоздал он из пыли,
Она ж потом к его служила силе.

CDLXIV

И вот с другими вместе возвратились
Потомки Африко здесь обитать,
И постепенно всюду расселились,
Так обо всех мне и не рассказать.
Но мужи именитые явились
Из них повсюду,— их мне не назвать,
Как и других, что были вслед за ними,
Незнаемы собратьями своими.

CDLXV

Так пусть и остается это дело,—
Желанной пристани достигнул я,
Куда морями дальними летела,
Влюбленностью пылая, мысль моя.
Мое перо покою захотело,
Свершил я волю, сердца не тая,
Одной, кого послушаться не смею,
Кого зову владычицей моею.

CDLXVI

И так, труда венчая окончанье,
Тому его хочу я принести,
Кто дал мне мощь, и вспомоществованье,

И слог, и ум — стихи мои вести,—
Амуру, — лишь ему я в послушаньи
Хочу пребыть, как был, в своем пути,
Благодарить посильным приношеньем,
Но предварить особым извиненьем:

CDLXVII

Амур-владыка, царственный от века,
Кому с его величьем мощных сил
Всегда послушно сердце человека,
Против кого никто не властен был,—
Хоть низкому тяжка твоя опека,
Покамест и его ты не сломил,
Раз пожелав — и тем полней ты властен
Над духом, что высокому причастен,—

CDLXVIII

Ты тот, кто волен, если пожелаешь
Великое к свершению привести!
Ты тот, кто мир иль бой ниспосылаешь
Своим рабам,— венец ли или мечь!
Ты тот, кто их сердца преображаешь,
Чтобы порой навек к отцу вознесть!
Ты тот, кто в оправданье, в осужденье
Даруешь мощь или уничиженья!

CDLXIX

Я — из числа рабов твоих раб верный,
И мне сложить поручено тобой
Повествованье это, и в безмерной
Покорности, как донною одной
Мне внушено, свершил нелицемерно
Я это дело, вдохновлен тобой,
Как разум мой возмог в смиренной части,
Мне данной от твоей высокой власти.

CDLXX

Но я молю, как должно в этом деле
И правильно, мне милость оказать,—
Чтоб эту книгу никогда не смели
Невежды те негодные читать,
Что и не захотят, как не хотели,
Тебя в твоём могуществе познать.
Уверен я, что в честь твою писанье
Всегда в них встретит только порицанье.

CDLXXI

Оставь её воспитанным душою,
Кому ты знак на лица положил,
И кротким ангельски перед тобою,
Где ты в сердцах царишь во славе сил:
Для них не будет быть твоя дурною,
Но хвал достойным все, что ты явил.
Прими же их, владыка. Пред тобою,
О нежный, дай мне вечно быть слугою.

CDLXXII

«Добро пожаловать, слуга послушный,
Приверженнейший из всех людей,
Ты, что вложил весь пыл свой прямодушный
В свершенье этой книжечки моей.
В ней то, чего желал я; и радушно
Её я принимаю; место ей
Даю среди других повествований,
Среди моих великих всех деяний.

CDLXXIII

«И слышал я, и дам я совершенье
Всему, чего ты у меня просил,
Уберегу я книгу от прочтенья

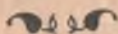
Всех тех, кто никогда мне не служил;
Я не боюсь: их суете — презренье,
Им не умалить мне присущих сил,
Но имя пусть мое в молчаньи строгом
Блюдут они. Ты ж оставайся с богом».

ФРАНКО САККЕТТИ

(1335—1400)

ГОРНЫЕ ПАСТУШКИ

— О горные бродячие пастушки,
Откуда вы, прелестные резвушки?

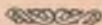
Где родились? В какой земле берется
Таких плодов невиданных награда?
Амуром вы сотворены, сдается,
Так светит в вашем облике отрада.
Вам золота и серебра не надо,
Впрямь ангелочки вы, хоть и чернушки.

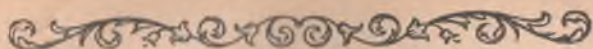
— У рощицы в горах мы проживаем
В привычном месте, в хижинке убогой,
Ночлег с родителями разделяем,
Домой придя цветущею дорогой;
В долине днем природа нам помогой,
Заботою — овечки и телушки.

— Немало вашей красоте страданий,
Чуть ею в долах и горах блеснете;
Земля такая для нее желанней,
Где были б вы и в холе, и в почете;
Скажите, разве счастливо живете,
Бедняжки, у своей лесной опушки?

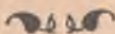
— Довольней каждая из нас, беспечно
Бредя со стадом злачными лугами,
Чем торопясь любой из вас, конечно,
На празднества за вашими стенами;
Не гонимся за большими благами,
Чем песни, пляски да цветов плетушки.

— Баллада! Будь таким я, как бывало,
Я пастухом и горцем стал бы смело;
Еще душа б живая не узнала,
А я, сосед их милого предела,
Взывал бы то: «Мартино», то: «Бьонделла»—
И брел туда, куда бы шли подружки.

ДОМЕНИКО БУРКЪЕЛЛО
(1404—1448)

СИРАМБОТТО

Братец, хочешь горькой доли,
Так женись по доброй воле.

С дельным я к тебе советом,
Хоть и знаю, что напрасно:
Не женись, прошу об этом, —
Проживешь свой век прекрасно;
Это страшно и опасно,
Гибнут лучшие желанья;
Нету большего страданья
На земле — женатой доли.

Братец, хочешь горькой доли,
Так женись по доброй воле.

Бог зачем же так устроил?
Воля уж его такая, —
Смех и песни успокоил
Он для всех достойных рая,
И поверь, здесь мука злая
Ждет блаженные созданья;
Нет тяжеле воздаянья
На земле — женатой доли.

Братец, хочешь горькой доли,
Так женись по доброй воле.

Хочешь видеть, правда ль это?
Вспомни праотца людского:
Не послушавшись запрета,
Ублажил врага мирского;
Скушал плод, — ну, что ж такого!
Ведь супруга виновата;
Нет, тяжелая расплата
На земле в женатой доле.

Братец, хочешь горькой доли,
Так женись по доброй воле.

Прав я, прав, — ты убедился,
Каждый миг тебе порукой:
Кто женился, породнился
С горьким горем, с тяжкой мукой!
Сердца грезой не баюкай!
Братец, брось же, ради бога,
Рассуди, подумай строго,
Образумься поневоле.

Братец, хочешь горькой доли,
Так женись по доброй воле.

Погляди, как был я гладок,
Важен, чист, красив собою,
Ныне ж слаб, и тощ, и гадок,
Ошарашенный судьбою, —
Отчего? Живу с женою.
Это слово в полной силе:
Не женили — уморили,
Так всегда в женатой доле.

Братец, хочешь горькой доли,
Так женись по доброй воле.

Выжала жена все соки,
Каково мне — сам ты знаешь;

Так дела мои жестоки!
Хоть себя и укрощаешь, —
Прямо смерти пожелаешь:
В три погибели я скрючен,
Так устал я, так измучен, —
Хнычу, плачу поневоле.

Братец, хочешь горькой доли,
Так женись по доброй воле.

МУРАВЕЙ-ПУТЕШЕСТВЕННИК

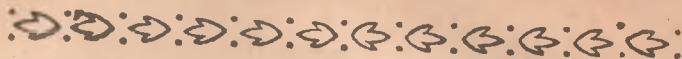
Полз муравей куда глаза глядели,
И вот набрел на череп лошадиный;
Не видя в нем щербинки ни единой,
Он думал: белый замок в самом деле.

А дальше — больше: как кристалл светлели
Палаты в нем по мерке муравьиной.
«На свете, — молвил, — этакой гостиной
И богачи бы, верно, захотели».

Но скоро он осмотром утомился
И приуныл, от голода тоскуя:
Искал еды и, не найдя, смутился.

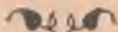
«Чем помирать, уж лучше побегу я
В знакомый лес, откуда притащился», —
Сказал — и в путь, ног под собой не чуя.

Так вот что вам скажу я:
Прекрасен дом, где нет забот о пище;
Голодному утешно ли жилище?

СЕРАФИНО АКВИЛАНО

(1466—1500)

СОНЕТ В ДИАЛОГЕ О ПРИРОДЕ ЛЮБВИ

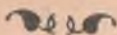
- Амур, когда родился ты? — С землею
Зеленою, расцветшей в красках милых.
— Кем создан? — Пылом, мощным не для хилых,
Что сладострастьем сжаты, как судьбою.
- Кто на меня подъял тебя войною?
— Надежды жар и холод страха в жилах.
— Где жил? — В сердцах нежнейших, но сразил их,
Поверг на землю под моей пятою.
- И кем ты вскормлен? — Юностью живою
И окруженной верными рабами:
Изяществом, тщеславьем, красотою.
- А чем ты жив? — Прекрасными глазами.
— Сильна ли смерть иль старость над тобою?
— Нет! В миге вновь рождаюсь — дни за днями.

АННИБАЛ КАРО

(1507—1566)

ЭПИТАФИЯ МАЗАЧЧО

Писал — и холст картин стал жизни равен.
Поставил, оживил и дал движенье,
И дал им страсть. Всем прочим в порученье
Был Бонаррото; я — с ним рядом славен.

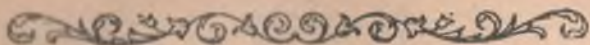
Был воздух тих на волновом просторе,
Вздыхал Фавон, Хлорида убегала,
Киприйская душа, смеясь, шуршала
В ветвях, любовью полня брег и море.

Росистая Аврора в звездном хоре
Огни гасила и живописала
Там облачка, здесь горы; как, бывало,
Лучистый в Дельфах, Феб вставал в просторе.

И отворяла тут заря другая
Родной чертог в сияньи чистом, скромном, —
Пред этим солнцем слепну, исчезая.

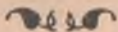
Взглянул назад, — мне показался темным —
Как даже ты, страна небес святая, —
Восток, что цвел за миг, в красе сияя.

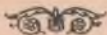
ГАСПАРА СТАМПА

(1523—1554)

МАДРИГАЛ

Я сердцем за тобою —
Любыми бы путями,
Но разлучил со мною
Его Амур твоими же очами.
С тобой вспорхнут мои лишь воздыханья,
Что мне остались верны
И дружбою примерны,
Да скорби восклицанья;
Коль спутники тебе не слышны эти,
Знай: нет меня на свете.

ЛОДОВИКО АРИОСТО

(1474—1533)

РОЛАНД НЕИСТОВЫЙ

(Начальные октавы)

1

Дам, рыцарей, оружие, влюбленность,
И подвиги, и доблесть я пою
Времен, когда, презревши отдаленность,
Стремили мавры за ладьей ладью
На Францию; вела их разъяренность
Владыки Аграманта, чтоб в бою
Смять Карла императора и рьяно
Отмстить ему за смерть отца — Трояна.

2

И о Роланде в песне расскажу я
Безвестное и прозе и стихам:
Как от любви безумствовал, бушуя,
Еще недавно равный мудрецам, —
Все это я исполню, торжествуя,
Коль бедный разум сохраню я сам,
Уже едва ль оставленный мне тою,
Что не Роландом завладела, — мною.

Потомок Геркулеса благородный,
 Краса и гордость века — Ипполит,
 Прими сей труд, не пышный, но свободный,
 Твой верный раб тебе его дарит.
 Моя да будет воля не бесплодной:
 Пусть долг великий песня возместит
 Не до конца; но я богат лишь ею —
 И все тебе несу, чем сам владею.

Среди достойнейших к тому герою
 Хвалебной песнью скоро воззову,
 Кого зовешь Руджьером, чтя душою
 В нем славных предков ветхого главу.
 Его дела бряцать я лиру строю;
 Склони же слух к благому торжеству,
 И дум твоих — как думы ни высоки —
 Да не смутят моих напевов строки.

ПОЭТЫ
ФРАНЦИИ

КЛЕМАН МАРО

(1495—1544)

ЭПИГРАММЫ

1

Об Анне, бросившей в меня снегом

Снежком, шутя, в меня метнула Анна;
Конечно, я считал, что снег — студен;
А он — огонь и обжигает странно, —
Вдруг понял я в тот миг, воспламенен.
Но коль огонь незримо поселен
В самом снегу, куда же мне укрыться,
Чтоб не пылать? Одной тебе взмолиться.
Погасишь ты тот пламень — не водой,
Не снегом и не льдом: коль загорится
В тебе пожар такой же, — стихнет мой.

2

Во вторник вам дизэн я проиграл.
Что ж, не беда; смеюсь тому — не боле:
Мой проигрыш меня увеселял:
Я вам хотел писать по доброй воле —
И лишь не знал, о чем; не хорошо ли
Тогда молчать? Зачем же не молчу?
Затем, что долг вам уплатить хочу.

Да только он не в прибыль вам, богатый,
Дай бог, чтоб все, кому долги плачу,
Утешились подобною расплатой.

3

О той, которая медлила

Люблю ли пламенно я вас, —
Краса блестит, всех затмевая;
Люблю ли холодно, — тотчас
Краса, как лед, исходит, тая.
Так быть жестокой не желая,
Скорее сжальтесь надо мной:
Моя ведь дружба, улетая,
Исчезнет с вашей красотой.

4

О себе

Не быть таким, как был давно,
В былые дни, когда-то, где-то:
Сбежали, быстрые, в окно
Моя весна-красна и лето.
Любовь-владычица! Тебе-то
Верней служил из всех богов.
Родиться б вновь, уйдя со света, —
О, так ли я служить готов!

5

Зачем хотите долго жить
Иль юным жизнь начать сначала,
Чтобы страдать или грешить?
Нет, в этом утешенья мало.
Кому, скажите мне, пристало,

Кто претерпел один щелчок,
Вдруг захотеть еще разок
То испытать, что миновало?

6

А н н е

Ко счастью вас или к несчастью встретил,—
Вот моего загадка бытия:
Ведь до сих пор никак и не ответил
Мой бедный ум, безвластный судия.
Ко счастью, — так верно знаю я:
Добро есть зло, когда оно мгновенно;
К несчастью, — но в этом честь моя, —
Терпеть его за то, что совершенно.

7

Морису Сэв, леонцу

Послушав, как пою порой,
Ворчишь, зачем не обучаюсь
Я музыке: ведь голос мой
Хорош, — и вот позанимаюсь,
Чуть-чуть, немного постараюсь,
До, ре, ми, фа — я запою.
Чего ж ты хочешь? Удивляюсь!
И без того немало пью.

8

Утрата младости твоей,
Верь, не великая утрата:
Твоя пора — сильнее, зрелей
И мудрым опытом богата.
Мгновенно вянет без возврата

Вся прелесть роз — шипов, цветов;
Но много далее расплата
Их зеленеющих листов.

9

Твое письмо мне сообщает,
Что дурень вирши прибирает,
Которыми меня язвит;
Верь, ни стихов тот не слагает,
Ни прозы тот не сочиняет,
Чей труд нечитанный лежит.

10

Кто здесь уснул? То нужно ль вопрошать?
Венера спит, чья власть — повелевать.
Не разбудить — богиня пощадит.
А разбудить — прекрасный взор открыт
Ее очей, чтоб ваши завязать.

11

О плохом поэте

Готов, дурак, своим союзом
Ты девяти потрафить музам;
Но, мастер тяжкий вздор нести,
Уморишь больше девяти.

СОНЕТ

Даме, когда она была в Италии

Мне столько благ твои уста излили,
О госпожа, что жду тебя, страдая;

А при тебе томлюсь я, наблюдая
Меж терниев нежнейшую из лилий.

Средь женственных душевных изобилий
Красуется сердечность родовая;
Жесток супруг, что, ей пренебрегая,
Исполнился надмений и насилий.

Так, вечный сам, десницею могучей
Тебя поддержит, о душа святая,
И посрамит врагов, глядящих бодро.

Спокойно верь: вот я слежу за тучей,
Вот по краям она редет, тая,
И весть несет, что наступает ведро.

РОНДО

1

Уж пятый год клеветущий Донос
И Смерть с одной из гибельнейших кос
Вдруг на меня обрушились грозюю;
Но над моей склоненной головою

Палач — один. Который? Вот вопрос.
С Доносом я — как он ни морщит нос —
Живу, здоров, без нужды и без слез, —
Там сколько он ни досаждай собою
Уж пятый год.

2

Друзьям

Нет ничего — того, что вам твердится,
А кто сказал — мог и ума лишиться:
Душой я чист — и что ни говори,
Не видел я острога изнутри.

Итак, друзья, прошу развеселиться.
Вы ж, болтуны, которым не сидится
От зависти и своего добиться
Так хочется, — с досады хоть умри,
Нет ничего.

Смеюсь, пою, душою рад излиться:
Пред дамою, счастливый, преклониться,
Я прозою пишу листа два-три;
Я выхожу; вновь дома до зари;
На весть одну прошу вас положиться:
Нет ничего.

СОВЕРШЕННОЕ РОНДО

Друзья, теперь на воле я гуляю,
А все же я темницу испытал.
Что за судьбу, живя, претерпеваю!
Но бог велик: я зло и благо знал.

Шептал завистник (чорт его бы взял) —
Моей тюрьмы я не увижу краю, —
Пусть он зубаст! Я узел разгрызал, —
Друзья, теперь на воле я гуляю.

Все ж, если двор я римский раздражаю,
К злодеям я причислен не бывал:
Хоть посещал прекрасных лиц, я знаю,
А все же я темницу испытал.

Ведь только той я милость потерял,
Чью доброту всечасно вспоминаю, —
Как тот же час в неволю и попал:
Что за судьбу, живя, претерпеваю!

В твоей тюрьме, Париж, изнемогаю;
То в Шартре я, беспомощен и мал;
А ныне вас, где захочу, встречаю.
Но бог велик: я зло и благо знал.

Добро, друзья! Тот хорошо сыграл,
Из чьей руки свободу обретаю.
И весел я — и строками похвал
Возврат весны и воли прославляю,
Друзья, теперь.

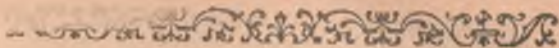
Песнь о мае и добродетели

Весенней майскою порой
Земля трепещет, оживая, —
И легкомысленной толпой,
Подобно ей, любовь меняя,
Стремится юность удалая,
Опять впервые влюблена;
Моя любовь — совсем иная,
Моя любовь — навек одна.

Красавица своей красой
Не век красуется, блистая;
Клеймят безжалостной рукой
Недуг, забота, старость злая;
Одна цветет, не увядая,
Что мною всем предпочтена;
Как в ней краса всегда живая,
Моя любовь — навек одна.

Кто ж прославляемая мной?
Знай — добродетель то святая,
То нимфа, что с высот звездой
Горит, влюбленных призывая:
«Ко мне, ко мне! — гласит благая. —
Кто любит, — тех я жду, юна.
Ко мне! — взывает, не смолкая: —
Моя любовь — навек одна».

Властитель! Даст усладу рая
Тебе, бессмертная, она, —
И скажешь, душу раскрывая:
«Моя любовь — навек одна».

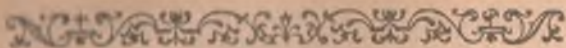
МЕЛЛЕН де СЕН-ЖЕЛЕ

(1491—1568)

Где гроб стоял с покойницей лежащей,
Любовь и смерть пришли к моим очам.
Любовь рекла: «Смерть будет долей вящей
Тебе: умрешь — и счастлив будешь там».
И смерть тогда, царица тем местам,
Против меня свой лук приподняла;
Но, быстрая, вонзилася стрела
Там, где любовь свою вонзила ране;
И, не войдя, лишь больше нагнела
Стрелу любви в глубокой старой ране.

МОРИС СЭВ

(?—1564)

ДИЗЭНЫ

1

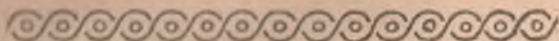
Венера отдыхала раз в саду,
С ней сын Амур — ее благоволенье.
Передо мной он весь был на виду:
Его с моим так сходно выраженье;
Рост не велик и хрупкое сложенье,
Я не высок; был бледен он, я бел.
Так схожи мы! Что ж мне — иной удел?
Что ж не второй я дружбы нежной бог?
Увы! Со мной ни лука нет, ни стрел,
•Чтоб милую мою я тронуть мог.

2

Художник нам вдруг снега белизною
Сверкнет такой, как видная сейчас;
Но не пахнет морозною струею —
Да чтоб ее еще увидел глаз.
Я б самого себя забыл как раз
И на слове постыдно бы попался,

Когда б тебе я объяснить пытался,
Как может пленная душа страдать
Того, кто, как чуме, любви достался, —
А так блажен, что и не рассказать.

ЛУИЗА ЛАБЕ

(1520—1566)

СОНЕТ

Пока в глазах есть слезы, изливаться
И час с тобой, ушедший, изживать,
А голос мой силен одолевать
Рыданья, стон, хоть еле раздаваться;

Пока рукой я в силах струн касаться,
Все, чем ты мил, хоть скромно воспевать,
Пока душа тебя лишь познавать
Единственно желала б научиться, —

На миг еще не склонна умереть.
Но чуть пойму, что взор мой стал слабеть,
Что голос глух, а бег перстов как сонный;

Что разум мой теснит земная сень
И в нем нет сил явить восторг влюбленной,
Смерть умолю затмить мой белый день.

ПЬЕР де РОНСАР

(1524—1575)

СОНЕТЫ

1

«До времени седины расцветут,
В немного дней очам твоим затмиться,
До вечера твой краткий день склонится,
И без надежд мечты твои умрут.

«Мне чуждые, твои листы сгниют,
С твоей судьбой моя судьба свершится,
Певцам в ущерб мне суждено родиться,
Твой тяжкий вздох потомки осмеют.

«Ты баснею предстанешь пред толпою,
Дом на песке построится тобою,
Живописать напрасно в небесах».

Так Нимфа мне, безумцу, говорила,
И те слова вдруг небо подтвердило
Сверкнувшей справа молнией в громах.

Ты небом создана — и образец разбило
 Всех благ оно; свой труд художник так чернит—
 И, в жажде воссоздать красы бесспорной вид,
 Живописать тебя влечет живая сила.

Ты форму высшую сюда с небес явила,
 И чудо новое в сем мире предстоит;
 Палитра и резец, перо и мысль — молчит
 Все пред тобой, ты все бессмертьем победила.

В одном ты не блага: покров прозрачный твой
 Не всем здесь на земле внушил восторг живой:
 Столь в совершенстве ты была непостижимой,

Что мир не смел встречать лучи твоих очес;
 Лишь я в них обожал сокровище небес,
 Тебя живою зрел, других — как облик мнимый.

Все, все, что свято нам, в чем добродетель, честь,
 Природы для людей возможные деянья,
 Едва доступные искусству воссозданья, —
 В моей владычице все от рожденья есть.

Благое, должное, что в силах перечесть
 Наука эллинов, то, что стремится желанья
 К прямой любви добра и прочь от злодеянья, —
 Все это суждено ей как одежды несть.

И чистота, собой красоты низлагая
 (Как жемчуг — золото), в ее весне цветет;
 И доблесть женская, жуть пред бесчестьем злая,

И взор, что радости богам и людям шлет.
 Узрев ее такой, ликую, восклицая:
 Блажен, кто ей пленен и в век ее живет!

Уж вы состарились, а я — я стар давно.
 Будь старость — наш союз, связующий все туже,
 И зиму превратим, дрожащую от стужи,
 В нежнейшую весну, покуда сил дано.

Не стар, коли в душе стареть не суждено:
 Не хочешь — не старик; и чары почему же
 Старушку не пленят, как внове? Будь не хуже
 Змеи: в ней, что ни год, — и все обновлено.

Хоть смойте мне седины бесстыдные вкрапления,
 Вы не обманете природы повеленья;
 Пред зеркалом морщин не скрывать, как ни жалей;

Увядшей, виснувшей вы груди не скруглите;
 Вот время с ваших черт срывает маску; ждите
 Не черным вороном, а лебедя белей.

О ДЫ

1

К Гастинскому лесу

Пою зеленый твой навес,
 Гастин, пою тебя я,
 Как Эриманский греки лес
 Почтили воспевая.
 Любя, хочу я, чтобы знал
 И человек грядущий,
 Как ты блаженно осенял
 Меня зеленой кущей,
 Ты, знавший, сколько говорит
 Твой кров моим порывам;

Ты, побуждавший аонид
Меня пленять отзывом;
Ты, с кем я больше не тягчим
Лихих забот веригой,
Блуждая по тропам твоим
В беседе с милой книгой.
Толпой влюбленные пестрят
Пускай твои поляны,
Где ужас трепетных наяд —
Сатиры и сильваны.
И муз прекрасная семья
Сюда переселится,
И святотатственность огня
Тебя да убоится.

2

К ручью Беллери

Внемли, ручей, волной живою
Меня поивший столько раз,
Когда, склонившись головою,
Я отдыхал в прохладный час,

Когда с обильной жатвой лето
На грудь Цереры припадет,
Когда под рожью ток согретый
Цепов музыка сотрясет.

Так да пребудешь верным другом
Тобой поимых навсегда
И да питаешь злачным лугом
На берегах твоих стада.

Так вечно пусть луна глядится
В полночный час в пучину вод
И видит, как над ней кружится
Наяд блестящий хоровод.

А я, ручей, мечтаю сладко
Не пить твоих прохладных вод,
Когда средь лета лихорадка
Мне смерть досадную ведет.

3

Хромой Венерин муж — один
Нагих циклопов господин —
Вот, искры в кузне разжигая,
Железа груды разогрел,
Чтоб наковать острейших стрел,
Амура ими убажая.

Венера их макает в мед,
Амур их желчью обдает,
А Марс, придя с крутой разделки,
Тряся копьём в избытке сил,
Презрительно провозгласил:
«Ну, это-то покрепче стрелки!»

В ответ Амур: «Да, смейся, друг,
Придет пора — получишь вдруг
Укол язвительный — не скроешь,
Чуть стрелы в сердце попадут;
Вояка ты — напрасный труд:
На лоне матери изноешь».

4

Мой друг, вели, чтоб жить уютней,
Вино во льду заходить;
Да пригласи-ка Жанну с лютней
Нам песенку проговорить,
И поплясать, и покутить.
Зови и Барб; у ней приманки:

Умеет косы распустить
Она с безумством итальянки.

Глядь, кончит ночь беседу нашу,
А завтра жить ли? Рок суров.
Паж, опрокинь скорей мне в чашу
Тот кубок, полный до краев.
Презрен, кто хнычет. Докторов,
Седых вралей, не одобряю:
Мой ум тогда-то и здоров,
Как я вином его взбодряю.

5

Пока прекрасный месяц длится,
Дитя, пойдем на луг резвиться,
Минута каждая ценна;
Жизнь, ускользя с легкой прытью,
Пестря нам кудри белой нитью,
Грозит исчезнуть, как весна.

Так поспешим, пока, взывая,
Манит любви пора живая,
Любить, собирать желаний плод;
Любовь пусть в каждой жилке бьется,
Нетерпелива смерть: ворвется —
Услады наши унесет.

6

Просьба к Сомме.

Сомма, ток отдохновенья,
Если маками забвенья,
Омовленными в волне,
Окропишь ты взоры мне

Так, что милым этим даром
Ты конец положишь чарам
Слишком долго надо мной
Медлящей поры ночной, —

!Освящу тебе картину,
Где схватить я не премину
С тем, что живо здесь кругом,
Все, что в облике твоём
Ночью видится и снится, —
Изменений вереница,
Услаждающая дух
Иль пугающая вдруг.

Братом смерти называет
Сон Гомер и обижает
Утешителя людей,
Чарователя ночей:
Сон, природою любимый, —
Словно сын ее родимый.
Не томим в душе моей
Я тревогою царей.

Часто позднюю Аврору
Встречу в утреннюю пору
На постели за трудом,
С вечера не тронут сном.
Дай же, Сомма, я омою
Взор целительной волною:
Я в картине воспарю,
Чистым даром отдарю.

Кто умер нынче в свой черед,
Мертвец такой же, как и тот,
Кто в день потопа взят волною.

Предстать придется и ему,
Равно как первому тому,
Перед великим судиею.

В тот миг, как умер, человек
Уснет надолго иль навек;
Зарыт глубоко, он не дышит,
Лежит глухой, немой, слепой;
Отрады ждать ему какой,
Когда не видит и не слышит?

Душа, не знающая зла,
За то, что в теле побыла,
К небесной родине взлетает,
А тело, пища злых червей,
Обглоданное до костей,
Могильной тенью пребывает.

В нем разума и духа нет,
Распался без связей скелет,
Нет нежных вен; где пульса сила?
Кудрям держаться не дано...
Пусть! Им забыто, что оно
Кассандру некогда любило!

Мертвец не хочет ничего;
Так вот, живой, я торжество
Своих желаний возглашаю:
Да буду век здоров и бодр;
Когда ж костями паду на одр,
Я богу прочее вручаю.

Почил Гомер, Анакреон,
Как Пиндар, Гесиод, Бион,
И не мешают их покою
Хвалы или хулы слова;
И я столетья через два
Бесчувствен буду под землею.

Но я скажу: к чему желать?
Чтоб только муки испытать!
Само желанье — род терзаний;

Кто возжелал — несчастен тот,
Блажен, кто смерть свою найдет,
Счастливец тот, в ком нет желаний.

8

С сыном раз ко мне вошла
Вдруг Венера — и рекла
Прямо о своем кумире:
«Слушай, милый мой Ронсар,
Передай младенцу дар —
Сладостно играть на лире».

Я, не медля взяв его,
Начал свой урок с того,
Как Меркурий вдохновенно
Лиру первый смастерил
И впервые огласил
Звуками скалу Силена.

Как Минерва создала
Дудочку — и погребла,
Грустная, в волне унылой;
Как свирелку срезал Пан
В тростнике, где стройный стан
Скрыт его единой милой.

Так-то все, чем сам богат,
Был ребенку дать я рад
И в искусстве, и в науке;
Но мальчишка баловной
Лишь смеялся надо мной,
Презирая песен звуки.

«Глуп ты, бедный, — он сказал, —
Хоть учен, да не удал!
В голове своей тяжелой

Ты со мной равняться мнил.
Не велик, да победил
Я тебя с твоею школой».

Тут, улыбкой нежной льстя,
Мне поведал он, дитя,
Материнских дел величье;
Рассказал, как сам отца
Научил он без конца
Для любви менять обличье.

Я в речах его узрел
Чары, игры, силу стрел,
Ранящих воображенье
Вровень смертных и богов,
Муки сладостных оков,
Как и ревности мученье.

Тайны он свои раскрыл —
И мгновенно я забыл
Лиру с жалкими струнами,
Чтоб запомнить, сколько мог,
Песнь иную, что сей бог
Мне внушил — к устам устами.

9

Раз должен скоро почивать
Я за айдесскою рекою,
Что ж, как Гомеру, мне слагать
Стихи несчетной чередою?

Спасти дано моим стихам
Лишь тень и прах. Размыслив строго,
Не буду чувствовать я там,
Легка земля иль весит много.

Допустим, — может быть, мой труд
Себе заслужит воздаянье:
Сто лет иль года два рекут
Хвалу в мое воспоминанье

(Ее не трудно и пресечь:
Смести с земли странички тома —
Довольно искорку разжечь
Иль вихрь военного разгрома)

Я лучше ль, чем Анакреон
Со Стесихором, с Симонидом,
Чем Антимах или Бион
С Филетом или Бакхилидом?

Хоть были греками они
И дивным языком владели,
Столетия пронеслись, как дни,
И их творения истлели.

Рожден французскою землей,
Слагаю варварские были;
Могу ль мечтать, чтоб голос мой
Века скупые пощадили?

Нет, лучше, Рюбампре, растрать
Года, оплаченные златом;
Нет, лучше свой язык продать
Мне перед пурпурным сенатом,

Чем бедной Каллиопе вслед
Брести медлительною свитой,
Где мрет от голода поэт,
Из хора самый знаменитый.

К возлюбленной

Цвети, краса, но в самообольщеньи
 Венераиных даров,
 Как на лице узришь морщин сплетенье
 И седину висков,
 Года, себя кляня и отвергая,
 С упреком скажешь ты:
 «Я думала ль, что буду вот такая,
 В бездумьи красоты?
 Или зачем с своим желаньем схожей
 Остаться не могла?
 Так вешний цвет и розе дан пригожей,
 Но миг — и умерла».
 Вот те стихи трагического плача,
 Что небу ты пошлешь,
 Лишь грянет рок, твой лик переинача,
 И ты себя поймешь.
 Весь жар любви к тебе моей ты знаешь.
 Упорный и смешной,
 Но ты бежишь, но все ты отвергаешь
 Союз любви двойной.
 В черте бровей, о Кипра и Пафоса —
 Богиня, мне принесть
 Спеши до дней осеннего покоса
 За все обиды — месть.
 Всех кобылиц сердца воспламененью
 Твой факел обречет;
 Зажги ж ее, чтоб я ее горенью
 Смеялся в свой черед.

К Купидону

День погоняет ночь —
 Скорее тьмиться,
 Ночь — день, пусть и невмочь
 Ему светиться.

За летом — осень вслед,
Но после бури
Разгула ветрам нет
Для ярой дури.
А я томим такой
Горячкой страсти,
К какой нейдет покой
Сменить напасти.
Ах, не меня б ты, бог,
Пронзил стрелою!
Ее направить мог
Ты стороною.
Ленивцев мучай всех,
Что время губят,
А не меня, не тех,
Что музу любят.
Освободи, молю,
От беспощадной,
При муках, что терплю,
К веселью жадной;
И свет опять пролей
В мой мрак ужасный,
Чреду постылых дней
Вновь сделай ясной.
В любви опору дай
Для мысли строгой
И в гавань направляй
Мой челн убогой.
Вопя, порой мятусь, —
Приманит снова;
Моля, за ней стремлюсь, —
Вдвойне сурова.
Ни бледный цвет ланит,
След испытанья,
Вражды не умягчит
До состраданья.
И ни кифары стон
У двери спящей,
Ни на земле мой сон,
В ночи дрожащий.
Не яростней напор

Воды бурливой,
Чем вихрь и взрыв укор
У ней, строптивой.
Одета красотой
Как будто в латы,
За гнев пережитой
Не ждет расплаты.
Победу, бог, яви
В науку хладным:
Ей сердце уязви
Огнем нещадным —
Таким, какой взмела
Сестра Харита
И страстью вдруг зажгла
Царицу Крита.

Я не люблю стихов, что льнут к земле сами,
Ни тех, напыщенных, что грубыми громами
Превыше звезд парят: ведь от одних тошнит
Чтеца несчастного, других же страшен вид:
Ни низок, ни высок — вот всех владыка штилей;
Таким певал Гомер, таким писал Вергилий,

ОДЫ К СОВРЕМЕННОКАМ

1

Иоакиму Дю Белле

Послушай, Дю Белле: внушил ли музам страх
Венеры сын, любовь зажег ли в их сердцах, —
Они ему вослед идут, не отставая:
Кто только пожелал любви не презирать,
Они его сейчас готовы поучать,
Медовые уста всей негой наполняя.

Но горе смельчаку, презревшему любовь.
Покинут в тот же миг, и не вернутся вновь
Те девы строгие, вернув ему презренье.
Кружится без него их легкий хоровод;
Где их ручей журчит, от животворных вод
Устам не любящим не ведать утоленья.

Гому свидетель я; хочу ли воспевать
Мужей или богов — и не могу начать:
Язык прилип во рту, и пересохло гортло;
Хочу ли о любви писать иль говорить, —
Язык развязан мой, и я готов парить,
И песня вольная уж крылья распростерла.

2

К Реми Белло

Да, Талии сменив приманки
На италийские останки,
Белло, и их ты не ценишь:
Отдав де Гизу меч могучий,
Воображеньем в прахе зришь
Стен неаполитанских кручи.

Водам я ждал бы предпочтенья,
К ключам целебным восхожденья;
А ты меняешь на доспех,
На пики да на аркебузы
Красу стихов обильных тех,
Что другу нашептали музы.

Шарлю Писселе,
епископу Кондомскому

Как объяснить? Любезны измененья
Нам отродясь во всем кругу людском,
И не видать без собственного мненья
Ни одного в сем мире, где живем.

Один, далек военной грозной доли,
Среди полей желает жизнь скончать,
Рачительно возделывая поле,
Чтоб в нем дары Цереры засеять;

Другой как раз влеком к доспехам бранным,
Не в силах дня на месте провести,
Грудь не предав тревогам, столь желанным.
Хоть бы домой совсем не знать пути;

Кто, запродав всю роскошь красноречья,
Красуется, блистая пред судьей;
Кого стремится лишь скупость человечья
Из Индии на запад в путь морской.

Один лишь раб любви непостоянства,
Другой же тверд всем духом и умом,
Служа живым, чтоб в подвиге гражданства
Стяжать венец навек своим трудом, —

Тот при дворе ползет стезей фавора,
Чтобы вот-вот достичь небес челом;
Тот — лучше прочь: он помер бы с позора,
Когда б король к нему явился в дом.

Сей странником под сенью отдыхает
Иль крепким сном труд умягчает свой.
Иль, пробудясь, дней летних сокращает
Томительность за чашей налитой:

Иной к дверям советника в тревоге
Бежит с зарей и долго ждет, топчась,
С мешком в руке — чуть стал тот на пороге,
Приветствовать, низенько поклонясь;

Вот чей-то ум вопросы о законе
И мудрости природы здесь жует,
А там иной по черточкам ладони
Грозящих бед приход предузнает.

Тот, распалив напрасно горн, внедрится
В нутро камней безвестных — и в ответ
Хоть вызванный Меркурий не скупится,
Глядь, месяц-два — су за душою нет.

Сей в бронзе ли, иль в мраморе мечтает
Силком трудам природы подражать,
И бег светил астролог дерзкий чаёт
Насильственно искусно обуздать.

Но эти все неверных дней заботы
Мне не с руки; бегу от дел таких
Всю жизнь мою, и нет во мне охоты
Взор опустить, чтоб видеть только их.

Зеленый лавр своим благоволеньем
Мне дал презреть толпы отвратный зов;
Вот почему Евтерпы посвященьем
И смертный я — в содружестве богов.

Прекрасной я любим в лесах веселий;
Обняв меня, она — хочу ль запеть —
Вручает мне весь ряд своих свирелей,
Уча меня, как ими в лад звенеть.

Она меня своих ручьев водою
Из рук своих в священство облекла,
В высокий мир Афин ввела с собою
И в древний Рим на мудрые дела.

Роберу де Ла-Э

Кто за спиною сев костей —
 Костей праматери людей —
 В песок пустынь бросал покорно,
 Возобновляя род людской,
 Тот сеял твердою рукой
 Не твердокаменные зерна:

Алмазы, упавая в ряд,
 Меняли жесткий свой наряд,
 Рождая редкостное племя, —
 И драгоценнейший народ
 Воспоминание несет
 О пращурах и в наше время.

Твой светлый луч, блистая здесь,
 Гласит: алмаз бесценный весь
 В тебе, играя, засветился
 И жизнь свою тебе дает:
 Ты — не из тех камней, как тот
 Хомяк, что здесь порасселился.

Тяжеловоз, тяжелодум,
 К земле пригнулся он, угрюм,
 К прекрасному не воспаряет;
 Твой дух иной: его полет
 Стезей возвышенной плывет,
 Везде, где красота ширяет.

Порою шумный твой чертог
 Всей подневольностью тревог
 Тебе несносней злой обузы
 И, с вольной птицей наравне,
 Ты, помня лишь о светлом дне,
 Работашь работу Музы.

Что в мире этого милей?
 Какой услады ни лелей,

Поэзия — все несравненной.
И мед не сладок перед ней,
Она и нектара нежней
И амброзийных услаждений.

Не столь амурам слезный ток,
И мушке свежий мил цветок,
Или венки побед герою,
Как муз ученых тесный круг
Тебе, Ла-Э, — или подруг,
Пленяющих любви игрою.

И лучше всех умеешь сам
В леске их вторить голосам,
Иль между мощными скалами
Их поступь легкую следить,
Или усладу их делить,
Плещась кристальными волнами.

Никто, как ты, в тиши ночной
Под яркой, полною луной
Не пляшет с ними, пламенея,
Где мерность чует красота
В волшебном мании перста
И строф анжуйского Алкея.

И вот уж ты, в венке ветвей
Древесных, что весны живеи,
И, прихоть мня себе законом,
То впереди, то строй замкнешь
И между дев как бог идешь,
Возвеселенный лирным звоном.

А иногда, отяготев
Заботой этих милых дев,
Ты пожелаешь вдруг обмена
Стихов латинских золотых
На мой, едва и медный стих,
Ему ж хвала твоя бесценна.

Так, хоть хвалил наш век и свет
Тот первый стих, что мною спет,

Не смог я в смелости сугубой
Тебе ответить, испытав
Ту лиру, чей певучий нрав
Тебя бы тешил песней грубой.

Но вот добряк двуликий тот,
Что вновь приходит каждый год,
В непостоянстве неизменный,
Вновь песню повелел сложить,
Чтоб в новолетие почтить
Взаимной дружбы лад бесценный.

Владей сокровищ я ларцом,
Что предприимчивым купцом
Срываются с грудей Авроры, —
Тебе б вручил, как волн пески,
Что ткут, богаты и легки,
В подножьи Фригии узоры.

Иль был бы тонкий я творец
И мог, взяв кисть или резец,
Холст оживить и медь восставить,
Тебе б искусство дар несло,
Но вряд ли бы в веках смогло
Тебя бессмертием прославить.

Прими уж лучше дар стихов .
С высокой благостью богов:
Им смертных приношенья ценны
И в неприглядности своей —
И к украшенью алтарей
Послужат, как бы совершенны.

ПОНТЮС де ТИАР

(1521—1605)

Божественный Ронсар, легко, счастливый,
Пером стихи любовные лелей,
Венок живых кипридиных ветвей
Чело объемлет лаской бережливой.

Белле, мой милый, слог твой говорливый
Ценителям завязтым всех милей;
Украсься же в желанных снах полей
Излюбленную мирною оливой.

Венчай чело, венчай, мой Дезотель, —
Сто почестей уместны не тебе ль,
Что воспоят тебя всемирной славой?

Но я ли позавидую тебе?
Нет, предаюсь блаженнейшей судьбе,
Красе звезды моей златокудрявой.

ПЕСНЬ

Что мне в том, что знаю частью
Я любовь с ей данной властью
Да и муку от нее,
Коль в борьбе с ее напастью
Слабо рвение мое?

Что мне в том, коль не мечтой
Я слуга пред красотой,
Что со мной не хочет знаться:
Я ж волен душой простой
Безраздельно ей отдаться?

Что мне в том, коль схватит вдруг
Сладкий ледяной недуг
Иступленного желанья,
Коль, родясь, он мертв от мук
Безнадежного страданья?

Что мне в том, что в кратком сне
Радость просияла мне
Твоего благоволенья,
Ежели при светлом дне
Обманули сновиденья?

Что мне в том, что слезы лью,
Заливая скорбь мою
И топя души терзанья,
Если жар в себе таю
Несравнимого сгоранья?

Что мне в том, что изнемог,
Взвевя в вопле, одинок,
Жгучий жар, что душу душит,
Коль желанный ветерок
Слез несчетных не иссушит?

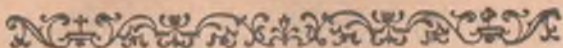
Что мне в том, что излечить
Страсть мою иль облегчить
У меня не стало силы,

Раз, как Иксион, влачить
Боль я должен до могилы?

Что и смерть мне принесет, —
Или помощь от тягот
И от бед освобожденье, —
Если та, что смерть мне шлет,
Вдруг приносит обновленье?

Но зачем же так мне пелось,
Множить жалобы хотелось, —
Сердцем ведь упрям я сам, —
Коль моих несчастий целость
Вся угодна небесам?

ИОАКИМ ДЮ БЕЛЛЕ

(1525—1560)

И Д Е Я

Короче дня вся наша жизнь земная
Пред вечностью. Круг совершая, год
Дни наши прочь без жалости метет;
Живущее — лишь гость земного края.

Что ж медлишь ты, душа, в плену страдая?
Что любишь ты юдольной жизни ход?
Ведь ты сильна, на радостный полет
В иной предел крыло распростирая.

Ко благу там увенчано стремленье;
За труд земной там ждет отдохновенье;
Там ждет любовь, усладу нам даруя;

Там, о душа, под высшим небом рея.
Познаешь ты: вот какова идея
Той красоты, что здесь боготворю я.

РИМСКИЕ ДРЕВНОСТИ

1

Ты, что дивишься Риму, созерцая
Гордыни древней вызов небесам,
К чертогам дряхлым, к дерзостным холмам
Иди; стен, арок, терм и храмов зная

Всю мощь, суди: ведь цельность в них какая!
Их не разъесть кощунственным векам:
Искуснейших строителей рукам
Осколки — школа до сих пор живая.

Потом взгляни, как Рим, день ото дня
Родную почву роя и храня,
Строений новых блеском не умален:

Знай, — римский демон, искони живой,
Еще силен десницей роковой
Вновь к жизни вызвать прах своих развалин.

2

Кто видывал не раз огромный дуб сухой,
Еще украшенный трофеями былого,
Поднявший седины чела, уж неживого,
А в землю не внедрясь бессильною стопой,

Но, полувозлежа на глади луговой,
С руками голыми, с корнями без покрова,
Лишен листвы густой, обрушивший сурово
На узловатый ствол весь груз недвижимый свой,

И, — с первым ветром пусть грозитя
разрушенье, —

Но крепко на корню чад юных поколенье,
И верная толпа долг старцу воздает:

Кто видел дуб такой, задумайся об этом;
Сейчас меж городов, цветущих пышным цветом,
Ведь праху древнему — почетнейший почет.

СОЖАЛЕНИЯ

1

Счастлив, кто, как Улисс, путеводим судьбою,
Иль тот, кто за руном скитался золотым,
Проводит, воротясь к любимым и родным,
Век ровный, умудрен, спокойной чередою.

Когда увижу я — бог весть, какой порою —
В селеньи милом вновь трубы знакомой дым,
Увижу тесный сад пред домиком моим -
Владенье кровное, где душу успокою.

Милей бы хижина отцов моих была
Мне римских всех палат с их гордостью чела;
И крепких мраморов — на кровле шифер
скромный;

И Тибра — галльская Луара мне милей;
И палатинских круч — мой маленький Лирей;
И влажности морской — анжуйский воздух
томный.

2

Добро пожаловать, о Тишина благая!
Тебя ль христианин устанет восхвалять?
Ведь лишь тебе одной дано зачаровать
Годину тягостей, что помним мы, вздыхая.

Пять лет тебе дано, — пусть лопнет зависть
злая:
Коль благостью небес дано тебе рождать,
Что от тебя мы ждем, — ты мира благодать,
Гордись, приносишь нам, а с ним покой без края.

Но в общем отдыхе, коль баловень судеб
Удачу ухватив, расчетливый, окреп,
Виня невинного и обделив землю, —

И если плод войны, что весь народ в нужде,
А жадный крючокотвор — желанный гость везде, —
Уйди же, Тишина, и заменись войною.

Друг, научу тебя (хоть на свою ты стать,
И без советчиков — с хорошей головою),
Как не навлечь обид вовек живой строфою,
Чего в стихах своих ты должен избегать.

О боге ль, короле ль что вздумаешь сказать,
Благоразумному и сдержанному строю
Речистость лишь во вред, коль бог воспет порою,
А принцам, королям и даль — рукой подать.

Не связывайся с тем, кто в исступленьи яром
И черточке пера грозит клинка ударом,
Прижми, как говорят, ты палец над губой.

Кого словца твои как в лоск кладут от смеха,
В обиде будет тот — обидчик, враг успеха, —
И первым станет он смеяться над тобой,

Гордится в Греции поэзия поныне:
 Гомеру Александр не пожалел похвал;
 Стихи Вергилия, что Цезарь возглашал,
 Петь и перепевать устали ль по-латыни?

Нет Франции такой ученой благостыни:
 Ведь не жил здесь Гомер, Вергилий не бывал;
 Но вот победный лавр чело ей увенчал —
 И жить дано в веках ей при таком почине.

Стихами ж вознесли ее к золотой мете
 Вы сами, госпожа; здесь и творенья те,
 Что вы от матери в наследье получили.

Так ты, поэзия, достойна королей,
 Гордясь наваррскою гармонией своей,
 Какой не превзойдут Гомер или Вергилий.

В аду своих телес был дух закован мой,
 Сей ад — от родины года отъединенья:
 Четвертый миновал, оставив сожаленья
 О старых злых делах, мне кинутых судьбой.

Теперь, хвала богам, той адской тяготой
 Отпущен я: вот вы, — с восторгом лицезренья
 Дух внял в себе как вновь святую суть творенья,
 И упадает с плеч греховный груз былой.

Теперь, о госпожа, средь благ, излитых вами,
 Как элизийскими душа парит полями
 И не ушла б вовек, и не глядит назад.

Так не поите же меня водой забвенья,
 А то вдруг новые разыграют дерзновенья
 И повлекут опять в тот мой адесный ад.

Везде тщеславие да зависть, скупость, — с ними
 Злопамятство во всех, надменность, мрак страстей;
 В железный век порок все разъедает злей,
 И честь он осквернил с уставами былыми.

Везде ж и всем обман коварными и злыми,
 Бесправье общее, трясина дел, судей, —
 И посреди такой разнузданности всей
 Вот царственный цветок. Что общего меж ними?

И мнится мне, Дорá, что в небе, вновь взлетая,
 Здесь древних доблестей парит над нами стая,
 И век свой золотой дано им обновить, —

Чтоб целый мир вернуть к его поре весенней
 Сей Маргаритою. Честь наших поколений,
 С надеждой схожая, она должна пребыть.

Ваш суд, придворные, честит поэтов, нас,
 Безумцами — и прав; но мне простите слово:
 И вам, вот как вы есть, от званья такого
 Не чуждо кое-что приятное как раз.

Но то, что, судари, одолевает вас,
 То полоумие — свое, хоть и не ново.
 Безумны мы в стихах, вы в прозе, а другого
 Ни в чем различия и нет меж вас и нас.

Конечно, при дворе вы более в почете,
 Но в памяти людской недолго проживете.
 Вам более честей, нам — менее забот.

И как над нами вы, смеемся мы над вами:
 Сквозь уши пролетит, что сказано словами,
 А что написано, то зря не пропадет.

Кто б возразил, Жильбер, и пренебрег молвой
 Всеобщей, что на трон заместника петрова,
 Где вправду рая зрим подобие земного,
 Взлез, как и в небесах, Юпитер грозный свой?

Один у эллинов Олимп венчал главой
 И нас огнем слепит со свода грозового;
 Другой взял Ватикан — и громом мечет слово,
 Чуть кто из королей не мил, — едва живой.

Юпитер в небесах обслужен Ганимедом,
 За нашим на земле — таких полсотни следом;
 Хмелен тот с нектара, а сей — с вина хмелен.

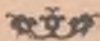
Над тем и над другим орел парит на страже.
 Но тот тиранов — в прах, а сей — лелеет даже:
 Так от бессмертного наш смертный отличен.

РЕМИ БЕЛЛО

(1528—1577)

АПРЕЛЬ

Ты, Апрель, живишь леса,
Дней краса;
Месяц ласковой надежды,
Ты плоды свои растишь
И таишь
Их под зеленую одежды.

Ты, Апрель, лужаек честь —
И не счесть,
Как различны переливы,
Как меняет красота
Все цвета,
Как они безмерно живы.

Ты, Апрель, на юный мир
Шлешь зефир,
Чтобы в сладостную пору
По лесам он пробегал
И вздыхал,
Радуя и теща Флору.

Ты, Апрель, резвей игры,
Взяв дары

У природы благосклонной,
Ароматы вокруг точишь
И поишь
Ими воздух благовонный.

Ты, Апрель, Киприды смех,
Полн утех, —
Дух ее, ее дыханье;
Ты стремишь до облаков
Для богов —
От земли благоуханье.

Возвращаешь полных сил,
Добр и мил,
Птиц веселых перелетных,
Милых ласточек манишь,
Нам даришь
Вешних вестниц беззаботных.

Вот шиповник средь долин,
Скромный тмин
С розой, лилией, гвоздикой
Пышно стелят свой наряд
И горят
Юной радостью великой.

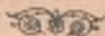
Милый сердцу чародей —
Соловей,
Притаюсь в тени древесной,
До утра на сто ладов
Петь готов,
Трепеща мечтой чудесной.

И влюбленный слышать рад
Твой возврат,
И вздыхает, и томится,
И свободен вздох живой,
Что зимой
Глубоко в груди таится.

Видишь ты среди полей —
Пчел, шмелей
Золотящаяся стая,
Что порхает здесь и там
По цветам,
Сок душистый собирая.

Май придет, неся плоды
Нам в сады,
Изобильный и росистый;
Всюду сладость разольет —
Желтый мед,
Как смола густой и чистый.

Но Апрелью я пою
Песнь мою;
Он цветет, названьем вторя
Имени богини той,
Что весной
Родилась из пены моря.

ЭТЬЕН ЖОДЕЛЬ

(1532—1573)

Я мню: всех нас, душой ярму поработанных
Мятежной красоты, и дикой, и блестящей,
Терзает век любовь несчетных погребенных.

Я мню: ведь это боль тоски непреходящей,
Что служит госпоже, во всем непостоянной:
Нет сил ее связать, порвать с ней в злобе вящей.

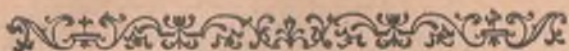
Я мню тогда любовь безумьем обуянной:
Покорной красотой ревниво обладая,
Стремит себя ко дну у пристани желанной.

Я мню: в двух душах страсть; горя, та и другая
Сквозь боль скользящий миг схватить хотят
напрасно:
Вот-вот настигнутый, срывается у края.

Я мню: вот боль души, живущей бурно, страстно;
Отторгнутой силком от половины милой,
Томясь, рыдать, мечтать и ждать сверх сил —
ужасно!

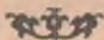
Но мню: всего больней, любя с взаимной силой,
Обоим не найти, лишь друг о друге мысля,
Сил на прямой запрет в душе больной и хилой.

АНТУАН де БАИФ

(1552—1592)

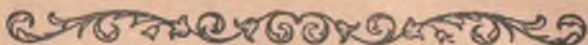

РОЗЫ

Природа, как нам не вздыхать?
Краса цветов почти мгновенна!
Едва взглянуть успеем, — хвать, —
Твой дар похищен неизменно.
Покуда длится день, живут
И розы — век свой. Что ж осталось?
Едва лишь юность показалась,
А старость ждет уж, тут как тут.
И та, чье утренней звездой
Приветно встречено рожденье,
Звезде вечерней, прежней, той,
Свое откроет постаренье.
Одно лишь благо сохранят
Цветы, погибшие так рано:
Вновь расцветут благоуханно,
Жизнь обновленную продлят.
Сорви, девица, розу ты,
Пока она юна в цветеньи,
И помни: ждет ведь постаренье,
Увянут и твои черты.

ПОЭТЫ КОНЦА XVI ВЕКА

РОБЕР ГАРНЬЕ

(1534—1590)

ЕВРЕЙКИ

Хор

Ваши радости прошли,
Дщери бедные Сиона:
Возмущенье всей земли
Стерло их с земного лона.

Не блистать одеждой вам
Златотканной и шелковой;
И рубинам, жемчугам
Не сиять на вас обновой.

Не отметят красотой
Лона бледные лилеи
Веской цепи золотой,
Ниспадавшей с нежной шеи.

Вашим грудям не впитать
Слез благоуханных кедра,
Благовоний им не знать,
Что таят Востока недра.

Золотым дождем волос,
Что вокруг чела развиты,

Вихрем огненным полос
Не овеются ланиты.

Не услышать больше нам
Сладкозвучных вздохов лиры:
Вы не вверите струнам
Вашей прежней страсти, сирь;

Вы не спляшете опять
После зноя, на закате.
Было радостно плясать,
И не мысля об утрате...

Но увь! То все прошло!
Нам остались лишь печали.
Наслажденье отцвело,
И веселья отзвучали.

Наша гордая страна,
Что была над всей вселенной
В счастии вознесена,
Ныне только — камень бранный.

Мы, добычею врагов,
Будем плакать об утрате
Наших милых берегов —
На пустом, чужом Евфрате.

ФИЛИПП ДЕПОРТ

(1546—1606)

Несу тебе, о Сон, вино не молодое,
И молоко, и мак, уж вызревший на зное, —
Лишь благосклонными крылами ты покрой
Старухи Ализон темнеющий покой
(На корточки присев, она перстом и зубом
Слюнит веретено в своем усердьи грубом), —
И кружево плести забудет пусть она,
И не ворчит всю ночь, не прерывая сна,
А я да обнимусь с беглянкою моею,
Влюбленной Изабо, грустящей рядом с нею.

Богиня гордая! Очей одно движенье
И к жизни возродит
Мой дух слабеющий, и сбросит угнетенье,
Что смертью мне грозит.
Двух солнц сияющих живительное пламя,

Спасенье мне — ваш свет.
Единый только взгляд угодно ль бросить даме?
Вам не угодно, нет.

Уст ваших звук один моей любезен муке
В безгневный, тихий час;
Изменится судьба в едином этом звуке
Того, кто любит вас.
Скажите только «да», улыбкою блесните,
Что вся — любви привет.
О боже, сколько мук! Сказать вы не хотите?
Вам не угодно, нет.

Душа без дружества! К мольбам моим глухая,
Холодная скала!
Когда не столь пылал ты, жалобам внимая,
Сочувственной была.
Довольно мне любить! Несем иному краю
Свободу и привет!
Но правда ли — ужель! — что я уйти желаю?
Нет, не желаю, нет!

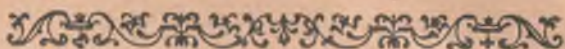

С годами я узрю — за муки в воздаянье:
Зима осеребрит вам золото кудрей,
Померкнет царственный огонь двух солнц-очей,
Амур уйдет, смущен, утратив обаянье.

И нежная краса в своем благоуханьи
Уступит времени — и в прелести своей;
Поблекнет цвет ланит с утратой юных дней —
И где сокровище, мое очарованье?

Презренье гордое, какому чувства жаль,
Преобразится вдруг в раскаянье, в печаль,
Когда изменится ваш образ оживленный.

Не позавидуйте тогда судьбе чужой —
Ожить в моих стихах с их страстной теплотой,
Как Феникс из огня взлетает, обновленный.

ЖАН ПАССЕРА

(1534—1602)

ВИЛЛАНЕЛЛА

Врозь я с горлиной моею:
Не она ведь мне слышна,
Поспешу вослед за нею.

Ты ль с подружкой своею
Розно? К нам судьба равна:
Врозь я с горлиной моею.

Верю я душою всею,
Коль твоя любовь верна:
Поспешу вослед за нею.

Слух твой жалобой лелею
Вновь, что нам двоим дана:
Врозь я с горлиной моею.

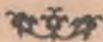
Без ее красоты жалею
Все, чем жизнь была красна.
Поспешу вослед за нею.

Смерть, верши свою затею,
То возьми, что взять должна:
Врозь я с горлиной моею,
Поспешу вослед за нею.

ЖАН БЕРТО

(1552—1611)

ПЕСНЯ

Гонимый небесами,
Я так тесним судьбой,
Что несчастливцы сами
Блаженными себя почли бы предо мной.

Маню к себе всечасно
Я скорой смерти срок:
Медлительный напрасно
Ее мне не дает мой нелюбезный рок.

Постель моя слезами
Всю ночь увлажнена,
А милыми дарами
И сонного меня не радует она.

Слетит ли сновиденье, —
А дух мой возмущен:
И в самом обольщеньи
Всю злую истину страдавий видит он.

Возвышенные чувства —
Отрада жизни всей —

Под холодом искусства
Застыли для меня навек в сердцах людей.

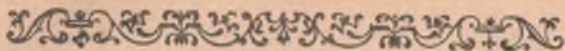
Одна неблагодарность
Спешит любви воздать;
Старается коварность
Неразделенные мученья мне послать.

Под бурным дуновеньем
Я гибну в злую ночь:
Челнок влеком крушеньем;
Жалеют все меня, а некому помочь.

И тем еще ужасней
Тоска души моей,
Что с нею все прекрасней
Воспоминание о благе прежних дней.

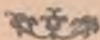
О счастье бывшее,
Что не придешь назад, —
Дай мне пребыть в покое,
Воспоминание включи в число утрат.

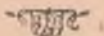

ВОКЛЕН де ла ФРЕНЕ

(1536—1607)

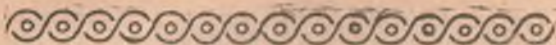
Зимы морщинистой затеи
Цветов не смяли Левкопей;
Нет, от морщин ее черты
Не потеряли красоты:
Укрывшись тех морщинок сеткой,
Амур грозит стрелою меткой.
Их складочки, едва видны,
Огня сокрытого полны:
Так солнца лик за облаками
Во всей красе встает пред нами;
Так Дафнис прячет меж ветвей
Силки — и ловит птиц верней.

О Галатея! (Благостью Хариты
Пускай вовек твои цветут ланиты!)
Поужинав, придите — ты и мать —
К нам посидеть сегодня; на досуге
У печки вечер длинный — без прислуги,
Со мной, с моей старушкой скоротать.

Нам эта ночь полудня будет краше.
И пастухи подсядут к свету наши —
И старых сказок нам наговорят.
А Лиза будет печь для нас каштаны.
И, если игры для тебя желанны,
Те игры нас от сна предохранят.

ОЛИВЬЕ де МАНЬИ

(1530—1561)

Г Р А Ц И Я М

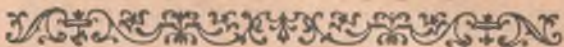
Вас, дочерей Евридомены,
Святых, без коих жизнь гнетет,
Сама ль восставшая из пены
Иль сын — гроза богов — ведет:

Без вас игра теряет стройность,
Без вас, божественных Харит, —
Нет, никаких желаний знойность
Живой души не утолит.

И каждой в дар несу смиренно
С мольбою тройственной моей —
Венок, цветущий несравненно,
Чтобы почтить руно кудрей.

И каждой — белый, теплый, парный
Горшочек молока несу.
И каждой — в чаше мед янтарный,
Мольбы почетную красу, —

О, только б вы благоволили
Всю стройность влить в стихи мои,
Чтоб Маргариту упоили
Их многозвучные струи.

МАТЮРЕН РЕНЬЕ

(1573—1613)

ПОЭТ ПОНЕВОЛЕ

Да, редко я пишу, и мне по нраву это
Не оттого, что лень в обычаях поэта;
Но только для стихов вооружусь пером —
Как на галере я с насильственным веслом,
И на втором стихе уж Муза мне диктует,
И с яростью ее мой разум соревнует.

И если вдруг пишу, как мне велит порыв,
Клянусь — лишь для того, чтоб сам остался жив, —
Звезда, что с Музой нас связала при рождении,
На голову мою шлет это исступленье,
Мне столь знакомое; покорен дух ему,
Как игу тяжкому, наперекор уму;
Я должен требовать от неба и от Музы,
В чем сам бы отказал: о, тягостные узы!
И хуже: властное до смерти уморить,
Зло неуступчиво, его не излечить;
Ты пользуй, — а оно не ведает границы, —
Иль в Антисире нам нехватит чемерицы? —
Так неподатливо, упрямо — хоть ты сгинь;
И философия теряет всю латынь.
Так, я неизлечим — терпеть, конечно, надо;

Но от страдания невелика услада, —
Нет, я досажую, противно мне терпеть,
И в приступе лихом готов хоть умереть.

Ведь всякий раз, когда чествуют меня поэтом,
Иначе — дурачком, мне горя больше в этом,
И больше я тогда смущен в своем уме,
Чем если б я лежал в проказе иль в чуме.
И пусть же бешенство меня обуревает,
Да хоть почтительность немного соблюдает
И не во всех меня преследует местах,
Иль выбор делает и в людях и во днях.
Как зимнею порой на скучный месяц целый
Нас в комнате запрет ноябрь оцепенелый, —
Пусть тут бы Аполлон и обуял меня,
Чтоб я переболел, судьбины не кляня.

Но в дни весенние, в ту радостную пору,
Как в сети милую Зефир заманит Флору,
Как птицы в воздухе и рыбы средь зыбей
Страдают сладостно, томясь в любви своей;
Иль над Церерою колосья вьют корону,
А Бахус молодой влюбляется в Помону;
Или когда шафран, прощальный цвет, горит
И Скорпиона вдруг волшебным золотит, —
Тогда-то рвение меня обуревает,
А разум бешенству покорно уступает;
На свет и на людей я больше не гляжу
И богу своему безумному служу.
Так дни последние красой подобны чуду:
Плоды Цибелою рассыпаны повсюду,
Сбирает земледел сторицею хлеба
В амбары, в закрома, в сараи, погреба.
Юнона, просияв улыбкою сладимой,
И взором ясная, блюдет посев озимый;
Покинул я Париж с заботами двора,
С его любимцами; решил я, что пора
Мне душу ободрить на милым сельском лоне,
Забывши о кюре, декане и Сорбонне,
В день ясный посмешить затейливым словом
Вас, ваших псов, котов и весь ваш милый дом.

И там, среди полей, где вьется в даль Уаза
В просторах золотых, отрадная для глаза
(Где некогда король был миром упоен,
Что дважды Франции завоевал Сидон), —
И телом и душой предаться детской воле,
Любовным пламенем уж не пылая боле,
И, так же как любви, не жаждая честей, —
В чем страсть любезника плачевных наших дней.

Но был обманут я суровою Фортуной:
Лишь только Феб ведет день радостный и юный,
Я — филин, спугнутый пыланием огня, —
Встаю и в глушь спешу, что и не знает дня,
Что Ройомон таит в своих дубравах темных,
Лисицам и волкам убежищах укромных,
И там со скрежетом, судьбу свою кляня,
И новые лоща, и старые чиня,
Творю стихи; а их, хоть Аполлон похвалит,
Быть может, злою двор гримасою ужалит,
Иль, ежели блесстит искусный, тонкий стих,
В награду назовут премиленькими их.
Но я, не дорожа сужденьями людскими,
Знакомый, как с собой, с братьями своими,
С их склонностью о том судить и толковать,
Чего как раз совсем им не дано понять, —
Я, навлеку ли брань, холодные ль сужденья,
В обиду все ж не дам старинного ученья,
Что добрый Эмпедокл гласит из мрака лет:
Знай, — ни великого, ни дивного здесь нет,
Но только дух один, величие презревший,
И — над собою царь — собою овладевший.

Что до того, чей ум настолько не силен,
Чтобы самим собой обманут не был он, —
Да познает себя, и твердые уроки,
Взращая доброе, искоренят пороки;
Сам цензор над собой — да жаждет исправлять
Зло, в нас открытое, а не пренебрегать,
И пробуждать свой ум, смущаемый мечтою;
Так я — коль жалуюсь, что овладело мною
Безумство, — да создам в искусстве грань ему

И на свои грехи суд строгий подыму,
Как здесь — к примеру — я изобличаю узы,
Меня связавшие в причудах милой Музы,
Чтоб, видя, как она беснуется, зевать
И время на стихи в неволе убивать.
Вот так и те пускай лишь кстати молвят слово,
Когда сужденье их испытано сурово,
И мнение резкое пусть раньше принесут
На свой же вдумчивый, бесстрастный, строгий суд.
И не ценят равно — гуртом, без размышленья, —
Пороки, доблести, бесчинства, преступленья.
Кто нынче нас бранит, тот завтра хвалит нас,
Чтоб разувериться, быть может, в тот же час.
Хвала теперь в цене, ей случай управляет,
Где над заслугою порок преобладает,
И я тут в стороне: ведь что ни назовем,
Худое ль, доброе ль — останется при нем.

Им, верю я, хвала — по праву воздаянье,
Иль для меня они — пустое бормотанье;
Что истинно, во мне то раскрывает ложь,
С плодами доброго и злое разберешь;
Завистник через век по смерти мной обманут, —
Там Злоба с Завистью одной любовью станут:
Потомство — судия бесстрастный для людей,
Раскроет время все в правдивости своей
И явит истину, как из земли являет
Ее сокровища — и вновь их сокрывает.
Я ж и не слушаю, что говорит народ.
Мне толки не несут утех или забот.
Про белого бычка замысловатой сказкой
Увлекся б я сильней, чем вздорной их завязкой.

Но, о себе судя, ведь человек — слепой,
И совершенства мы не сыщем под луной, —
Так мой совет: в себя, как червь, не углубляясь,
Несовершенствами природы извиняясь,
Оставим стариков и их печатный бред:
От метафизики уму покоя нет;
Кто принуждается, тот сам себя бичует.
Одна природа нам путь верный указывает.

Прости меня, Пьеро, как мною ты прощен;
Твой грех — не веровать ни в век, ни в чох, ни
в сон.

Лукавством покрывать веселые проказы;
Шюнпэн от ревности горит, как от заразы;
Ризон, как ростовщик, растит свой капитал;
Жан приговор к тюрьме не раз уж подписал,
Законность с молотка охотно продавая.
Свой грех у каждого: судьба уж, знать, такая.
Мой грех — свободным быть, не знать чудес ни в
чем

И брать от зла добро, где пахнет зло добром;
А нет, — так все одним смягчая снисхожденьем
Несчастье побеждать заведомым терпеньем;
Немногих уважать и, вольным до конца,
Поставить рядышком с вельможей простеца.
Но все же не могу я видеть зло без жалоб
И придержать язык, когда и надлежало б;
Вот, чтоб разбогатеть, все дело крючкотвор
Тому продаст, кто сам и висельник и вор;
Вот стряпчий двум врагам советы предлагает,
Вот на налог налог Лопет нагромождает,
Врач недоносков в лимб селит, неутомим,
Банкир за золото здесь устрояет Рим,
Прелат, разбогатев от взяток и поборов,
Лес меря даровой, свой жадный тешит нором;
Бросает Жан сестер, жену и дочерей,
Чтоб деньги крупные истратить поскорей;
Руссэт живет царьком, — таких чудес, друг милый,
Хоть отбавляй; мой грех, что замолчать нет смочи

Как малые грехи немного и томят,
Так из пороков всех, чей ныне в людях яд,
Те дурны менее, из коих извлекаешь
Добро; случается, их злейшими считаешь, —
Так их ты уважай: вот часто почему
Их можно пожелать великому уму,
Как проповеднику — в пороке соучастья,
Ребенку — шалостей или судье — пристрастья.
Пойдем смотреть на тех, что менее грешат.
Не будем разбирать резонов пестрый ряд;

Что знаем, скажем то без зависти и злобы,
И выворотим все, что жизнь марать могло бы.

Из этих всех грехов, какими, согреша,
Твоя в моих стихах затронута душа,
Ведь можешь ты извлечь лишь стыд и сожаленье.
Продавши правый суд, шлешь небу оскорбленье,
Ты губишь бедняка, сиротку и вдову,
Зловредный тем, что я Патленом назову.
Итак, последствием лихих моих нападок
Не будет мне вовек раскаянья осадок:
Свободно говоря, хочу добиться я,
Чтобы очистилась от зла душа твоя;
И если будет так, я чувствую отвагу —
Затем, что послужил мой грех тебе ко благу.

ПОЭТЫ
ИСПАНИИ

ГАРСИЛАСО де ла ВЕГА
(1503—1536)

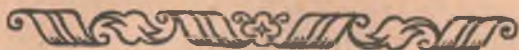
ИЗ КАНЦОНЫ III

С приветным мягким шумом,
Прозрачный, осиянный,
Данубь омывает островок, —
Там тихий отдых думам,
Тому уют желанный,
Кто, как и я, душою изнемог.
Весна там не на срок, —
Зеленый луг с отрадой
Всей россыпи цветочной,
Там соловей полночный
Все с тою же тоскою и усладой,
И, жалобно стеля,
Порой не молкнет он в сияньи дня.

.....
Данубь, ток блаженный,
Не дикие ль народы
Твоя поит кристальная волна?
Обрадуй переменной,
Свои направь ты воды
Иным руслом; другие племена
Да чтит твоя волна
Живым своим разливом;

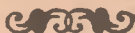
Когда в чужой пустыне
Она блистает ныне
В случайном беге радостно игривом, —
Ошибкою, — его мертвит
Чужого берега враждебный вид.

ЛУИС де ЛЕОН

(1528—1591)

СОНЕТ

Скорей, мой свег, с блеснувшею зарей
Красу кудрей скрути узлом богатым,
Грудь окружи и жесткость сердца златом
И мрамор шеи цепью золотой.

Яви порыв и чистый, и святой
В движеньи к небу рук и глаз крылатом —
И, жалкий, вспряну жалостью приятым:
О несравненная, играй и пой!

Так говорю я и в мечтаньи странном
Ее воображаю пред собою,
Смиренно обожаю и люблю.

И мечется душа, живя обманом,
И предстоит безумною судьбою
Мне смех ее, когда я слезы лью.

ЭПИТАФИЯ

на могилу Дон-Карлоса

Здесь Карлоса лежит бездушный прах,
А суть его на небо возвратилась
И с нею доблесть. Нам же сохранилось —
Что? В сердце страх и токи слез в очах.

Т 31170

МИГЕЛЬ СЕРВАНТЕС

(1547—1616)

ИЗ «ДОН-КИХОТА»

1

Не бывало, чтобы дамы
Так служили кавалеру,
Как недавно Дон-Кихоту:
Из поместья прибыл ныне, —
Девушки пеклись о нем,
О коне его — княгини.

2

АНТОНИО

Знаю, Олалья, меня ты любишь,
Пусть не сказала мне об этом
Даже хоть бы только глазами,
Их немою речью любовной.

Ясно мне, что ты понимаешь, —
В том, что любим я, нет сомненья,

А быть невозможно несчастной
Любви, что узнают явно.

Даже вполне возможно,
Олалья, только вид подаешь ты,
Будто душа твоя — бронза,
Белизна же груди — из камня.

Но порой за твоим укором
И за уклончивостью скромной —
Только лишь образец надежды,
Под покровом таким сокрытой.

Устремиться при этом знаке
Готов, но сил нет — ни признаться,
Что унижен и не позван,
Ни избранником подняться.

Если любовь — сама учтивость,
Будь же с нею неразлучна,
Чтоб моих надежд завершенье
В этот образ воплотилось,

И когда способно служенье
Пробудить благосклонность в сердце,
Не однажды свершенное мною
Верно мне поддержкой будет, —

Так как ведь если ты наблюдала,
Много раз ты могла заметить,
Как я в понедельник облачался
В лучший праздничный наряд воскресный.

Так как ведь любовь и нарядность
Ходят по одной дороге,
Я пред тобою постоянно
Быть старался приодетым.

Блески бросаю для тебя же,
Музыкой не докучаю,
Что тебе не во-время звучала
Вместе с первыми петухами.

Не считаю восхвалений,
Что красе твоей возглашал я,
Что, хоть и были справедливы,
Иными и во зло принимались.

Тереза де Беррокаль
Мне, хвалившему тебя, сказала:
«Придумал, что им ангел обожаем,
А вышло — просто влюблен в обезьяну,

Прельщен побрякушек всяких
И фальшивых волос обильем
И всяких прелестей ухищренных,
Что любовь в заблужденье вводят».

Возмутился я клеветою;
Обратясь к кузену злосчастной,
Взываю: тебе известно,
Что тогда я сделал, что он сделал.

Я люблю тебя не кое-как,
И, святаясь, тебе служу я
Не с замашкой холостяцкой, —
Благородней мое стремленье.

Налагает узы святая церковь,
Сплетены они из шелка:
Шею продень же ты в эту петлю,
И глядь — вот моя уже продета.

Если ж нет, то я клянусь тотчас
Всем, что для меня священо,
Что покину эти горы
Капуцином — не иначе.

Святая дружба, легкими крылами
 Лишь тень свою оставив нам, земным,
 К блаженным душам, к небесам родным
 Ты быстро взмыла вышними краями.

Благоволи оттуда вскрыть над нами
 Из-под покрова истый строй таким,
 Что наша ревность к подвигам благим
 Вдруг просквозит за жалкими делами.

Сойди с небес, о дружба! Запрети
 Обманщику твоим слугой рядиться,
 Чтоб не погибла лучших чувств улада.

Коль мнимых дружб ты не сметишь с пути,
 Весь мир в борьбу мгновенно обратится,
 А в ней начало смуты и разлада.

Трав, деревьев и растений —
 Сколько здесь ни видно вас,
 Пышных и зеленых сеней, —
 С состраданьем слышите глас
 Всех моих невинных пеней.
 Боль моя — не вам забота, —
 Хоть страдаю, цепенея;
 Не бегу я от расчета,
 Льются слезы Дон-Кихота,
 И далеко Дульцинея
 Из Тобосо.

Место здесь, где столь влюбленный,
 Что нельзя вернее быть,
 От сеньоры удаленный,

Злую боль пришел сносить,
Неповинно обреченный.
Боль одна — любви тягота,
Тьма сгустилась, не светлея;
Как из бочки для кого-то
Льются слезы Дон-Кихота,
И далеко Дульцинея
Из Тобосо.

К приключеньям он стремится
Меж суровыми скалами,
Их клянет, готовый биться,
Сжат теснинами и рвами,
Безысходностью крушится, —
Но Амуру все охота
Бичевать еще больнее,
Гнать, толкать, морить до пота, —
Льются слезы Дон-Кихота,
И далеко Дульцинея
Из Тобосо.

5

ПЕСНЯ

Мореплаватель любви,
По-над глубиью океана
Все ношусь я без надежды
Некой гавани достигнуть.

И к звезде стремлюсь высокой,
Мне открытой издалека,
Красотою лучезарней
Стольких блесков Палинура.

И ведет, куда — не знаю;
Так я плаваю, смущенный.

В созерцаньи всей душою,
Потрясенной до страданья.

Безграничная стыдливость,
Скромность выше всех примеров —
Тучи, что ее туманят,
Чуть я к ней стремлюсь поспешней.

О лучистое сиянье
Очистительного света!
Миг, как ты меня покроешь,
Будет мигом смерти мне.

6

Сеньора, цель поставьте предо мною,
Согласную с желаньями своими,—
Всей волею моею я буду с ними,
Не отклонюсь ни малою чертою.

Вам нравится — умру — и муки скрою, —
Не числите меня между живыми;
Велите — с злоключеньями моими
Амур предстанет повестью-судьбою.

В себе противоречья совмещаю —
Воск мягкий и алмаз твердейший. Долю
Закон любви укажет, торжествуя.

Вам мощь и слабость — грудь мою — вручаю;
На ней напечатлейте вашу волю;
Клянусь, ее навеки сохраню я.

Я тот Мерлин, о ком гласят сказанья,
 Что будто дьявол был его отцом
 (На веру принятая ложь времен),
 Властитель магии и повелитель
 И кладезь зороастровой науки,
 Веков соперник и тысячелетий,
 Что поглотить все подвиги грозятся
 Той вереницы рыцарей-скитальцев,
 Которую я так высоко чту.

И решено — я продолжатель дела
 Волшебников, и колдунов, и магов,
 Но крепкий их уклад суров и жесток;
 А мой-то кроток, нежен и любовен,
 Для каждого и дружествен и благ.
 В пещерах мрачных Диты, где когда-то
 Душа моя училась начертанью
 Магических писем и тайных знаков,
 Я глас постиг страданья несравненной
 Прекрасной Дульцинеи из Тобосо.

Познал околдованье и несчастье,
 Перерожденье дамы благородной
 В крестьянку грубую; от состраданья
 Дух в оболочку костяка вошел;
 Перед таким ужасным извращеньем
 Сто тысяч книг моих перелистав
 Сей дьявольской и суетной науки,
 От этой боли, этого страданья
 Я, наконец, лекарство отыскал.

Ты, честь и слава всех, что только видишь,
 В стальных или алмазных одежнях,
 Свет и тропа, и компас, и вожатый
 Для всех, что презрели постыдный сон
 И перья праздные, найдя призванье
 В ненасытимом грозном упражненьи
 Кровавого и тяжкого оружия!

Тебе, о муж, вещаю, как и должно,
Тебе, всегда хвалимый и отважный
И вместе скромный рыцарь Дон-Кихот,
Ламанчи блеск, Испании звезда,
Что возвратить обличье былое
Намерен Дульцинее из Тобосо;
А Санчо, твоему оруженосцу,
Дать должно бы три тысячи и триста
Плетей по двум почтенным половинам
Седалища, их обнажив, — что будет
И в гнев, и в огорченье, и в обиду,
И в искупленье всех его проступков,
Повергнувших его в поток несчастий...
Вот все, зачем пришел я к вам, сеньоры.

8

Здесь лежит идалго мощный,
Доблестью возвышен; каждый
Мог понять: с его кончиной
Смерти не торжествовать
Над его бессмертной жизнью.

Малостью весь мир считал он;
Бука, пугало для света
В жизни суетной, принесшей
Славу и удачу: мудрым
Умереть, а жить безумным.

ПРИМЕЧАНИЯ

Стр. 19. Другой бы, как защитник, твердо стал.— Речь идет о Кола ди Риенци (1313—1354), римском трибуне, поднявшем 19 мая 1347 года восстание против власти аристократов.

Стр. 19. Когда б скала, замкнувшая долину.— Vallis cluca (замкнутая долина)— форма названия Воклюза, усадьбы Петрарки возле Авиньона.

Стр. 35. Аура—или просто воздух, дуновение, или в истолковании старинных физиологов некий пар, тонкое испарение, якобы источаемое живым телом.

Стр. 37. Высокий дух, что тело устрояешь.— Речь идет о Стефано Колонна (ум. около 1348 года), вожде аристократической оппозиции против Кола ди Риенци, погибшем во время восстания Риенци.

Стр. 43. Опора жизни—строгая колонна.— См. выше, стр. 37.

Стр. 58. Аквелли—название ручья, протекающего у южного склона Монте Чечери.

Стр. 148. Каллисто—нимфа из свиты Дианы, обольщенная Зевсом и обращенная за это Дианой в медведицу.

Стр. 164. Люцина—римская богиня родов, собственно, один из эпитетов богини Юноны, жены и сестры Зевса.

Стр. 177. Атлант—мифический внук Иафета, сына Ноя, явившийся в Европу.

Стр. 180. Сенешаль—название высшего придворного чиновника, вроде министра двора, в то же время управлявшего и судебные обязанности.

Стр. 183. Тотила — король остготов с 541 по 552 год, ведший победоносную войну с византийцами, которые владели в то время почти всей Италией.

Стр. 190. Мартино, Бьонделла — клички быка и коровы.

Стр. 191. Страмботто — народная любовная песенка.

Стр. 195. Мазацчо — собственно Томмазо ди сер-Джовани ди Гвиди (1401—1428) — знаменитый итальянский художник.

Стр. 195. Бонаррото — собственно Буонарроти Микеланджело (1475—1564) — великий живописец, скульптор и архитектор.

Стр. 195. Фавон (Фавоний) — весенний ветерок; римское название Зефира.

Стр. 195. Хлорида — в греческой мифологии богиня весны и цветов, супруга Зефира.

Стр. 199. Ипполит — Ипполит Д'Эсте (1479—1520) — герцог феррарский, кардинал, покровитель Ариосто.

Стр. 199. Руджьеро — Руджьеро II (1095—1154) — король Сицилии.

Стр. 216. Гастинский лес — Гатине — старинная французская провинция, разделявшаяся на французское Гатине с главным городом Немур и Орлеанское — с главным городом Монтаржи.

Стр. 223. Айдесская река — в греческой мифологии Стикс, река в подземном царстве Аида, через которую Харон перевозил в ладье тени умерших.

Стр. 224. Анакреон, Стесихор, Симонид, Бион, Антимах, Филет, Бакхилид — древнегреческие поэты.

Стр. 228. Де-Гиз — Франсуа Лотарингский, герцог Гиз (1519—1563), полководец, преследователь протестантов.

Стр. 242. Дора — Жан Дора (? — 1588) — поэт и филолог, писавший преимущественно латинские стихи; в известной мере наставник поэтов Плеяды.

Стр. 254. Вилланелла — крестьянская песня со своеобразной строфической структурой.

Стр. 262. Ройомон — старинное аббатство, где похоронен Ренье.

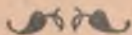
Стр. 264. Лимб — по средневековому католическому учению загробное местопребывание душ дохристианских праведников и младенцев, умерших до крещения.

Стр. 272. Дон-Карлос (1545—1568) — инфант испанский.

Стр. 277. Палинур — кормчий Энея, упавший в море у западного берега Лукании, то есть собственно озера Лугано.

НУМЕРАЦИЯ СТИХОТВОРЕНИЙ
ПО ТЕКСТУ ПОДЛИННИКОВ

Первая цифра означает порядковый номер нашей книги, дальнейшие цифры означают нумерацию, принятую научными изданиями оригиналов.

ПЕТРАРКА

Сонеты: 1—XXII—28. 2—LYI—64. 3—XC—318 (70).
4—LXXVIII—91. 5—LXXXI—84. 6—XCIX.85. 7—XC—140.
8—CV—14. 9—CVI—15. 10—CVII—16. 11—CXVII—99.
12—CXXXIII—18. 13—CXXIY—143. 14—CIXXIY—155.
15—CLXXX—161. 16—CLXIII. 17—CLXVIII—187. 18—CC1-221.

На смерть мадонны Лауры: 19—1—CCXXVIII.
20—3—CCXXX. 21—6—CCXXXIII. 22—8—CCXXXV. 23—13—
CCXI. 24—19—CCXLVI. 25—20—CCXLVII. 26—22—CCXLIX.
27—XXX—257. 28—XXXIII—260. 29—XLIII—210. 30—CLVI—273.
31—LII—279. 32—LIII—280. 33—LCCVII—305. 34—CXXVIII—306.
35—LXXX—309. 36—LXXXVI—314. 37—LXXXIX—317.

Канцоны: 1—11. 2 27. 3—40. 4—47.

Сестина: 1—VI—46.

Баллаты: 1—6. 2—7.

Мадригалы: 1—1. 2—2.

МАРО

Эпиграммы: 1—LI. 2—CXX, 3—CLIV. 4—CXII.
5—CXIV. 6—LVII. 7—LXXXIII, 8—LXXXIV. 9—LXXXIV.
10—CLIV. 11—CCXX.

Сонеты: 1—LXXIII. Рондо: 1—XXV. 2—XXIV. Совершенное рондо: 1—LXVII. Песнь: 1—разные песни, XI.

РОНСАР

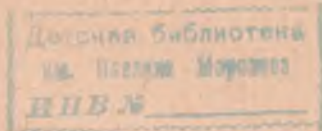
Сонеты: 1—Кассандре, XIX. 2—К Елене. LIV. 3—К Елене, XV. 4—К неизвестной, посмертный. Оды: 1—кн. II, ода XV. 2—III, VIII. 3—V, XXI. 4—II, X. 5—V, XXVIII. 6—IV, VIII. 7—III, XXV. 8—V, XXII. 9—VXIX. 10—I, XVII. 11—III, XVII. 11—приписывается Ронсару. Оды к современникам: 1—II, XXVI. 2—III. 3—III, XIX. 4—V, VIII.

ДЮ БЕЛЛЕ

1—Идея, CXIII. Римские древности: 1—XXVII. 2—XXVIII. Сожаления: 1—XXXI. 2—CXIII. 3—CLXXXIII. 4—LXIV. 5—CLXVI. 6—CXLI. 7—CXLI. 8—вне книги.

СЕРВАНТЕС

Из „Дон-Кихота“: 1—Часть I, глава 2—ч. I, гл. 11. 3—ч. I, гл. 17. 4—ч. I, гл. 26. 5—ч. I, гл. 43. 6—ч. II, гл. 12. 7—ч. II, гл. 35. 8—ч. II, гл. 74.

ОГЛАВЛЕНИЕ

А. К. Дживелегов — Ренессансная поэзия в переводах Ю. Н. Верховского	3
От переводчика	9

ПОЭТЫ ИТАЛИИ

Франческо Петрарка

Сонеты

Задумчивый, медлительный, шагаю	17
Всегда любил, теперь люблю душою	18
Красавица, избранная тобою	18
Безбожный Вавилон, откуда скрылось	19
Когда б скала, замкнувшая долину	19
Амур, судьба, ум, что презрел сурово	20
И мира нет — и нет нигде врагов	2
Огонь с небес тебе на косы, злая	21
В мех скряга Вавилон так вбил громаду	22
Исток страданий, ярости притон	22
Душа, что деешь, мыслишь? Будет с нами	23
Быть верным бы пещере Аполлона	23
Сквозь дикий бор, и мрачный, и дремучий	24

Холмы, где я расстался сам с собою	24
Весь день в слезах; ночь посвящаю плачу	25
Меж стройных жен, сияющих красою	25
Вот колесницу в море золотую	26
Всегда желал я жить в уединеньи	26
Увы, прекрасный лик! Сладчайший взгляд!	27
Горящий узел, двадцать один год	27
Покою дайте мне, вы, думы злые	28
Лишь образ чистый, ангельский мгновению	28
Как часто от людей себя скрываю	29
Сеннуччо мой! Страдая одиноко	29
Моих здесь воздух полон воздыханий	30
Как странен свет! Я нынче восхищен	31
Оглядываюсь на года былого	31
Дол, полный звуков пеней повторенных	32
Вот соловей так сладостно рыдает	32
Душа, свой путь утрат ты предвещала	33
Как встарь, зефир над нежными холмами	33
Тут не гнездо ли Феникса живого?	34
Я поминутно, мнится мне, внемлю	34
В мой угол аура веет — и вливаю	35
Глас моего твердит мне отраженья	36
Суровость неги, мягкость отклоненья	36
Пичужка, ты поешь ли, улетаю	37

К а н ц о н ы

Высокий дух, что тело устрояешь	37
Прозрачность вод, прохлада	40
Что делать мне? Амур, вожатым буди!	42
Надежная и нежная опора	44

С е с т и н а

Судьба моя благая, жизни радость	46
--	----

Б а л л а т ы

По временам ко мне не так суровы	49
Амур, в расцвет надежды	49

Мадригалы

Дианой не был так пленен влюбленный	50
Чело отмечено Амуром было	50

Джованни Боккаччо

Сонеты

Сокрылась доблесть, честь угасла, стала	51
Раз я уснул — и, мнилось, к тверди синей	52
Данте о себе	52

Поэма

Фьезоланские нимфы	53
------------------------------	----

Франко Саккетти

Горные пастушки	189
---------------------------	-----

Доменико Буркьелло

Страмботто	191
Муравей-путешественник	193

Серафино Аквилано

Сонет в диалоге о природе любви	194
---	-----

Аннибал Каро

Эпитафия Мазаччо	195
Был воздух тих на волновом просторе	195

Гаспара Стампа

Мадригал	197
--------------------	-----

Лодовико Ариосто

Роланд Неистовый (Начальные октавы)	198
---	-----

ПОЭТЫ ФРАНЦИИ

Клеман Маро

Эпиграммы

Об Анне, бросившей в меня снегом203
Во вторник вам дизэн я проиграл203
О той, которая медлила204
О себе204
Зачем хотите долго жить204
Анне205
Морису Сэв, лионцу205
Утрата младости твоей205
Твое письмо мне сообщает206
Кто здесь уснул? То нужно ль вопрошать?206
О плохом поэте206

Сонет

Даме, когда она была в Италии206
---	------

Рондо

Уж пятый год клеветущий Донос207
Друзьям207

Совершенное рондо

Друзья, теперь на воле я гуляю208
Песнь о мае и добродетели209

Меллен де Сен-Желе

Где гроб стоял с покойницей лежащей210
---	------

Морис Сэв

Дизэны

Венера отдыхала раз в саду211
Художник нам вдруг снега белизною211

Луиза Лабё

Сонет213
-----------------	------

Пьер де Ронсар

Сонеты

До времени седины расцветут214
Ты небом создана — и образец разбило215
Все, все, что свято нам, в чем добродетель, честь215
Уж вы состарились, а я—я стар давно216

Оды

К Гастинскому лесу216
К ручью Беллери217
Хромой Венерин муж—один218
Мой друг, вели, чтоб жить уютней218
Пока прекрасный месяц длится219
Просьба к Сомме219
Кто умер нынче в свой черед220
С сыном раз ко мне вошла222
Раз должен скоро почивать223
К возлюбленной225
К Купидону225
Я не люблю стихов, что льнут к землеце сами227

Оды к современникам

Иоакиму Дю Белле227
К Реми Белло228
Шарлю Писселе, епископу Кондомскому228
Роберу де Ла-Э230

Понтюс де Тиар

Божественный Ронсар, легко, счастливый234
Песнь235

Иоаким Дю Белле

Идея237
----------------	------

Римские древности

Ты, что дивишься Риму, созерцая238
Кто выдывал не раз огромный дуб сухой238

Сожаления

Счастлив, кто, как Улисс, (путеводим судьбою)	239
Добро пожаловать, о Тишина благая!	239
Друг, научу тебя (хоть на свою ты стать...)	240
Гордится в Греции поэзия поныне	241
В аду своих телес был дух закован мой	241
Везде тщеславие да зависть, скупость, — с ними	242
Ваш суд, придворным, честит поэтов, нас	242
Кто б возразил, Жильбер, и пренебрег молвой	243

Реми Белло

Апрель	244
------------------	-----

Этьен Жодель

Я мню: всех нас, душой ярму поработанных	247
--	-----

Антуан де Баиф

Розы	249
----------------	-----

Поэты конца XVI века

Робер Гарнье

Еврейки. Хор	250
------------------------	-----

Филипп Депорт

Несу тебе, о Сон, вино не молодое	252
Богиня гордая! Очей одно движение	252
С годами я узрю — за муки в воздаянье	253

Жан Пассера

Вилланелла	254
----------------------	-----

Жан Берто

Песня	255
-----------------	-----

Воклен де ла Френе

Зимы морщинистой затей	257
О Галатея! (Благостью Хариты...)	257

Оливье де Маньи

Грациям 259

Матюрен Ренье

Поэт поневоле 260

ПОЭТЫ ИСПАНИИ

Гарсиласо де ла Вега

Из канцоны III. 269

Луис де Леон

Сонет 271

Эпитафия 272

Мигель Сервантес

Из «Дон-Кихота»

Не бывало, чтобы дамы 273

Антонио 273

Святая дружба, легкими крылами 276

Трав, деревьев и растений 276

Песня (Мореплаватель любви) 277

Сеньора, цель поставьте предо мною 278

Я тот Мерлин, о ком гласят сказанья 279

Здесь лежит идальго мощный 280

Примечания 281

Нумерация стихотворений по тексту подлинников 283

Редактор *Е. Н. Биркова*
Художник *И. Ф. Рерберг*
Техн. редактор *Ф. Е. Артемьева*
Корректор *Л. С. Петрова*

*

Сдано в набор 7/IV—48 г. Подписано
к печати 21/VIII—48 г. А-07768. Печ.
л. 18¹/₄. Уч.-авт. л. 10,94. Тираж 10 000.
Формат бумаги 84×108¹/₃₂. Зак. № 638

*

6-я типограф. треста «Полиграфкнига»
ОГИЗ при Совете Министров СССР
Москва, 1-й Самотечный, 17.

**КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА**

Колич. предыд. выдач _____

Зак. 2348. Тир 7.000.000.

Тиз. изд-ва «Московский большевик».

ОГИЗ
ГОСЛИТИЗДАТ
1948

Цена
6р 50к